

Лена Летняя

Ментальный факультатив

Глава 1

Было очень страшно и почему-то больно, хотя на окраине подсознания мельтешила мысль, что во сне больно быть не может. Лана с протяжным тяжелым стоном повернулась на бок и проснулась, осознав, что просто лежит на чем-то очень твердом, давно в одном положении, а голова раскалывается, потому что там поселился барабанный оркестр. Существуют ли оркестры, состоящие только из барабанов, она точно не знала, но чувствовала, что в голове застрял именно такой.

С трудом сев на узкой, жесткой койке, она осторожно разлепила один глаз, пытаясь понять, где находится, в надежде вспомнить, как здесь оказалась.

Мрачное темное помещение без окон не пробудило никаких воспоминаний, но заставило мозг заработать. Если нет окон, то как она вообще что-то видит? Значит, какой-то источник света все-таки есть. Затуманенный взгляд пополз по помещению и наткнулся на чьи-то ноги. Женские, прикрытые прямой юбкой до колен. Подозрительно знакомой юбкой...

Потерев глаза, чтобы немного прояснить зрение, Лана подняла взгляд чуть выше, ненадолго задержавшись на недовольно сложенных на груди руках. Знакомая поза... Наконец добравшись до лица нависшей над ней женщины, она узнала в ней профессора Кори, куратора своего курса.

– О, вот почему так противно, – пробормотала Лана хриплым со сна голосом, отворачиваясь.

Картина мира моментально восстановилась: начало второго триместра, задорная вечеринка, небольшая компания, жаждущая продолжения банкета, решение отправиться в старый сгоревший дом, находящийся на территории университета. Дом пользовался дурной славой, но в то же время притягивал к себе людей вроде Ланы и ее друзей. Его угнетающая мрачность воспринималась ими как интригующая таинственность. Поэтому они и решили продолжить вечеринку тут, пугая друг друга страшными историями и уничтожая привезенные из дома бутылки вина.

А потом она, видимо, вырубилась в маленькой комнатке в подвале, где была только узкая жесткая койка и старая, давно проржавевшая цепь, на которой сумасшедший Мастер Снадобий когда-то держал на привязи похищенную из другого мира русалку, надеясь получить ценный ингредиент – ее слезы.

– Рада слышать, что вам, госпожа Лерой, хотя бы противно, – холодно процедила профессор Кори. – Должно быть, конечно, стыдно, но на это я не надеюсь. Вы бы еще прямо на могилах свою пьянку устроили!

Лана поморщилась. То ли от усилившейся из-за громкого голоса куратора головной боли, то ли от того, что с утра вчерашняя идея продолжить праздник именно в этом месте казалась уже не такой гениальной.

Но вслух признавать свои ошибки Лана Лерой не привыкла. Поэтому она лишь снова подняла на куратора все еще затуманенный похмельем взгляд и заявила:

– Отличная идея, но для следующего раза: вчера ночью дождь накрапывал, неудачный момент для пикника.

Ноздри профессора Кори возмущенно затрепетали, всю ее буквально затрясло от подобной наглости. Лана решила закрепить маленькую победу безмятежной улыбкой.

– К ректору. Сию секунду.

– Что, даже не дадите почистить зубы и выпить потивопохмельное?

– Встала и пошла, – буквально прорычала куратор.

Лана страдальчески закатила глаза и лениво поднялась на ноги, одергивая короткий жакет. Несмотря на то, что она провела ночь в весьма сомнительном месте, ее одежда выглядела аккуратно и свежо, как будто она только что достала ее из шкафа после чистки. Настолько качественные защитные заклятия были довольно сложны в наложении, поскольку их требовалось начинать вплетать в ткань еще в момент ее создания, а потом добавлять на каждой стадии пошива костюма, что существенно увеличивало его стоимость, но Лана Лерой легко могла себе это позволить. Поэтому к ее возмутительно облегающим укороченным брюкам за весь вчерашний день и всю ночь не прилипло ни соринки, а на блузке и жакете не появилось ни одной лишней складки. Бурную ночь выдавали лишь спутавшиеся волосы и слегка припухшие глаза.

Куратор поторопила ее недовольным тоном, и Лана, вздохнув еще раз, шагнула за ней следом. Ладно, это надо просто пережить. В Лексе преподаватели любят делать вид, что они контролируют

ситуацию и могут повлиять на своих студентов. Чаще всего так и есть, но не в случае Ланы. Последние четыре года ее отец возглавляет Правительство и фактически является вторым человеком в государстве после короля. Ну, или третьим, потому что неформально вторым человеком считается все же королева, имеющая огромное влияние на умы и сердца жителей мира за Занавесью. Но в политику и экономику она никогда не лезла, оставив себе лишь общественную жизнь и благотворительность.

Поэтому максимум, что мог сделать ректор, – это немного побухтеть на тему «Как так можно?» и «Доколе?», вынести тысячное «последнее предупреждение» и отпустить ее с миром. Как это происходило все три года обучения.

Острые шпильки профессора Кори стучали по каменному полу подвала пронзительно и торопливо. Барабанный оркестр в голове Ланы вдохновился заданным ритмом и заработал усерднее.

В соседнем помещении, посреди которого красовался не то большой колодец, не то маленький, но очень глубокий бассейн, остались следы ночных посиделок: пустые бутылки, неприкаянная корзинка из-под еды в углу, оплывшие свечи, которые они притащили, чтобы не расходовать силы на контроль световых шаров. Направлять магический поток в определенной степени опьянения не только трудно, но и не безопасно.

«Похоже, попалась я одна», – осознала Лана, не увидев здесь никого из друзей, с которыми гуляла накануне.

Эта мысль болезненно кольнула. Они что, просто бросили ее тут, а сами свалили в общежитие? Вот молодцы, нечего сказать. Неужели трудно было левитировать и ее тоже?

Впрочем, умом Лана понимала, что в их вчерашнем состоянии левитировать человека – очень плохая идея. Вероятно, друзья просто решили, что ей безопаснее остаться здесь, ведь все равно ничего не будет, даже если поймают.

Продираясь сквозь лесные заросли к замку, Лана в который раз задалась вопросом, что будет, если она все-таки откажется играть по правилам, пошлет куратора вместе с ректором подальше и просто уйдет в свои апартаменты. За все время учебы она ни разу не решилась нарушить субординацию настолько откровенно, но сейчас очень хотелось.

«Ладно, проще послушать нравоучения. Пять минут – и свободна», – убедила она себя, с черной завистью глядя на то, как легко и непринужденно куратор накладывает заклятие на мокрую и зыбкую после дождя землю перед собой, чтобы не проваливаться в нее каблуками.

Ветки деревьев та отводила магией так же легко и специально «отпускала» сразу за собой, чтобы они стремительно летели в лицо Лане. С сильного похмелья использовать магию тоже затруднительно, поэтому она закрывалась от хлестких ударов руками, мысленно прикидывая, как потом отомстить.

Ректор ждал их в кабинете. Он был невысок, полноват и лысоват. И куда старше отца Ланы. Она предполагала, что на эту должность его выбрали исключительно за такую внешность, а не за ум и умение управлять. Предыдущий ректор неожиданно оставил пост, чтобы жениться на своей студентке, скандал тогда был знатный, и его повторения никто не хотел. Впрочем, позже Его Величество Норд Сорроу отменил запрет на отношения между совершеннолетними студентами и преподавателями, поэтому теперь подобное едва ли могло кого-то шокировать. Но ректор Сайдер все равно сохранил свой пост.

– Садитесь, госпожа Лерой, – не утруждая себя приветствием, велел он, кивнув на неудобный стул.

Тот стоял не напротив его стола, как обычное место для посетителя. Там по мере необходимости появлялись одно или два кресла. Стул Сайдер выставлял на расстоянии, ближе к центру кабинета. Сидеть на нем всегда было странно, как у позорного столба стоять. По крайней мере, у Ланы часто возникала именно такая ассоциация.

Поэтому она всегда садилась на него нарочито небрежно: боком, закинув ногу на ногу и опираясь локтем на спинку. Сегодня ее поза получилась особенно расслабленной, потому что после бурной ночи все тело было ватным.

Ректор... улыбнулся. Что было странно. Обычно в таких ситуациях он лишь бессильно скрипел зубами, а сейчас как будто предвкушал. Если бы не оркестр в голове, Лана восприняла бы это как определенный знак, но барабаны очень мешали думать.

– Что же вы, госпожа Лерой, опять нарушаете распорядок? Вам известно, что нахождение вне общежития после полуночи запрещено?

– Угу, – промычала Лана, массируя висок.

– А что именно произошло в том коттедже, где вы изволили ночью развлекаться, вам известно?

Лана только тяжело вздохнула, снова демонстративно закатив глаза.

– Там много месяцев насильно удерживали и мучили русалку, – с нажимом сказал ректор. – После чего ее убили при попытке к бегству, а в коттедже сожгли ее тело и едва не сожгли одну из сотрудниц Лекса. Живьем. Позже там едва не утопили студента и утопили жену бывшего владельца, которого эта женщина предварительно отравила. Серьезная трагедия связана с этим местом, а вы считаете, что уместно устраивать там попойку?

И снова Лану что-то кольнуло внутри. То ли стыд, то ли совесть – она плоховато была знакома с подобными чувствами. Как и в разговоре с куратором, она сделала все возможное, чтобы это не отразилось на ее лице.

– А как можно устоять перед возможностью потусить ночью в местечке с такой репутацией? – демонстративно округлила она глаза, как будто действительно не понимала.

Ректор только покачал головой и переглянулся с профессором Кори. Та стояла неподвижно рядом с его столом, словно памятник самой себе, даже странно было видеть, как она вдруг повернулась к началству.

– Кто еще был с вами? – строго спросила она.

– Понятия не имею, – соврала Лана. – Я так напилась, что не помню даже, как мы туда пошли.

– Если вы назовете имена тех, кто был с вами, ваше наказание не будет столь суровым, – снова оскалился в неожиданной улыбке ректор.

Но и сейчас барабаны помешали Лане обдумать это странное поведение. Она только лениво дернула плечом, запуская пальцы в спутанную гриву и мысленно прикидывая, насколько ужасно та выглядит. Длинные каштановые волосы всегда были ее гордостью, и в обычные дни она уделяла им по утрам немало времени, укладывая аккуратными, слегка выющимися локонами.

– Что ж, тогда за последствия будете отвечать одна. У вас накопилось несколько сотен предупреждений, и сегодня чаша моего терпения переполнилась. У меня нет другого выхода, кроме как отчислить вас, госпожа Лерой.

Ее имя он произнес с особенным смакованием. Значение его слов дошло до Ланы не сразу. И даже когда дошло, она не поверила.

– Вы не можете меня отчислить, – нахмурилась она.

– Могу, – радостно заявил ректор. – Больше того: я безумно жажду это сделать.

Лана села прямее, повернулась к ректору всем корпусом, зло сощурила глаза.

– Вы блефуете! Вы прекрасно знаете, кто мой отец и что будет с вами, если вы меня отчислите.

Теперь заметная улыбка тронула и каменное лицо куратора.

– Боюсь, госпожа Лерой, это вы не в курсе, кто теперь ваш отец, – непривычно мягко заметила она. – Он больше не возглавляет Правительство. Он осужден за коррупцию и находится в тюрьме. Так что прикрывать вас больше некому. И теперь за каждый свой проступок вы будете отвечать по всей строгости, так сказать.

Лана моргнула. Один раз, другой, переводя ошалелый взгляд с ректора на куратора и обратно. А потом рассмеялась. Громко, почти истерично, отчего голова моментально разболелась еще сильнее.

– Ну, вы даете, – простионала она, отсмеявшись. – Не могли придумать что-то более правдоподобное? Я меньше недели назад была дома, все было в порядке! Если бы моего отца сняли или в чем-то обвинили, об этом бы заранее начали шуметь газеты. И уж тем более никто не может осудить человека за пять дней!

Ректор усмехнулся, поднялся со своего места и взял газету, лежавшую на углу стола.

– А это и появилось в газетах сегодня, госпожа Лерой, – с нескрываемым удовольствием сообщил он, протягивая Лане «Столичный Вестник», где уже на первой полосе маячил кричащий заголовок, подтверждающий его слова. – Все произошло быстро. Ваш отец осужден Королевским Судом.

Ректор еще что-то говорил, рассуждал о том, что «этого следовало ожидать, глядя на Лану». Мол, у порядочного человека не могла вырасти столь беспардонная дочь, но Лана его уже не слушала.

Перед глазами все плыло, она даже не могла толком сфокусировать взгляд на строчках статьи, видела лишь заголовок, отдельные фразы и портрет отца. Тот же самый официальный портрет, которым сопровождалась ранее статья о действиях Правительства.

Королевский Суд. Это означало, что решение о виновности отца было принято единолично Его Величеством. Ни уполномоченного обвинителя, ни защитника, ни разбирательства, ни возможности обжаловать. Король в своих приговорах был быстр и непоколебим. Все решалось буквально в день предъявления обвинения. Стандартные процедуры не действовали, если уж он брался судить и карать сам.

Голос ректора воспринимался Ланой просто как фоновый шум, собственное сердцебиение заглушало его, барабанный оркестр в голове разошелся не на шутку: казалось, та сейчас лопнет. Но как только мозг сумел понять и принять случившееся, в жилах вскипела кровь, прогоняя паралич.

Лана вскочила со стула, оборвав ректора на полуслове, и решительно шагнула к двери.

– Госпожа Лерой! Вас никто не отпускал, – возмутилась куратор Кори.

– Разве я не отчислена? – спокойно поинтересовалась Лана, оборачиваясь на пороге кабинета и глядя только на ректора.

– Безусловно, – сквозь зубы процедил тот. – Это даже не обсуждается.

– Тогда вы больше не можете ни удерживать меня, ни отпускать!

И она с силой захлопнула за собой дверь, так что стены завибрировали.

Следующие события промелькнули как в тумане. Лана смутно помнила, как вернулась в апартаменты, которые делила с подругой чуть больше трех лет. Светловолосая и синеглазая Альма наслаждалась поздним субботним завтраком, и, судя по безмятежному выражению лица, еще не открывала газет. Вообще-то она предпочитала журналы со светской хроникой, особенно тот, которым владела и руководила мать Ланы, но о снятии канцлера наверняка написали бы и в одном из них: их семья всегда фигурировала в хронике.

Безмятежность слетела с Альмы, едва та взглянула на подругу.

– Что случилось? – в ужасе спросила она, поскольку лицо Ланы было даже не бледным, а почти серым.

Лана проигнорировала вопрос, – на самом деле даже не услышала его, – прошла через общую гостиную и скрылась в своей спальне, где принялась резкими движениями срывать с вешалок одежду и комом бросать в чемодан. Ее трясло, в глазах темнело, голова пульсировала болью, и казалось, что она вот-вот хлопнется в обморок. Или, как вариант, ее стошнит.

– Это Кори? Она нашла тебя в подвале? – снова спросила Альма, последовав за ней. – Но тебе же за это обычно ничего не бывает...

Голос ее звучал виновато, но Лане сейчас не было до этого никакого дела. Тот факт, что друзья бросили ее в подвале сгоревшего дома, теперь уже ничего не значил. Она даже радовалась тому, что ее отчислили. В противном случае она не смогла бы сейчас покинуть Лекс: таковы были древние правила самого старого университета мира за Занавесью.

– Лана, поговори со мной, – взмолилась Альма тонким, почти детским, хныкающим голосом.

Захотелось дать ей подзатыльник, но Лана только швырнула подруге смятую газету, которую бессознательно утащила из кабинета ректора.

– Меня отчислили, – рыкнула она хрипло. Странно, что получилось хотя бы так: она боялась, что голос совсем откажет.

Альма что-то запричитала в ответ, отчего еще сильнее разболелась голова. Пришлось вытолкать ее обратно в общую гостиную и захлопнуть дверь. К счастью, подруга не стала рваться обратно.

Еще какое-то время Лана бессмысленно металась по комнате, собирая вещи, зло пиная кровать и стараясь не расплакаться. Противопохмельное снадобье она выпила слишком поздно, теперь его эффекта не стоило ждать немедленно, но хотя бы перестало мутить.

Когда вещи были собраны, Лана замерла в нерешительности. Порталы в Лексе почти всегда заблокированы ректором, войти и выйти можно только с его личного разрешения. И что-то подсказывало: он будет ждать, когда она придет просить выпустить ее. Просить не хотелось. Лана Лерой вообще не привыкла что-то просить.

На ее счастье к тому времени, когда она все-таки заставила себя покинуть апартаменты, ректору уже пришлось впустить в университет господина Обермана, поверенного семьи Лерой. Он и забрал Лану с собой, избавив от необходимости общаться с ректором.

Она шагнула в портал так торопливо, что едва не забыла утянуть за собой болтающийся в воздухе чемодан. Ей хотелось как можно скорее оказаться в стенах родного столичного дома, где она сможет успокоиться и выяснить у Обермана, что делать дальше. Должен быть способ помочь отцу!

Однако вместо привычного портала, открывающегося в холле дома, она вышла из портала общественного, городского, находящегося на площади Перемещения. Вообще-то ее так называли в честь Великого Перемещения, произошедшего много веков назад, когда маги покинули мир людей и ушли за Занавесь, в свой новый мир. Но теперь это была одна из наиболее оживленных площадей города с наибольшим количеством общественных порталов.

Лана от удивления замерла на месте, у выхода, поэтому сначала об нее стукнулся последовавший за ней чемодан, а потом едва не снес поверенный. Лишь чудом ей удалось вовремя почувствовать его приближение и отскочить в сторону. Где ее задел мощным плечом незнакомый парень.

– Смотри, куда прешь, – огрызнулся тот вместо извинений.

В обычной ситуации он услышал бы о себе много интересного, но сейчас Лана была в плохой форме: все слова вылетели из головы. Она лишь повернулась к Оберману и вопросительно уставилась на него.

– Идемте, госпожа Лерой, – мягко велел тот, деликатно подталкивая ее вперед. – Мой дом недалеко отсюда, там я вам все объясню.

Лана послушно поплелась в указанном направлении. Боль частично улеглась, но голова все еще ощущалась так, словно в нее набили ваты.

Прогулка по свежему воздуху и узким аккуратным улочкам Аларии, умытым ночным дождем, немного привели ее в чувство, поэтому, когда Оберман открыл перед ней дверь небольшого, но красивого дома, к Лане уже вернулось ее обычное боевое настроение.

– Так что произошло? И почему это произошло? Отца кто-то подставил? Или это сам король на него за что-то ополчился?

Вопросы вылетели из нее один за другим вместо ответа на предложение чая и завтрака. К чести Обермана, он не стал повторять свой вопрос, разыгрывая учтивость.

– Едва ли причина в отношении Его Величества, – осторожно ответил он, внимательно следя за реакцией насупившейся и гневно скрестившей на груди руки Ланы. – Если бы он просто хотел избавиться от вашего отца, он бы его снял с должности. Очевидно, ему были предоставлены достаточные на его взгляд аргументы и свидетельства. Сорроу редко берет на себя судебные функции, а в случае вашего отца все произошло очень быстро. Его арестовали после очередного заседания Правительства, в тот же день доставили к королю и через два часа все было кончено. Господин Лерой отправился в тюрьму, а Легион начал арестовывать счета и имущество вашей семьи. Каким-то образом два дня все удавалось скрывать от прессы и общественности, но ночью вышел выпуск оппозиционного «Ястреба», в котором Ралм Ле Крок обо всем рассказал. Так что властям пришлось срочно давать официальный пресс-релиз, который и появился во всех утренних газетах.

Лана покачала головой, прикрывая глаза. Значит, уже все знают, без последствий дело не замять. Если вообще можно замять...

– Что-то можно сделать? Как-то изменить мнение Сорроу или добиться освобождения отца? Он ведь невиновен!

Лицо поверенного странно дернулось. Он был уже не очень молодым, но все еще довольно привлекательным мужчиной. Высокий рост, респектабельный вид, благородная седина, лишь тронувшая черные волосы. Его лицо всегда оставалось спокойным, уверенным и доброжелательным. По крайней мере, именно таким обычно видела его Лана. Поэтому сейчас она поняла: Оберман не верит в невинность ее отца.

– Королевский Суд необратим, апелляция тут не предполагается, – неожиданно холодно напомнил он. – Норд Сорроу не меняет своих решений. Король не может ошибаться.

Лана как стояла, так и села, внезапно почувствовав слабость в коленях. Благо за спиной оказался диван.

Оберман был поверенным их семьи столько, сколько она себя помнила. Он всегда был на их

стороне. Помогал решать любые проблемы с законом, мог замять любой скандал. Делая политическую карьеру, отец опирался на него во многих вопросах, тащил за собой, строя карьеру и ему тоже.

И вот теперь Оберман от него отвернулся. Испугался? Или правда верит в его виновность? Или знает?..

– Где мама? – глухо спросила она, отводя взгляд от поверенного.

И потому что больше не хотела видеть изменившееся выражение лица, и чтобы спрятать выступившие на глазах злые слезы.

– Хороший вопрос. Никто не знает на него ответ. Она исчезла сразу после ареста вашего отца. Суд еще не закончился, когда несколько счетов вашей семьи в одном из банков были опустошены, а госпожа Лерой исчезла в неизвестном направлении. Вместе с семейными драгоценностями. Предполагают, что она сбежала за Занавесь, в мир людей, через нелегальный портал, чтобы спрятаться от юрисдикции Легиона.

Мир окончательно рухнул, и Лана тихонько застонала, запуская пальцы в волосы и сжимая руками голову. Это однозначный конец! Подобный побег родительницы хуже письменного свидетельства против отца.

Оркестр ожил, но теперь его грохот звучал иначе. Барабанные дробы раздавались в пустоте: в голове не осталось ни одной, даже самой завалящей мысли. Что теперь делать? Как быть дальше? Да, Лана почти взрослая, а родители и раньше нечасто присутствовали в ее жизни. Но такой скандал – отец в тюрьме, мать в бегах – ляжет на нее несмываемым пятном позора. Ее больше не позовут ни в один приличный дом. Придется уехать в пригород, запереться в особняке и стать затворницей. Ей будет скучно, она перестанет за собой следить, увлечется сладостями и алкоголем, растолстеет и будет ходить по дому неприкаянным косматым призраком с давно не стриженными ногтями...

– Кошмар, – пробормотала Лана, живо представив себе эту картину.

– Да, ситуация непростая, – согласился Оберман, решив, что она комментирует побег матери.

Лана бросила на него взгляд исподлобья, но поверенный его не заметил: он сосредоточенно смотрел на часы. Стало понятно: ей здесь больше не рады.

– Ладно, я не буду вас больше отвлекать, – вздохнула Лана, поднимаясь с дивана. – Пожалуй, отправлюсь домой и буду там страдать. Вы держите меня в курсе, если появятся еще какие крутые новости. Ну там, чума, война, голод... Только мне нужны будут деньги...

Оберман неловко кашлянул и потупился. Лана подозрительно сощурилась.

– Что?

– Боюсь, у вас больше нет дома. И денег тоже нет.

– То есть как?

– Ваш отец обвинен в коррупции и хищениях, – напомнил Оберман. – Все ваше имущество и все счета арестованы.

Лана задыхнулась от возмущения.

– Он что, охренел? – почти крикнула она. – Кем он себя возомнил? Моя семья была богата задолго до того, как отец вошел в Правительство!

– Ваш отец нанес ущерб государству, – тон поверенного снова стал морозным. – И должен его возместить. Конечно, что-то вам оставят, но это произойдет не сразу. Пока мне удалось договориться лишь о том, чтобы не замораживали ваш личный счет, который отец открывал на ваше имя. На нем достаточно средств, чтобы прожить, пока комиссия не решит, что можно вам оставить.

– И на том спасибо, – процедила Лана. – Тогда мне нужны деньги с этого счета. Я сниму номер в гостинице.

– Хороший вариант, – кивнул Оберман, – но просить эти деньги вам нужно не у меня. Я больше не работаю на вашу семью. Это наша последняя встреча.

– Да я уж догадалась, – проворчала Лана, бросив на него убийственный взгляд.

Который, впрочем, не произвел на Обермана никакого впечатления.

- Поскольку вы пока несовершеннолетняя, распоряжаться средствами этого счета самостоятельно вы тоже не сможете.

Лана никогда не отличалась спокойствием и невозмутимостью, поэтому услышав последнее заявление запрокинула голову назад, топнула ногой и не то завывала, не то застонала.

- Да перестаньте! Мне исполнится двадцать через три месяца!

- С половиной, - педантично уточнил Оберман. - Вот тогда вы и сможете распоряжаться счетом. А пока это будет делать назначенный опекун.

Лана нахмурилась. Какой еще опекун? Кроме отца и матери у нее не было близких родственников.

- Ваша сестра.

- Сестра? У меня нет сестры!

- Вообще-то есть, - сообщил от двери незнакомый женский голос.

Глава 2

Лана обернулась: на пороге стояла совершенно незнакомая ей рыжеволосая женщина, не похожая на нее ни одной чертой лица. На вид ей было около тридцати, простое, но элегантное платье подчеркивало ладную фигуру, строгая вместительная сумка в руках выдавала в ней деловую женщину. Или, скорее, женщину, занятую делом.

– Неужели ты меня совсем не помнишь? – сдержанно улыбнулась незнакомка. – Я вот тебя помню. Правда, мы виделись всего один раз, но тебе тогда было лет десять, ты была уже достаточно взрослой, чтобы запомнить меня.

Лана снова недовольно скрестила руки на груди, окидывая женщину пристальным, изучающим взглядом. Нет, ничего. Ни единого шевеления памяти, что заставляло подозревать: эта женщина – самозванка.

– У меня нет ни братьев, ни сестер, – процедила Лана все так же недовольно.

– Госпожа Бренон ваша сводная сестра, – наконец смилостивился и объяснил поверенный. Уже теперь бывший.

– Марта, господин Оберман, – мягко поправила женщина, подходя ближе, – мы же договорились.

Оберман улыбнулся ей, как показалось Лане, куда теплее, чем следовало. Ей до сих пор было трудно поверить, что этот человек больше не на их стороне.

– Марта – дочь вашего отца от первого брака, – продолжил он знакомить их, снова повернувшись к Лане. – До вашего совершеннолетия она будет исполнять роль опекуна. И, соответственно, будет распоряжаться средствами вашего личного счета.

– Вот подфартило-то, а? – язвительно усмехнулась Лана. – Господин Оберман, надеюсь, вы можете хотя бы сообщить мне, сколько точно денег на моем счете сейчас. А то боюсь, что пока я доживу до совершеннолетия, он заметно опустеет.

Улыбка на лице Марты погасла, она плотно сжала губы и холодно заметила:

– Мне не нужны твои деньги, Лана. Потому что это деньги твоего отца... нашего отца, а мне от него давно ничего не нужно.

– Отлично, тогда давай сделаем это по-быстрому: пойдем в банк, ты их снимешь, отдашь мне – и мы забудем обо всем, как о страшном сне!

От последнего словосочетания по спине неожиданно пробежала волна неприятных мурашек. Словно какое-то темное воспоминание коснулось края сознания, но тут же испарилось, так и не показав себя во всей красе.

– Нет, – предсказуемо отказалась Марта.

– Я так и думала, – фыркнула Лана.

– Господин Оберман, – новоявленная сестра повернулась к поверенному, – не могли бы вы оставить нас на пару минут? Может быть, для спокойствия Ланы действительно стоит подготовить документы о состоянии счета?

– Да, конечно, как скажете.

Оберман изобразил легкий поклон, адресованный им обеим, и покинул гостиную. Марта дождалась, пока за ним закроется дверь, прежде чем продолжить разговор. Все это время она задумчиво смотрела на небольшой чемодан, который Лана забрала с собой из Лекса. Небольшой и легкий, он вмещал в себя практически бесконечное количество одежды, косметических снадобий, книг и прочего. Отличная вещь, очень дорогая.

– Тебя исключили из Лекса? – догадалась Марта. – Поэтому ты с вещами?

– Да.

– Они сделали это за два триместра до выпуска? – не то удивилась, не то возмутилась сестра. По ее тону было непонятно. – Просто потому, что твои родители оказались преступниками?

– Нет, потому что я дала повод, – процедила Лана.

Этот разговор с каждой секундой злил все больше. В Марте ее бесило практически все: и этот

мягкий тон, и невозмутимый вид, и гордо вздернутый, несмотря на дешевое платье, подбородок. А больше всего: теплота во взгляде карих глаз. В мире Ланы было не принято смотреть на людей с теплотой.

Сестра тем временем вздохнула и снова попыталась изобразить улыбку.

– Послушай, я здесь не для того, чтобы с тобой воевать. Я хочу только узнать тебя получше и убедиться, что у тебя все будет хорошо...

– Какое тебе до этого дело? – резко перебила Лана. – Думаешь, тебе за это орден дадут?

– Нет, просто ты – моя сестра.

– Мы чужие друг другу!

– Сейчас – да, но раз уж случай позволил нам встретиться и мне поручили заботу о тебе, то почему-то бы нам не стать хотя бы подругами? Думаю, это пойдет на пользу нам обоим.

– Если ты рассчитываешь откусить кусок от наших денег, то хочу напомнить: этот коронованный мерзавец все забрал.

– Не стоит так говорить о Его Величестве, он очень достойный человек, – все тем же мягким, но уверенным тоном возразила Марта.

– Можно подумать, вы с ним знакомы, – снова не удержалась от язвительности Лана, выразительно посмотрев на простенькое платье из обычного магазина. Массовый ширпотреб.

Марта только улыбнулась шире, отчего захотелось плеснуть ей в лицо воды. Но воды под рукой не оказалось, а магический поток сфокусировать все еще было трудно. Теперь уже не столько от похмелья, сколько от злости и растерянности.

– Как я уже сказала, от нашего отца мне ничего не нужно. Особенно его денег. Если кто и мерзавец, то это он, и я очень давно не желаю иметь с ним ничего общего.

– Не смей так о нем говорить! – тут же снова взъелась Лана. Просто по инерции.

– Я имею на это право.

Вот теперь в голосе Марты слышались лед и сталь. Те самые интонации, что были так хорошо знакомы Лане. Интонации отца. Может быть, новоявленная сестра его и ненавидит, но она на него похожа.

– Послушай, – снова заговорила та, вернувшись к прежнему тону, – у меня есть предложение, которое тебе должно понравиться. Я преподаю в Столичной Королевской Академии. Уверена, что по моей просьбе тебя примут туда на четвертый курс, чтобы ты спокойно доучилась и получила диплом. За это время ты как раз достигнешь совершеннолетия, сможешь распоряжаться своими деньгами и пойдешь дальше по жизни самостоятельно, своей дорогой. А пока тебе будет где жить и чем заниматься. Да и мы сможем общаться.

– СКА, ты серьезно? – хмыкнула Лана, презрительно кривя губы. – Академия имени Норда Сорроу, щелчком пальцев уничтожившего мою семью? Да я лучше отгрызу себе руку, чем пойду учиться туда.

– В любом другом учебном заведении тебе придется как минимум потерять год, – резонно заметила Марта. – А то и вовсе начать сначала. В Лексе весьма своеобразный подход к образованию, так просто из него не перевестись.

– А может быть, я вообще не хочу доучиваться? Зачем мне это? Лучше перетряхну список женихов и ошастливлю одного из них.

Сестра посмотрела на нее с сочувствием.

– Каким бы длинным ни был твой список, ни один из его пунктов больше не захочет иметь с тобой дела. На твоем счете достаточно денег, чтобы оплатить год обучения в СКА, и хватит еще на год умеренных трат, но это совсем не то, что ищут в качестве приданого люди твоего круга.

Лана так крепко стиснула зубы, что они заболели. Здесь сестра была права. Рыжеволосая ведьма!

– Тогда просто отдай мне деньги – и дальше я разберусь со своей жизнью сама!

– Этого я сделать не могу. И не хочу.

– Почему?

– А что ты будешь делать? Чем займешься, когда получишь деньги?

– Не знаю, разберусь как-нибудь, не маленькая.

Марта снова печально вздохнула и сокрушенно покачала головой.

– Да, ты не маленькая, Лана. Но ты не готова к той жизни, которой тебе теперь придется жить. Ты больше не богатая наследница, не часть «новой элиты». Не знаю, как ты видела свою жизнь после Лекса, но теперь тебе придется скорректировать планы. Нужно кем-то стать и решить, куда ты будешь стремиться. Тебе придется работать, чтобы зарабатывать деньги, а не просто бегать по магазинам и клубам с подружками. Если я сейчас отдам тебе деньги, ты спустишь все до последней монеты еще до того, как тебе стукнет двадцать лет. Я не могу этого допустить. Я предлагаю тебе доучиться и получить диплом, но если у тебя есть другой план – дай мне знать. Мы обсудим, и, если он жизнеспособен, я с удовольствием дам тебе столько денег, сколько тебе будет нужно на ближайшие три с половиной месяца.

– Через три с половиной месяца ты мне так и так их отдашь. А до тех пор – проваливай!

Марта невозмутимо кивнула.

– Как скажешь. Но если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

Сестра действительно просто ушла, не пытаясь продолжить разговор и убедить в чем-то Лану. Минуту спустя та и сама покинула дом бывшего поверенного, не прощаясь и гневно чеканя шаг. Оберман едва успел вручить ей на ходу лист бумаги с выпиской по счету. Лана нервно сложила его и убрала в карман жакета, даже не заглянув в содержимое.

Потом какое-то время она просто шла по узким и почти пустым улочкам Аларии, не разбирая дороги и не имея в голове никакой цели, даже не заметив, что забыла чемодан в доме поверенного. При ней осталась только маленькая дамская сумочка с помадой и документами.

Остановилась Лана лишь тогда, когда услышала резкий предупреждающий звонок велосипеда. Она едва успела отскочить в сторону, чтобы ее не сбили. При этом неудачно оступилась: каблук соскользнул с бордюра, и она едва не упала, подвернув ногу. Устояла, некрасиво раскорячившись и ругаясь сквозь зубы.

Ей редко доводилось бывать на городских улицах, а потому Лана и не подозревала о таящихся здесь опасностях. Люди ее круга предпочитали перемещаться порталами. Собственный имелся в каждом приличном доме, как и во всех нормальных заведениях. Если Лане хотелось погулять, она перемещалась в городской парк или в загородное поместье. По улицам бегают только те, кто вынужден перемещаться общественными порталами, сеть которых имеется в каждом городе и более или менее крупных поселках. От портала к месту назначения порой приходится шагать добрых полчаса, но долгое время это воспринималось как само собой разумеющееся.

А потом Норд Сорроу, древний король, исчезнувший больше пятисот лет назад, вдруг снова объявился, сверг задержавшегося на посту и погрязшего в коррупции и интригах канцлера и заявил, что он восстанавливает монархию и возвращает себе престол, от которого когда-то давно сам же и отрекся, создав Первую Республику.

Вместе с ним стала королевой его жена, выросшая в мире людей. Вслед за этим в магический мир хлынул поток Возвращенцев: магов, прежде тайно проживавших среди обычных людей с другой стороны Занавеси. У каждого на то были свои причины: кто-то бежал от режима последнего канцлера, кто-то – от терактов монархистов, пытавшихся привести к власти наследника другого великого королевского рода. Третьих в свое время выслали сам канцлер за те или иные преступления.

И вот когда все эти люди массово вернулись в магический мир, они притащили с собой то, к чему привыкли в мире людей. Например, моду на ношение брюк женщинами, джинсовую ткань и транспорт, помогавший сократить время на перемещение от портала к месту назначения, а порой и вовсе отказаться от порталов. И если велосипеды были вполне терпимы, то магоциклы – более крупные и тяжелые, приводимые в движение специальными артефактами, а потому более быстрые, – представляли настоящую угрозу.

Сейчас Лана едва не угодила под колеса велосипеда, но по крайней мере это помогло ей очнуться: хватит просто бегать, пора бы уже и подумать, как жить дальше. Пустой желудок урчанием напомнил, что время идет к обеду, а кое-кто еще даже не завтракал. Пришлось оглянуться по сторонам в поисках кафе или ресторана.

К счастью, Лана в своей бесцельной прогулке не успела уйти за пределы центра, а потому вполне

приличное на вид заведение обнаружилось буквально в двух шагах. Внутри оказалось достаточно пусто, а тот факт, что Лана вошла через обычную дверь, а не появилась из портала, не вызвал у официанта никаких вопросов: наметанным глазом он быстро оценил стоимость ее одежды и гостеприимно проводил за столик.

Не глядя в меню, Лана заказала большой чайник чая, теплый салат с морепродуктами и полдюжины воздушных профитроли с разными начинками. О бокале вина она лишь задумалась на секунду, но тут же отбросила эту мысль: противоположное снадобье плохо сочеталось с новыми порциями алкоголя, даже с незначительными.

Прогулка помогла проветрить голову, а привычная роскошная обстановка и вкусная еда заставили ее работать. Постепенно в памяти ожил эпизод из давнего прошлого: теплый солнечный день на исходе лета, их загородный особняк, в котором Лана выросла, распахнутое по случаю хорошей погоды окно отцовского кабинета и ругань, долетавшая до ее слуха.

Она тогда даже подобралась поближе к стене дома, пытаясь услышать, о чем и с кем отец спорит, но так толком и не разобрала слов, ей доставались лишь обрывки предложений, которые не складывались в общую картину, а потому быстро забылись. Запомнилось только, что отец говорил непривычно резко, даже зло, а отвечал ему женский голос, буквально звеневший от напряжения и слез.

Когда ссора оборвалась, Лана поспешила уйти, чтобы ее не застали под окнами. Обогнув внушительных размеров особняк, она вдруг замерла, увидев незнакомую девушку. Та стояла, прислонившись спиной к стене и запрокинув голову. По ее щекам текли слезы, и она судорожно всхлипывала, прячась от посторонних глаз за раскидистыми кустами, которые в этой части сада подходили почти вплотную к дому.

Заметив Лану, девушка вздрогнула от испуга (или просто неожиданности?) и торопливо вытерла слезы и глубоко вдохнула, подавляя рыдания.

– Привет, – поздоровалась она, попытавшись улыбнуться.

Лана только кивнула, глядя на нее настороженно.

– Я тебя напугала? Прости, – повинулась незнакомка. – Ты, должно быть, Лана?

– Да. А ты?

– А я Марта.

– Я тебя не знаю.

– Увы, – снова улыбнулась девушка.

Лана ее толком не помнила, но чем больше думала о том дне, тем больше ей казалось, что неожиданная гостья действительно была рыжей. Она ей тогда ничего так и не сказала. Не объяснила ни почему они с отцом так кричали друг на друга, ни почему она плакала. И зачем приходила, тоже не сказала. Она лишь перекинулась с ней парой ничего не значащих фраз, а потом попрощалась и торопливо ушла. Больше Лана ее никогда не видела.

Почему? Почему отец их никогда не знакомил? Почему Марта не навещала его? Почему она его ненавидит? И зачем она приходила в тот раз? Чем так разозлила отца? Ответов не было.

Подошедший официант забрал у нее пустые тарелки и ненавязчиво предложил на десерт шоколадный торт.

«Отличная идея», – успела подумать Лана, но, к счастью, не успела произнести этого вслух, потому что внезапно вспомнила, что у нее нет денег. То есть нет доступа к счетам, на которых они лежат. Раньше она никогда не задумывалась о том, сколько стоит обед в ресторане, потому что просто ставила на счет особую магическую метку – и он оплачивался. Теперь же она так сделать не могла.

Официант отошел, получив в ответ едва заметное отрицательное движение головы, а Лане внезапно стало очень жарко. Сердце снова забилось быстро и нервно, а щеки наверняка загорелись.

Как же будет стыдно! И что с ней сделают? Вызовут легионеров и арестуют? Нет, конечно, она полагала, что в таком случае Марта все-таки оплатит счет из контролируемых ею средств, но это будет просто ужасно стыдно.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Лана торопливо открыла сумочку и порылась внутри, делая вид, что ищет помаду или платок. Порой у нее залеживались в кармашках наличные: за мелочи вроде бокала вина, чашку кофе с пирожным или порцию мороженого в городском парке

проще было платить сразу. Во время недавних каникул она не раз ходила гулять и тусоваться с подружками, а потому наличные деньги вполне могли где-то заваляться.

Несколько банкнот действительно нашлись, а когда официант принес счет, оказалось, что их даже хватает. Ждать сдачу Лана не стала, поскольку ее было принято оставлять в качестве чаевых, но когда уходила, внутри что-то неприятно тянуло и болезненно ныло. В сумочке осталось всего несколько монет. Теперь у нее окончательно нет денег даже на еду. Разве что на мороженое в парке.

Снова оказавшись на улице, Лана первым делом достала из кармана жакета сложенный лист бумаги – выписку со счета, которую ей успел вручить поверенный. Моргнула несколько раз, всматриваясь в изображенные там числа.

Или она чего-то не понимает, или Марта как-то уж очень опрометчиво заявила, что на эти деньги можно оплатить годовое обучение и останется еще на год умеренных трат после выпуска. По мнению Ланы, этих денег могло хватить от силы на месяц. Ну, на три, если не покупать новую одежду. И, конечно, не тратить ни на какое обучение.

Впрочем, и до этих денег нужно как-то дожить. Единственное, что пришло Лане в голову, – это постучать в двери родителей Альмы. Они дружили с самого детства, часто гостили друг у друга по несколько недель, наверняка Даймонды не откажутся приютить ее на пару дней, а то и на месяц, пока она не разберется, что делать дальше. Может быть, у короля проснется совесть, и он вернет ей все то, что принадлежало семье до того, как отец возглавил Правительство.

После секундного колебания Лана вернулась в ресторан, чтобы воспользоваться их порталом. Ее, конечно, тут же провели в соответствующий зал, однако дальше все пошло не так.

– Кто запрашивает открытие? – вежливо поинтересовался управляющий порталом маг.

– Лана Лерой.

– Одну секунду.

Он поколдовал над панелью управления и вдруг нахмурился.

– Прошу прощения, госпожа Лерой, но пришел отказ.

– Не может быть, они мне никогда не отказывали. Попробуйте еще раз!

Маг послушно повторил свои манипуляции, после чего виновато пожал плечами и развел руками.

– Увы, может быть, они сегодня не принимают гостей. Я могу отправить вас куда-нибудь еще?

Лана вздохнула и попросила открыть портал в Центральный парк. Хотя бы это прошло без проблем.

Медленно шагая по широким дорожкам и прячась в тени ветвистых деревьев, Лана с тоской думала о том, что слова Марты оказались верны не только в отношении потенциальных женихов. Похоже, никто из ее прежнего окружения не протянет руку помощи, если даже Даймонды не захотели пускать на порог. Впрочем, даже родная мать предпочла сбежать, прихватив с собой все, что смогла унести, и бросив ее на произвол судьбы. Так чего ждать от чужих людей? Лана с детства усвоила главное правило: пока ты богат и обладаешь достаточно устойчивым положением в обществе, перед тобой открыты все двери. Стоит упасть, тебя перестанут замечать. Хорошо, если не затопчут.

И вот что теперь делать? В кармане всего несколько монет, ночевать негде, есть нечего. И даже чемодан остался у поверенного. Не то чтобы гордость позволила Лане встать посреди парка с открытым чемоданом и продавать прохожим по бросовым ценам дорожную одежду и всякие безделушки, надеясь заработать на ночь в гостинице.

Воспользоваться предложением сестры? Хотя бы для вида, до совершеннолетия? Внутри моментально разгорался пожар негодования, стоило только представить, как она пойдет к Марте на поклон.

Мысли Ланы бродили по замкнутому кругу, пока она сама бродила по тропинкам парка. Устав, пристроилась на скамейке, предварительно купив на оставшиеся деньги несколько газет, в том числе оппозиционный «Ястреб». И если большие статьи в «Столичном Вестнике» и «Королевской Правде» вновь заставили ее кровь вскипеть, а ее саму – едва не расплакаться от злости и обиды на резкие слова об отце, то колонка Ле Крока пролилась на сердце бальзамом.

Об аресте и приговоре он действительно сообщил первым, но, как ни странно, его статья была не столько о канцлере Лерое, сколько о Его Величестве Сорроу. Ле Крок задавался теми же вопросами, что и Лана: что это за суд такой, который проходит за закрытыми дверями, за один день

и без права на защиту? Можно ли доверять вердикту короля? Или он просто уничтожает неугодного политика? Мог ли король испугаться харизматичного канцлера на фоне выступлений республиканцев и недовольства некоторых граждан восстановлением монархии?

Пожалуй, Ралм Ле Крок оказался единственным журналистом, усомнившимся в виновности отца Ланы. Это давало слабую надежду на то, что с арестом и приговором все-таки можно что-то сделать. Жаль только, что голос оппозиционного «Ястреба» оказался быстро заглушен другими голосами. Если бы только таких журналистов было больше...

Лана прочитала «Ястреба» от корки до корки, в глубине души надеясь найти портрет Ле Крока. Многие статьи сопровождались небольшим изображением их авторов, но не в его случае. За это время день успел начать клониться к вечеру, вопрос ночлега и ужина снова встал ребром. Бросив еще один взгляд на газеты, Лана решительно встала со скамьи и направилась к portalу.

«Другой план, говоришь? – думала она, испытывая внезапный прилив энтузиазма. – Будет тебе другой план!»

Глава 3

План Ланы был прост до безобразия, она даже удивилась, что эта мысль не пришла ей в голову сразу. Если уж она должна кем-то стать, чтобы получить доступ к своим же деньгам, то она может стать журналистом. Что тут сложного? Даже не придется ничему учиться. Она уже писала несколько статей для журнала, принадлежащего матери. В Лексе у нее хватало дисциплин, развивающих владение письменным словом, так что проблем не возникнет. Она станет безжалостным критиком Норда Сорроу, вторым Ле Кроком, их голоса зазвучат громче, и тогда к ним прислушаются. Король еще пожалеет, что связался с ее семьей!

Воодушевленная этой идеей, Лана достаточно быстро добралась до СКА, хоть и не помнила точно, где она находится, пришлось спрашивать дорогу у прохожих. Когда перед ней замаячило скромных по сравнению с Лексом размеров здание, ее голова была полна фантазий, в которых первые полосы газет пестрели ядовитыми заголовками ее сочинительства, а вокруг все говорили о новой дерзкой и бесстрашной журналистке, разоблачающей власть в каждой статье. Лане так нравилась нарисованная ею картинка, что она уже чувствовала себя на вершине мира и искренне считала, что заслужила ужин в хорошем ресторане.

Однако все ее фантазии разбились о равнодушное выражение лица женщины средних лет, сидящей в пустынном просторном холле с высоким потолком за стойкой с надписью «Информация».

– Профессор Бренон уже ушла, приходите завтра.

– Я не могу завтра, она нужна мне сегодня! – возмутилась Лана.

– Тогда вам стоило прийти раньше. Рабочий день заканчивается в шесть, а сейчас уже почти семь.

– Но вы же еще здесь.

Женщина вздохнула, изобразив на лице утомление непроходимой тупостью посетительницы, и пояснила:

– Мы работаем посменно. Двери Академии открыты с шести утра до полуночи из-за общежития, но преподаватели уходят самое позднее в шесть, если только они сами не живут здесь.

– Марта Бренон здесь точно не живет?

– Абсолютно.

– А где она живет?

Женщина выразительно выгнула бровь, вновь посмотрев на Лану, как на недоразвитую.

– Она мне не отчитывается.

– Но разве нельзя у вас узнать ее адрес? – в отчаянии и раздражении топнула ногой Лана. Перспектива ночевать на улице ей совершенно не улыбалась. – Вы же «информация», вы обязаны информировать! Неужели вы не можете мне помочь?

– Не могу, – отрезала женщина. И окинув ее недовольным взглядом, добавила: – И не хочу.

Лана зло прищурилась, снова чувствуя, как негодование поднимается внутри высокой волной. Она редко сталкивалась с таким поведением. Обычно обслуживающий персонал старался угодить людям вроде нее, а свою собеседницу она относилась именно к обслуживающему персоналу. В Лексе только преподаватели, да и то не все, позволяли себе высокомерие по отношению к студентам. Уж точно не какая-то административная крыса.

– Вы вообще знаете, кто я такая и какие у вас будут проблемы, если вы немедленно не достанете мне адрес Марты Бренон?

Слова вырвались у нее быстрее, чем она успела их обдумать и понять, что сейчас ее положение работает скорее против нее. Если женщина действительно узнала в ней дочь осужденного канцлера, то насмешек не избежать.

К счастью, администраторша скользнула по ней совершенно равнодушным взглядом, пожала плечами и бросила:

– В мои обязанности не входит знать всех студентов, нынешних, будущих и бывших. И адреса преподавателей всем желающим мы не выдаем.

– Тогда я хочу поговорить с вашим начальством, – ледяным тоном процедила Лана универсальную

фразу, сбивающую спесь с любого наемного работника.

Однако и это не подействовало. Женщина только презрительно усмехнулась.

– Тогда приходите завтра. А сейчас, будьте так добры, покиньте помещение.

– Да что вы себе позволяете! – вспыхнула Лана. – Вас отсюда завтра же уволят!

Она выкрикнула это просто от бессилия и страха перед улицей. Алария считалась безопасным городом, но Лане еще ни разу не приходилось оставаться в городе ночью одной.

– Да неужели? – фыркнула непробиваемая женщина, отчего захотелось вцепиться ей в волосы.

На окраине сознания мелькнула мысль, что она могла бы смягчиться и пойти Лане навстречу, если бы та честно объяснила ей, в чем проблема и почему Марта Бренон нужна ей именно сегодня, но описывать постороннему человеку свою ситуацию казалось слишком унижительным.

– Что здесь происходит, госпожа Флесс? – прервал их перепалку прозвучавший за спиной Ланы мужской голос.

Серьезный такой, весомый голос, в котором сразу чувствовалось наличие власти, пусть даже и локальной. Вероятно, мымра за стойкой все же просчиталась, и кто-то из руководства университетом еще оставался на месте.

Лана торопливо обернулась, недовольно скреживая руки на груди и накидывая на себя вид оскорбленной невинности, чтобы сразу дать понять, как она недовольна происходящим, но увидев вмешавшегося мужчину, напрочь забыла, чем, собственно, недовольна. Сердце подпрыгнуло вверх и застряло где-то в горле: ни вдохнуть, ни сглотнуть, ни слова вымолвить.

В своей жизни Лана видала немало красивых мужчин. Она выросла среди них: в рядах «новой элиты», как условно называли семьи, поднявшиеся с приходом Республики, было принято следить за внешностью и улучшать ее всеми доступными способами. А за деньги в магическом мире можно было сделать многое, даже купить нелегальную иллюзию, делающую тебя совершенно другим человеком. Но дело было не в том, что мужчина перед ней оказался молод и красив.

Как бы «новая элита» ни старалась, даже лучшие ее представители все равно часто проигрывали «старой аристократии». Не из-за титулов и родословных, уходивших вглубь веков. Аристократы не заморачивались такими мелочами, как количество сантиметров в талии, кубиков на прессе или белизны своих зубов, но при этом умудрялись держать себя как-то по-особенному. Ходить, сидеть, стоять и смотреть иначе. Нечто неуловимое было в их осанке, повороте головы и развороте плеч. В их крови с самого рождения плескалась железобетонная уверенность в собственном превосходстве над остальными. Особенно у тех из них, что относились к некогда королевским семьям. Но дело было и не в том, что незнакомец держал себя как аристократ, хоть и одевался явно в обычном магазине, а не шил свои темные брюки и светлую рубашку на заказ.

Что-то было в его взгляде такое, от чего Лана на время лишилась дара речи.

– Тут вот девушка непременно хочет видеть профессора Бренон, – объяснила женщина за стойкой, возвращая Лану в реальность. – Прямо вот немедленно.

– А почему вдруг такая срочность? – поинтересовался мужчина, чуть хмурясь, с интересом изучая Лану взглядом. – Кто вы?

– Я ее сестра, – объяснила та, отчего-то вдруг охрипшим голосом.

– Так у нее вроде бы нет сестер, – тут же не преминула заметить та, кого мужчина назвал госпожой Флесс.

Сам незнакомец вдруг улыбнулся и уточнил:

– Вы Лана?

От неожиданности она только кивнула. Откуда он знает?

– Тогда идемте со мной, – незнакомец поманил ее за собой кивком головы. – Спасибо, госпожа Флесс, дальше я сам с этим разберусь.

Лана последовала за мужчиной, успев напоследок обернуться к женщине за стойкой, чтобы одарить ее победным взглядом. Едва удержалась, чтобы не показать ей язык.

Вслед за мужчиной она пересекла холл, поднялась на второй этаж и прошла по пустынному коридору, каждый шаг в котором отражался от стен гулким эхом. Лана не очень активно

осматривалась по сторонам, но все равно мысленно отметила, что Столичная Королевская Академия совсем не похожа на Лекс с его серым камнем и древними мрачными коридорами. Это здание определенно было более новым и современным, возможно, возвели его недавно, уже после восстановления монархии. И оттого оно казалось ей скучным.

Освещение магических шаров везде было приглушено, а по пути они не встретили ни души. Академия действительно погружалась в вечерний сон. Должно быть, только в студенческом общежитии сейчас и кипит жизнь.

Мужчина открыл перед Ланой дверь одного из кабинетов и жестом предложил войти, а потом так же безмолвно – сел на небольшой диванчик, стоявший у дальней стены.

Кабинет, в котором они оказались, был небольшим, но очень светлым благодаря огромному окну почти во всю стену. Обставлен лаконично, но функционально: огромный письменный стол, сейчас заваленный какими-то бумагами, несколько стульев, пара вместительных шкафов с глухими дверцами, тот самый диванчик, на котором устроилась Лана, низкий столик перед ним и высокая узкая тумба рядом.

Пока Лана устраивалась на диване и поглядывала по сторонам, мужчина вытащил из тумбы чайник и пару чашек и в несколько движений, легко и непринужденно направляя магический поток, наполнил чайник кипятком и заварил чай. Разлив его по чашкам, он протянул одну Лане, а вторую взял себе и тоже сел у стола. Но не на диван, к великому сожалению Ланы, а на послушно подъехавший от противоположной стены стул.

– Значит, ты и есть Лана Лерой, сводная сестра Марты, – констатировал мужчина, сразу переходя на «ты».

Теперь его голос звучал довольно мягко, совсем не так, как в холле, и сам он всем своим видом демонстрировал дружелюбие, но то, от чего по спине Ланы ползли колющие мурашки каждый раз, как она ловила его взгляд, никуда не делось. И это были не мурашки романтического возбуждения, хотя мужчина Лане объективно нравился, пусть он был и старше ее обычных кавалеров. На вид он был скорее ровесником новообращенной сестры.

– Я рад с тобой наконец познакомиться. Марта много о тебе рассказывала.

– Неужели? – удивилась Лана, осторожно поднося к губам изящную чашку с тонкими стенками, от которой поднимался ароматный пар. Она затруднялась определить набор трав в смеси, но пахло вкусно. – Когда она успела?

– Мы работаем вместе уже третий год. Примерно столько она о тебе и рассказывает.

Лана едва не поперхнулась чаем. От греха подальше поставила чашку обратно на блюдце и все вместе – на стол. Это было неожиданно! Ведь они никогда не общались...

– Она читает о тебе в светской хронике, – пояснил мужчина, верно истолковав удивление на ее лице. – Следит за ней только ради тебя. Как я понимаю, ты ее единственная живая родственница.

От внезапно накотивших смущения и неловкости запершило в горле и захотелось отвести взгляд.

– Не совсем так, – немного хрипло поправила Лана. – Наш общий отец точно жив.

– Да, действительно, извини. Марта никогда не брала его в расчет, вот и я перестал.

– А вы ее?..

– Коллега, – быстро уточнил мужчина. Даже слишком быстро. – И друг. Меня зовут Рейн Братт, я тоже преподаю здесь.

Братт. Лана порылась в памяти, но так и не смогла вспомнить эту фамилию. Значит, она все-таки ошиблась, и никакого отношения к «старой аристократии» этот красавчик не имеет.

– Я полагаю, ты так срочно ищешь Марту, потому что решила принять ее предложение?

И снова Лана почувствовала, как ее захлестнуло горячей удушливой волной стыда. Он ведь все знает! Не об аресте ее отца, об этом уже все знают, а о том, что она теперь полностью зависит от Марты. Как минимум, следующие три месяца.

– Нет, – торопливо возразила она, чтобы сразу расставить все необходимые точки. – Марта сказала, что если я предложу альтернативный план, она отдаст мне мои деньги.

– И у тебя появился такой план? – как показалось Лане, искренне поинтересовался Братт.

- Да. Я буду журналистом. Политическим. Вроде Ралма Ле Крока.

- О, вот как, - по его губам скользнула улыбка, которая показалась ей насмешкой. - Собираешься обличать режим, как и он?

- Его Величеству не помешает дополнительная критика. На мой взгляд, он заигрался.

- И ты собираешься делать это без подготовки? То есть без обучения?

- Я уже писала статьи раньше, - гордо заявила Лана, чуть вздернув подбородок. - И почти окончила Лекс, то есть получила прекрасное образование по многим дисциплинам, в том числе истории, философии, обществознанию. Не думаю, что у меня возникнут проблемы.

- То есть у тебя уже есть публикации? На какую тему?

Подбородок сам собой опустился чуть ниже.

- Я несколько раз писала для журнала «Элитарно».

- А, светская хроника и путеводитель по красивой жизни.

На этот раз это точно была насмешка. Отвратительная в своих снисходительных оттенках.

- Это самый продаваемый журнал в своей нише!

- Не спорю, - тут же заверил Братт. - Но он очень далек от политической журналистики. О чем ты писала?

- О бале дебютанток два года назад... - принялась перечислять Лана.

- Когда сама была дебютанткой?

- Да. А что такого?

- Ничего, как раз это очень хорошо: ты писала о том, что знаешь, видела изнутри. С позиции участника, как я понимаю.

Лана нахмурилась: хоть его слова и звучали одобрительно, она чувствовала в них какой-то подвох.

- Давно ты интересуешься политикой? - смягчив тон, спросил Братт. - Или сегодня открыла газеты впервые и только для того, чтобы прочитать статьи об отце?

Подбородок опустился еще ниже, лицу стало жарко.

- Что ты знаешь о методах сбора и обработки информации? Об анализе политических событий? Собираешься писать оперативно-исследовательские тексты или исследовательско-новостные? Или исследовательско-образные? Знаешь, чем они отличаются друг от друга? Умеешь брать интервью? Проводить журналистское расследование?

- О, что вы пристали ко мне?! - не выдержала Лана, вскакивая с дивана. - Мне не нужны ваши сомнения! Если знаете, как связаться с сестрой, помогите это сделать, а если нет, то не морочьте мне голову. Справлюсь как-нибудь.

Братт остался сидеть, но Лане все равно казалось, что он смотрит на нее сверху вниз. Раньше такое не удавалось даже преподавателям Лекса. И даже ректору!

- Я не хотел тебя задеть или обидеть, - примирительным тоном заверил он. - Я просто хотел показать, что в этой профессии есть много нюансов, о которых ты сейчас и не подозреваешь. Ты можешь принять предложение сестры и за оставшийся учебный год освоить если не все перечисленное, то большую его часть. Это будет непросто, конечно, но это возможно. Я изучил твой табель из Лекса: ты действительно прослушала достаточное количество гуманитарных и экономических дисциплин, в этом году в СКА сможешь взять только профессиональные. Первый триместр, конечно, придется нагонять, но и Марта, и я с удовольствием в этом поможем.

- И вы? - удивилась Лана. - Вы здесь каким боком? И почему вообще вы изучали мой табель? По дружбе?

Братт снова улыбнулся, но на этот раз вполне искренне, без издевок. Удивительно, но когда он так улыбался, пугающее нечто, прячущееся на дне глаз, почти исчезало.

- Просто я куратор нынешнего четвертого курса, поэтому с просьбой взять тебя уже после начала второго триместра Марта обратилась именно ко мне. По счастливой случайности... а может быть, и

не очень счастливой... В общем, технически я могу это сделать. Мы с Мартой сегодня смотрели, что ты изучала в Лексе, чтобы понять, какие варианты у тебя есть в СКА. Журналистика – один из них.

– Вот как, – выдохнула Лана, медленно опускаясь обратно. – Значит, вы будете моим куратором, если я соглашусь с планом Марты?

– Все верно.

Это был аргумент. Даже не так. Аргументище. Во всяком случае, будет с кем пофлиртовать. Не то чтобы обычный препод мог всерьез заинтересовать Лану Лерой... Но замуж она и не торопится.

Вероятно, подучиться будет не так уж плохо. Всяким эти оперативным и исследовательским текстам, анализам и прогнозам.

И не беда, что Столичную Королевскую Академию учредил Норд Сорроу. Есть в этом даже какая-то ирония судьбы. Он практически собственными руками создаст своего самого непримиримого критика. И, возможно, это станет началом его конца.

От этой мысли по губам Ланы расплылась довольная улыбка.

– Хорошо, я согласна.

Глава 4

Напоив Лану чаем и получив ее согласие, профессор Братт отвел ее к Марте. Оказалось, что та живет буквально в десяти минутах ходьбы от академии. Все это время он не лез к Лане с расспросами об осуждении отца и побеге матери, вообще делал вид, что ничего такого не произошло, и Лана была ему за это благодарна.

Марта встретила ее со спокойным гостеприимством. Лишь легкое удивление, промелькнувшее на лице, выдало тот факт, что она уже не надеялась увидеть Лану снова сегодня. А вот выдох облегчения от того, что это все-таки произошло, Лана не заметила.

Ей хотелось надеяться, что Братт останется на ужин, было интересно понаблюдать за тем, как он будет вести себя с ее сестрой, а она – с ним. Дружба дружбой, но по мнению Ланы, между мужчиной и женщиной она возникает или как начало романа, или после его завершения. И какой бы Лана ни была, она имела четкое правило: с парнями подруг не флиртуют. Теперь это правило имело смысл расширить и до сестер.

Однако симпатичный уже почти куратор на ужин не остался, предпочел быстро попрощаться, вежливо выказав нетерпение в ожидании завтрашней встречи.

Квартира у Марты была очень маленькая. Практически размером с апартаменты, в которых Лана жила в Лексе, деля их с подругой детства: большая гостиная и две небольшие спальни. Отличало ее только наличие кухни, из которой доносились умопомрачительные для голодной Ланы запахи.

К чести сестры, та тоже не стала ни о чем расспрашивать и ничего говорить. Просто накормила и уложила спать. За ужином – самым вкусным из тех, что когда-либо ела Лана – она по собственной инициативе решила сообщить Марте, что будет учиться на журналиста, однако пояснять причины именно такого решения не стала. Сестра явно симпатизирует монарху, еще начнет отговаривать, а Лана не чувствовала в себе сил спорить. Сама Марта тоже не стала уточнять. То ли не желая сейчас мучить расспросами, то ли решив, что это вполне логичный выбор, раз мать Ланы владеет журналом. Его после разбирательства могли и вернуть, но родительнице он уже явно не понадобится.

Лана думала, что будет всю ночь мучиться тревожными мыслями, но уснула, едва ее голова коснулась подушки, невзирая на то, что постель была совсем не такая удобная, как она привыкла. Видимо, сказалась длительная прогулка на свежем воздухе.

А на следующий день все закрутилось так быстро, что Лана и сама не успела оглянуться, как в понедельник уже стала студенткой Столичной Королевской Академии и оказалась на пороге своей новой комнаты в общежитии, держа в руках папку с документами, в том числе расписанием занятий. Позади нее в воздухе болтался чемодан, который Оберман любезно прислал в академию по просьбе Марты.

– Что за ерунда? – выдохнула Лана, обводя взглядом комнату, в которой стояли сразу две кровати, два письменных стола и два платяных шкафа. – Это общежитие или тюремная камера?

Будущая соседка, еще собиравшая сумку перед занятиями, смерила ее крайне недовольным взглядом, задержав его на одежде, которую Лана носила уже – страшно подумать! – третий день. Сегодня ее брючный костюм выглядел не так блистательно, но дорогая магия и эксклюзивный крой в нем все равно чувствовались.

– Даже не знаю, спроси у отца, на что похожа его камера, – бросила она в ответ, давая понять, что прекрасно знает, кто Лана такая.

Закинув сумку на плечо, соседка стремительно вышла из комнаты, не то случайно, не то нарочно толкнув Лану на ходу.

И это оказалось лишь первым неприятным эпизодом за день.

Пока Лана переодевалась и приводила себя в порядок, занятие успело начаться, поэтому она вошла в аудиторию, когда преподаватель уже бросил на доску название лекции и начал рассказывать. Чего Лана хочет и почему ему мешает, он понял не сразу, а когда понял, потратил еще добрых пять минут, чтобы как следует ее отчитать.

– Очень надеюсь, что впредь вы будете более пунктуальны, – завершил он свою в высшей степени занудную речь, во время которой целая аудитория незнакомых людей рассматривала Лану так, словно у нее выросла вторая голова. Разве что пальцами не тыкали. – Я потратил на вас неприлично много времени...

– Не то чтобы я была в этом виновата, – парировала Лана, все-таки не выдержав. – Я могла бы

просто войти, сесть и начать записывать. Допрос с пристрастием и лирическое отступление на тему поведения были исключительно вашей инициативой.

По его ответному взгляду Лана поняла, что еще до полудня успела нажать себе в академии второго врага. Это предположение подтвердилось, когда лектор снова прервался, чтобы изъять у нее зачарованную на самостоятельное записывание за преподавателем ручку. В Лексе такими нынче пользовались все, потому что это было просто и удобно, но оказалось, что в СКА они запрещены.

– Записывающие голос артефакты тоже, – со смакованием добавил преподаватель. – Здесь, госпожа Лерой, вам придется работать самостоятельно. Слушать и сразу вычленять важное. И не прогуливать.

К чему относилось последнее замечание, Лана так и не поняла: она никогда не прогуливала. Да, в свободное время могла вести себя сколь угодно отвязно, за словом в карман не лезла, но если уж предмет был ей интересен или просто важен, то училась она всегда на совесть. Вот на ненужное и неинтересное время действительно не тратила...

Конечно, с непривычки она смогла записать только половину лекции, остальное просто не успевала. Поскольку предмет она раньше не изучала, понять, что важно, а что не очень, сходу не получалось. В итоге она стала просто записывать темы, решив, что после изучит их самостоятельно в библиотеке.

Взгляды новых однокурсников она ощущала на себе до самого конца лекции, очень пожалев, что не села в огромной аудитории с поднимающимися вверх рядами на самый последний. Те, кто сидел впереди, оглядываться почти не решались.

Зато они отвели душу, когда лекция закончилась и все поднялись со своих мест, собирая вещи. Теперь на Лану обратилось в два раза больше взглядов, сопровождающихся тихими перешептываниями. И хотя она не слышала, что именно говорят однокурсники, ей казалось, что все они обсуждают ее отца и позор семьи. А судя по тому, как некоторые завистливо скользили взглядами по ее новому платью, то и ее саму, и ее неуместность здесь.

С последним Лана даже и не спорила: она совершенно точно не подходит СКА, как СКА не подходит ей. При других обстоятельствах ноги бы ее здесь не было.

«Но раз я терплю, то и вы потерпите», – мысленно огрызнулась она, закинула на плечо маленькую сумочку.

Та, как и ее чемодан, обладала не только магией пространственного сжатия, но и более сложной – облегчения. Артефакторы хорошо над ней потрудились: сколько бы учебников и милых женскому сердцу мелочей Лана туда ни складывала, сумка оставалась практически невесомой.

Набросив на себя независимый и – для профилактики – немного высокомерный вид, Лана направилась к выходу из аудитории, но успела спуститься лишь на пару рядов, когда дорогу ей преградила высокая худощавая девица с пересушенными тонкими светлыми волосами. Плоская как доска, она вполне могла бы сойти за парня, учитывая, что одевалась почти как они. Как и многие тут. Если бы не прическа и макияж, можно было и ошибиться.

Лана попыталась ее обойти, но по бокам тут же встали еще две девушки, более женственные на вид. Сердце неприятно екнуло, но Лана не подала вида. В Лексе между студентами тоже часто происходили стычки. Аристократы конфликтовали с новой элитой, да и внутри групп постоянно выясняли, кто круче.

Однако, не имея за спиной никакой поддержки, Лана в подобных стычках еще не участвовала.

– Пройти дай, – потребовала она.

– Это вместо «здравствуй»? – хмыкнула девица, смерив ее презрительным взглядом. – Так себе у вас с воспитанием в вашем высшем обществе.

– Здравствуй, – едко передразнила ее Лана и добавила: – Пройти дай.

– Послушай, детка, ты бы прикрутила борзость, – плотоядно улыбаясь, заявила долговязая сокурсница, скрещивая на груди руки. – А то ведь и пожалеть можно. Я староста курса. И на правах старосты хочу тебе сообщить: тебе здесь не рады. Никто из нас. По моему мнению, надо было посадить в тюрьму всю вашу вороватую семью, а не только твоего папашу. Потому что все вы одинаковые. Сначала наживаетесь на других, а потом делаете морду кирпичом и кривите носики, считая остальных убогими отбросами. Так вот, милая, хочу, чтобы ты поняла. Теперь отбросы – это ты. И лучше бы тебе уйти отсюда по-хорошему. А то ведь и огрести можно.

– Неужели? – Лана лишь удивленно приподняла брови, хотя сердце стучало в ушах и от злости, и от

обида, и от страха – что уж скрывать. – А ты уверена, что огребу именно я, а не вы все, когда король поймет свою ошибку? Не рано ли начали плясать на наших костях?

То ли ей удалось сказать это очень убедительно, то ли староста не ожидала такой реакции, но уверенность ее на мгновение пошатнулась. Но только на мгновение. И неизвестно, чем бы закончился их разговор, если бы долговязую не окликнул знакомый голос:

– Эри!

Агрессивность тут же исчезла из выражения лица и позы девицы. Она обернулась и улыбнулась мужчине, стоящему на пороге аудитории.

– Добрый день, куратор Братт. А я тут ваше поручение как раз исполняю. Инструктирую новенькую.

– Спасибо, Эри, это очень мило с твоей стороны, – кивнул Братт, но скептическое выражение на его лице давало понять, что он не поверил ангельскому голосочку и прекрасно видел, как все происходило на самом деле. – Думаю, на сегодня Лане достаточно твоей заботы. Надеюсь, мы поняли друг друга.

Староста Эри вскинула руки и торопливо удалилась в сопровождении подружек, бросив Лане на прощание:

– Еще увидимся.

Угроза это или просто констатация факта, Лана так и не поняла.

– Как у тебя настроение? Как проходит первый день? – поинтересовался Братт, когда аудитория наконец полностью опустела.

Лана обворожительно улыбнулась, без особой надобности поправляя платье, которое было надето в основном ради такой вот встречи, и продолжила свой путь к выходу и, соответственно, куратору.

– Только что стало гораздо лучше, – кокетливо заявила она, склоняя голову набок.

Брови Братта едва заметно дрогнули, приподнимаясь, но удивление тут же уступило место пониманию и улыбке. Обычной улыбке, без тени флирта, скорее, с легким налетом снисходительности.

– Я провожу тебя до следующей аудитории, – предложил он. – Есть небольшой разговор.

– Надеюсь, на какую-нибудь интересную тему, – хмыкнула Лана, замешкавшись в коридоре: она точно не знала, куда идти.

В итоге дорогу взялся показывать сам куратор, когда она назвала нужную ей аудиторию.

– Речь пойдет о дисциплине, – пояснил Братт, когда они определились с направлением.

– Нет, это не очень интересно, – Лана картинно скривилась.

– Да, я так и понял, когда из Лекса вслед за табелем прислали твою характеристику. Как я понял, у тебя были большие проблемы по этой части.

– Что я могу сказать? Мне трудно подчиняться общим правилам.

– Боюсь, придется научиться. Я не собираюсь формировать свое мнение о тебе, основываясь на прошлых грехах, но хочу предупредить.

Он замолчал и остановился, чтобы повернуться к ней всем корпусом и заглянуть в глаза, когда она была вынуждена сделать то же самое.

– Я не терплю неуважения или небрежности в учебе. Одно нарушение – предупреждение, два – наказание, три – отчисление. Как бы хорошо я ни относился к Марте. Это ясно?

Настроение для флирта как рукой сняло. Лана вновь ощутила колющие мурашки, пробежавшие по коже, когда градус его голоса упал куда-то в область абсолютного нуля. И снова это выражение в глазах... Только что он улыбался и казался обычным красавчиком, с которым приятно пофлиртовать между делом. Но вот улыбка растаяла, и остался только взгляд, пробирающий морозом до костей. Он так не вязался с его внешностью, что невольно заставлял задуматься о наложенной иллюзии.

– Не бойтесь, профессор Братт, – теперь уже серьезным тоном ответила Лана, не отводя собственного взгляда от его глаз. – Проблем со мной у вас не будет. Уж если я решила получить это образование, я его получу. Мотивации хватает.

Его взгляд снова потеплел, губ коснулась улыбка.

– Я рад это слышать, – кивнул он и продолжил неспешное движение к нужной им аудитории. – Хотя меня и смущает твоя мотивация.

– Вы тоже большой поклонник Его Величества, как и моя сестра? – скривилась Лана.

– Дело не в этом. У меня нет политических предпочтений. Мне что король, что канцлер. Лишь бы никто жить не мешал. Но путь, на который ты так стремишься, опасен в своей разрушительности. Возьми того же Ле Крока. Полагаю, у него есть причины недолюбливать короля, он критикует его регулярно и безжалостно, что бы ни происходило. Но он делает это из-под псевдонима, никому не показывая свое истинное лицо.

– Seriously? – удивилась Лана. – Неужели никто не знает, кто такой Ралм Ле Крок? Издатель-то должен знать?

– Если он его и знает, то тоже тщательно это скрывает. Я читал, что Ле Крок неуловим, как фантом. Иногда даже говорят, что это не какой-то человек, а группа людей. Коллективный псевдоним, маска, которую дает издатель тем, кто особенно резко критикует режим. Для их безопасности.

– Вот оно что... – задумчиво протянула Лана, глядя строго себе под ноги. – Да, наверное, так безопаснее, а то попадешь под Королевский Суд – и поминай, как звали.

– И да, и нет. Это затрудняет возможность мести со стороны критикуемого, но в то же время снимает с человека ответственность за то, о чем он пишет. Анонимность ведет к безнаказанности, а безнаказанность неизменно ведет к тому, что человек перестает замечать границы разумного. И допустимого.

Он выразительно покосился на нее, и Лана непроизвольно поежилась под его взглядом. Намек был достаточно прозрачным, чтобы она его не поняла. Вспомнились слова ректора Сайдера о сгоревшем доме, где они с друзьями устроили вечеринку. Если задуматься, действительно не лучшее место для веселья, но в тот вечер Лана ни о чем таком не задумывалась. Она тоже перестала замечать границы разумного. И допустимого.

К счастью для Ланы, они как раз дошли до нужной аудитории. К несчастью – Братт не торопился уходить. Он явно был доволен тем, что смог заставить ее задуматься, но сказал еще не все.

– Пойми меня правильно. Твой интерес к политической журналистике, особенно если он продержится хотя бы пару лет, – это очень похвально. Хорошо, когда человеку не все равно, когда он готов что-то делать, чтобы стало лучше. Но помни, что созидать всегда конструктивнее, чем разрушать. Для тебя самой в первую очередь.

– Я запомню, – пообещала Лана, избегая его взгляда.

– Хорошо. И напоследок хочу сказать: я очень рад, что ты все же пришла к нам. Значит, все в жизни происходит не случайно.

Вот теперь Лана подняла на него глаза, непонимающе хмурясь.

– О чем вы?

Братт пару секунд колебался, но потом все же объяснил:

– Я смог взять тебя на курс только по одной причине: незадолго до этого у нас пропала студентка. Я взял тебя на ее место.

– Как это – пропала?

– Ну, пропала, потерялась, сбежала, была похищена... Никто точно не знает, Легион еще ведет расследование.

– Но вы уже взяли меня на ее место? А если она найдется?

– Тогда и будем думать. Сейчас все выглядит так, будто она просто сбежала: часть вещей исчезла вместе с ней, но она никому ничего не сообщала. И с родителями не связывалась. Возможно, в этом замешан мужчина. Не знаю. В любом случае, если она действительно сбежала, то теперь уже вернуться на курс не сможет. Так что учись, Лана, раз все так сложилось. Возможно, это твоя судьба.

Сделав это громкое заявление, он наконец повернулся и пошел прочь, а Лана отправилась в аудиторию, чтобы в этот раз точно не опоздать и занять стратегически выгодное место.

Однако судьба или нет, а до конца дня легче ей не стало. Пусть следующий лектор не обратил на нее никакого внимания, она постоянно ловила на себе враждебные взгляды. Отсутствие возможности с кем-то поговорить тоже очень угнетало. Вспомнилась Альма, и поперек горла встал ком. Неужели подруга теперь тоже от нее отвернется? Пока длился учебный триместр, она и не могла встретиться с ней: правила Лекса запрещали покидать его территорию без крайней необходимости. Но то, что она даже не попыталась с ней связаться в письме или через зеркальный коридор, – удручало.

Лана решила, что через пару дней, как только у нее все успокоится, она сама напишет ей. А пока пришлось всю вторую половину дня провести в библиотеке, прорабатывая лекции, которые не успела записать, по учебникам. Из-за чего она едва не пропустила ужин. По крайней мере, кормили здесь хорошо. Без изысков, но вкусно.

В комнату Лана вернулась уже перед самым отбоем. С досадой на себя осознала, что нарочно торчала в библиотеке, чтобы не пересекаться с соседкой. Сам факт необходимости делить с кем-то комнату приводил ее в ужас, но когда этот кто-то еще и смотрит на тебя волком, становилось совсем противно.

За тот час, что девушки готовились ко сну, никто из них не проронил ни слова. Уже погасив световой шар, Лана вдруг осознала, что даже не знает имени соседки, но спрашивать не стала.

В эту ночь сон как раз не шел. Лана долго балансировала на грани реальности, то проваливаясь в зыбкие, тревожные сновидения, то выныривая из них, пока одно наконец не засосало ее с холодной яростью.

Это был кошмар, какого она еще никогда в жизни не видела. Нет, Лана не смогла бы его описать, рассказать, что именно страшного в нем происходило. На нее навалилась неразборчивая мешанина образов. То глаза слепил яркий разноцветный свет, то почти ничего не было видно из-за сизого дыма. Она ощущала то душное тепло наполненного людьми помещения, то холодные объятия ночной дороги. Но каждая секунда, проведенная во сне, заставляла сердце биться быстрее и болезненно сжиматься от ощущения приближающейся опасности. Словно что-то бестелесное и невидимое ползло к ней, тянуло руки и желало одного – уничтожить, а Лана все никак не могла ни рассмотреть загадочное нечто, ни убежать от него.

В какой-то момент безликое нечто ее настигло, обхватило мягкими руками, словно щупальцами, невообразимым образом проникло внутрь, дотянулось до сердца и сжало его, останавливая. Резкая боль пронзила все тело, Лана хотела закричать, но в легких совсем не оказалось воздуха.

Наверное, она умерла бы уже в следующее мгновение, если бы кто-то не выдернул ее из кошмарного сновидения резким толчком.

Лана села на кровати, тяжело дыша и в панике оглядываясь по сторонам. Она была все там же, в своей комнате, в которой сейчас горел один слабенький световой шар. Над ее кроватью стояла крайне недовольная соседка.

– Ты что, еще и припадочная, что ли? – буркнула она, глядя на Лану не то с ненавистью, не то просто с раздражением. – Хватит орать. Выпей снотворного, если не можешь спать нормально.

С этими словами она вернулась в свою кровать и погасила свет, а Лана еще долго сидела, обхватив колени руками и не рискуя снова опускать голову на подушку.

Глава 5

Лана не спала почти до самого утра. Стоило задремать, как начинало казаться, что нечто невидимое и злонамеренное снова тянется к ней. Лишь когда рассвело, она сдалась крепкому сну, но тот не продлился долго: пришло время вставать на занятия.

Мрачное недовольство соседки по комнате не прибавляло энтузиазма. Голова раскалывалась, и ужасно хотелось наплевать на все, никуда сегодня не идти, а просто лечь спать. И пусть строгий куратор отчисляет хоть с первого раза. Вся эта затея с учебой на журналиста все равно очень плохая идея.

Однако Лана не позволила себе такой слабости и поплелась в ванную комнату, как только та освободилась. Нет уж, она не сдастся так быстро. Иначе все эти унылые ничтожества решат, что она просто испугалась их недобрых взглядов и сплетен. Обойдутся.

Мама часто повторяла: чем хуже ты себя чувствуешь, тем лучше должна выглядеть. Поэтому сегодня к утреннему макияжу Лана подошла с особенной тщательностью, скрывая следы бессонной ночи и косметическими средствами, и магией. Уложила волосы в роскошные локоны, нарочито небрежно рассыпала их по плечам, как следует закрепив дополнительным заклетием, чтобы в этой своей идеальной небрежности они пролежали весь день. И выбрала самое новое, стильное и дорогое из своих повседневных платьев. Раз уж в СКА не заставляют носить ученическую форму, как в Лексе, то почему бы не выгулять объемный гардероб? В конце концов, это единственное, что осталось у нее от прежней жизни.

Закончив колдовать над собой, Лана посмотрела в зеркало и улыбнулась отражению. На завтрак она теперь не успеет, но оно того стоило. Мама бы гордилась.

Если бы, конечно, ей когда-нибудь было до нее дело. Эта непрошенная мысль заставила улыбку дрогнуть и медленно погаснуть. Ее родители всегда были очень заняты карьерами и общественной жизнью, поэтому Ланой занимались в основном няни и гувернантки. Отец еще как-то пытался иногда изображать живой интерес к ее делам и достижениям, но даже двенадцатилетняя Лана видела, что это только игра на публику или попытка соответствовать каким-то неведомым ей стандартам политика, обязанного быть хорошим семьянином.

Однако мать не делала и того. Может быть, когда-то давно, в глубоком детстве, которого Лана не помнит, она ею и занималась. Возможно, даже иногда качала на руках. Но на ее памяти родительница всегда была холодной и отстраненной. Кажется, никогда не обнимала ее. Вместо этого Лана по утрам пробиралась в ее спальню – у них с отцом были отдельные спальни – и залезала в кровать, прежде чем ее уберут. Она зарывалась лицом в подушку, которая пахла мамиными кремами и бальзамами для волос, пока простыни еще хранили тепло ее тела. Это в некотором роде заменяло ей объятия. Главное было не попасться, потому что мать всегда очень сердилась, если вдруг ловила ее на этом.

Она вообще часто на нее сердилась. Возможно, из-за того, что Лана однажды случайно проболталась отцу о ее любовнике.

Нет, сама Лана тогда даже не поняла, что именно рассказала, осознание пришло несколько позже. Просто каким-то образом однажды она увидела их вместе, в постели. Ничего не поняла и с детской непосредственностью рассказала об этом эпизоде отцу. Скандал был знатный. Мать, наверное, еще месяц с ней не разговаривала и всячески игнорировала.

Сейчас, стоя перед зеркалом и не ко времени вспоминая тот эпизод, Лана вдруг задумалась: а как же она умудрилась оказаться в той спальне в такой пикантный момент? Неужели мать была настолько беспечна? Или няни не уследили? Впрочем, если бы мать изменяла отцу прямо в его доме, то ему об этом доложили бы гораздо быстрее.

Тогда как же так получилось, что она их увидела?

Лана нахмурилась, внезапно разозлившись на себя. Вот какая сейчас разница? К чему все эти воспоминания? Ей сегодня предстоит снова держать удар, не время начинать себя жалеть. Лучше поторопиться, чтобы не опоздать на занятия и не провоцировать новые конфликты с преподавателями.

Она искренне их не хотела, особенно сегодня, но они возникали как-то сами, будто преподаватели тоже были ей не рады. Не все, но на практическом занятии по основному предмету, ради которого она во все это ввязалась, преподаватель принялся собирать письменные работы. И, конечно, быстро вычислил, что сдано на одну меньше.

– А где ваша статья? – обратился он к Лане, рассеянно хмурясь.

Он вообще выглядел несколько заполошно и рассеянно, словно забежал на семинар между делом. Вполне возможно, так и было. Он мог быть журналистом, совмещающим основную деятельность с преподаванием. Или преподавал несколько дисциплин, у него было много студентов, а потому не всех он помнил в лицо и по именам, а Лана показалась ему смутно знакомой. Но обо всем этом Лана подумала позже, а в тот момент переспросила:

– Какая статья?

– Информационная. Ваше домашнее задание, которое было задано еще до каникул.

– Тогда вы могли бы заметить, что меня тогда тут не было, – едко отозвалась Лана. Просто потому, что на нее снова все смотрели, и ее это раздражало. – Я только вчера сюда перевелась.

– Неужели? – удивился преподаватель. – Это необычно. Тем не менее, правила для всех одинаковы. Крайний срок сдачи по этому заданию – следующая неделя. Иначе у вас будет незачет, что усложнит сдачу экзамена в конце года...

– Вы меня не услышали? Я только что перевелась! – с нажимом повторила Лана. – Я еще даже не въехала в предметы и задания, а вы хотите, чтобы я написала за неделю то, на что у остальных, кто учится с начала года, был почти месяц?

Преподаватель уставился на нее, не мигая, как на какую-то диковинку.

– Я вас прекрасно слышал, госпожа?..

– Лерой.

На его лице промелькнуло сначала понимание, а потом... презрение и даже что-то похожее на торжество.

– Госпожа Лерой, – повторил он со смакованием. – Ничем не могу вам помочь. Статья должна быть сдана ровно через неделю. Не будем больше тратить время впустую...

И он продолжил занятие, игнорируя возмущенный взгляд Ланы.

Похоже, они все сговорились! И студенты, и преподаватели. Хотят выжить ее отсюда. И так будет продолжаться оба триместра? От одной мысли об этом кровь вновь начинала кипеть. Хотелось встать и высказать этим снобам все, что она о них думает, а потом уйти, громко хлопнув дверью. Да при таком отношении ей проще самой по учебникам обучиться всему необходимому. А еще лучше, если не поздно, отозвать оплату и нанять частных учителей. Жаль, что эта мысль не пришла ей в голову сразу. Видимо, мозг был затуманен Рейном Браттом.

Лана подавила вспышку гнева и мысленно пообещала противному преподу, что через неделю он будет плакать от восторга, читая ее статью. Как она этого добьется, Лана пока не знала, но в том, что добьется, не сомневалась.

К счастью, в этот день занятия у нее были только до обеда, а во второй половине она могла сразу начать заниматься статьей, пока на нее не свалилось еще какое-то срочное задание. Направляясь в столовую, Лана мысленно прикидывала, с чего начать и какую тему выбрать. Хотелось, конечно, написать о несправедливости Королевского Суда над ее отцом, но она понимала, что такая статья преподавателю не понравится.

Ее мысли были прерваны окликом Марты, которая позвала ее по имени, заставив притормозить и обернуться.

– Ты шла обедать?

– Да.

– Занятия у тебя закончились?

– Угу. А что?

– У меня тоже, – Марта сдержанно улыбнулась. – Может быть, хочешь пообедать со мной? Где-нибудь вне академии. Расскажешь, как прошли первые дни. Я угощаю.

Даже без последнего аргумента Лана согласилась бы. Полтора дня почти в полной изоляции – короткий диалог с куратором и перепалки со всеми остальными не в счет – сделали для нее общество Марты почти желанным.

Они устроились за маленьким столиком в кафе на соседней улице. Лана с интересом оглядывалась по сторонам: в камерных заведениях на десяток столов она бывала и раньше, но обычно в них все

равно чувствовался высокий класс и в обстановке, и в сервировке стола, и в обслуживании. Здесь же было скорее... уютно. Красиво, чисто, просто, но удобно. И почти все столики были заняты. А люди, сидящие за ними, непринужденно болтали друг с другом и с официантами, улыбались и вели себя... расслабленно. Не так, как было принято вести себя в прошлом окружении Ланы.

Еда тоже оказалась на удивление вкусной, а перед овощным супом им принесли по бокалу очень легкого белого вина, свежеспеченный душистый хлеб с хрустящей корочкой и еще теплым мякишем и мягкое сливочное масло, смешанное с мелко нарезанными травами. И как-то сама того не ожидая, на вопрос: «Как прошли первые дни?» Лана выложила Марте все, как есть. В мельчайших подробностях и событий, и собственных эмоций. Так она не откровенничала еще ни с кем, даже с Альмой. Под конец даже пожалела о внезапном порыве, но было уже поздно что-то менять. Хоть выговорилась.

Марта выслушала ее молча и очень внимательно. А когда Лана закончила, прежде всего уточнила:

– Чего бы ты сейчас хотела больше: моего сочувствия или практического совета, как попытаться все наладить?

– Практического совета, – быстро выбрала Лана.

Нет, на самом деле ей хотелось, чтобы ее просто пожалели, но и этот душевный порыв казался ей неуместной слабостью. Хватит и неожиданной откровенности.

– Если хочешь поладить с однокурсниками и преподавателями, перестань вести себя как засранка.

Лана чуть не подавилась не то от удивления, не то от возмущения. Но прежде, чем она успела облечь эмоции в слова, Марта продолжила:

– Тебе кажется, что тебя провоцируют на агрессию. И, возможно, в отдельных ситуациях так и есть, но ты тоже провоцируешь людей.

– Чем?!

– Да хотя бы своим внешним видом, – Марта кивнула на шикарное платье Ланы. – Ты настойчиво пытаешься показать окружающим, что ты не такая, как они, а потом обижаешься, что они тебя не принимают. А ты попробуй сделать шаг им навстречу. Хотя бы начни одеваться, как другие студенты в СКА.

– В эти жуткие штаны всех оттенков синего? – мрачно уточнила Лана.

– Не обязательно, хотя они довольно удобные, – улыбнулась Марта. – Но можно начать просто с более демократичных марок.

– У меня нет другой одежды, – буркнула Лана, ковыряясь вилкой в тарелке.

– Это не проблема, мы можем хоть сейчас отправиться по магазинам. Если хочешь. На обновление гардероба в среднем ценовом сегменте деньги у тебя точно есть.

Лана задумалась ненадолго, внимательно глядя на сестру. Действительно ли та считает, что это поможет? Или это какое-то тонкое, изощренное издевательство? В конце концов Лана решила, что все-таки это не может навредить.

– Когда я слышу слово «магазины», я просто не могу сказать нет.

Поход с Мартой по магазинам стал для Ланы новым необычным опытом. Раньше она просто приходила в бутик, садилась в удобное кресло, ей подавали чай с воздушными пирожными или бокал холодного игристого вина с не менее воздушными профитроли, начиненными сырным, рыбным или грибным муссом, а специально подобранные девушки, максимально приближенные к ее комплекции, демонстрировали модели. Лана выбирала несколько понравившихся и либо примеряла на себя подходящий размер, который при необходимости подгоняли по фигуре, либо ей шили такую модель по ее меркам.

Сейчас же она оказалась в шумном торговом центре, в котором на одном этаже теснились бок о бок десятки магазинов одежды, обуви, аксессуаров и нижнего белья. Играла музыка, туда-сюда сновали, невзирая на рабочий день, толпы людей, а посреди широких коридоров тянулись маленькие кафешки, перемежавшиеся лавочками, на которых уставшие покупатели могли отдохнуть. Было шумно и суетно, но... забавно.

От похода по магазинам нижнего белья она сразу наотрез отказалась, заявив, что будет носить имеющиеся у нее запасы, пока те не истлеют на ней от времени.

– Что я ношу под одеждой, точно никого не касается!

То же самое Лана решила по поводу обуви. В конце концов, очень дорогая, но повседневная, от обычной отличалась только уровнем комфорта, но почти не бросалась в глаза. Марта согласилась с ней, и они отправились по магазинам одежды.

Здесь Лану ждало первое тяжелое испытание: узреть подходящую модель на вешалке, зажатой между другими моделями, было сложно. Некоторые, конечно, висели на видном месте, другие – на манекенах, но это были лишь отдельные крупницы, не всегда интересовавшие ее цветом или фасоном.

Вторым испытанием стала примерка. Мало того, что приходилось ютиться в крошечной кабинке с весьма спорным освещением, так еще магазины не оказывали услуги по подгонке одежды по фигуре прямо на месте.

– Вы можете обратиться в соответствующее ателье, – заявила продавщица, помогавшая им с размерами.

– Им что, сложно, что ли? – недовольно процедила Лана, стаскивая с себя очередное платье, которое идеально сидело в груди и нелепо топорщилось в талии. – Это же всего несколько движений...

– Вот сама бы им обучилась – и подогнала себе, – парировала Марта, с трудом сдерживая смех.

Лана посмотрела на нее, как на сумасшедшую.

– Ты серьезно? Обучаться швейной магии? Зачем? Всегда проще заплатить другим. Я ведь не предлагаю им делать это за «спасибо».

– Просто в таких магазинах работают те, кто швейной магии тоже не обучен. Слишком мало людей, готовых доплатить за подгонку платья, сюда приходят. Обычно просто ищут подходящее.

Эта концепция не укладывалась у Ланы в голове. За два часа она перемерила несколько десятков вариантов, вся взмокла от бесконечного движения, несколько раз ударилась о стенки тесных примерочных, устала, снова проголодалась, почувствовала головокружение и заявила, что с нее хватит. За это время она разжилась тремя новыми платьями, брючным костюмом с двумя вариантами блузок и теми ужасными синими штанами из грубой ткани, которые несколько лет назад перекочевали к ним из-за Занавеси. Джинсы.

– Думаю, этого пока достаточно, – согласно кивнула Марта. И предложила: – Чай? Или, может быть, хочешь попробовать кофе?

– Я его пробовала, – фыркнула Лана. – Гадость ужасная. Лучше чай. И мороженое.

И снова Марта не стала возражать. Они устроились в ближайшем же кафе в проходе, заказали чайник черного чая с чабрецом и две большие порции мороженого разных цветов и вкусов.

Стоило первый раз зачерпнуть холодное лакомство ложкой, как Лана поймала себя на странной мысли. Ей нравилось происходящее. Нравился дешевый торговый центр с «массовым ширпотребом», как всегда называла это мама, и нравилось сидеть в кафе со старшей сестрой, которая покупает тебе мороженое. Вероятно, на твои же деньги, но это уже были неинтересные детали.

Посмотрев на Марту через стол, Лана спросила с присущей ей прямоотой:

– Рейн сказал, ты читала обо мне в журналах и рассказывала ему?

Марта вскинула на нее удивленный взгляд.

– Рейн?

Лана выразительно закатила глаза и поправилась:

– Куратор Братт.

– Трепло он, а не куратор, – смущенно проворчала Марта, ковыряясь ложкой в своей вазочке. – Мог бы и промолчать.

– Так ты читала?

Марта кивнула.

– Да. Когда мама умерла, – добавила она чуть дрогнувшим голосом. – И я вдруг поняла, что у меня никого не осталось.

Лана с трудом проглотила очередную порцию мороженого, глядя на то, как Марта нервно ломает пальцы, время от времени теребя скромное кольцо с небольшим бриллиантом на безымянном пальце левой руки.

– Отец тебя, как я понимаю, не интересовал?

Марта снова подняла на нее взгляд, и он полыхнул огнем.

– Нет, – лаконично отрезала она, но углубляться в тему не стала.

Лана, конечно, собиралась сама углубить тему, но в этот момент сестра обратила внимание на проходившую мимо женщину и окликнула ее, махнув рукой:

– Хильда!

Лана обернулась: на призыв Марты среагировала блондинка в форме legionera. Она была примерно одного с Мартой возраста, забирала волосы в высокий «хвост» и то ли совсем не делала макияж, то ли просто отдавала предпочтение имитации натуральности. Она радостно улыбнулась и подошла к их столику. Марта встала, и женщины довольно тепло обнялись.

– Привет, рада тебя видеть, – поприветствовала незнакомка.

И с интересом посмотрела на Лану. Та была готова поклясться, что legionerша ее узнала, но Марта все равно поспешила их представить:

– Это Лана, моя младшая сестра. А это Хильда Сатин, моя подруга.

Лана кивнула, невнятно промывав что-то относительно приветственное, делая вид, что ее рот занят мороженым.

На самом деле вид legionera тут же испортил только-только наладившееся настроение. Легион в их мире выполнял не только функции защиты и охраны правопорядка, но и олицетворял судебную власть. Ту самую, с попустительства которой уже почти десять лет в стране существовал Королевский Суд, обходивший стандартную процедуру. И Лана уже несколько дней считала это слабостью Легиона.

Она с удовольствием проигнорировала бы появление его представителя полностью, но ее тут же привлек вопрос, который Марта задала подруге:

– Об Анне что-нибудь слышно? Какие-нибудь новости?

Сатин вздохнула, печально покачала головой и призналась:

– Мы закрываем дело, Марта. У Легиона нет оснований считать Анну мертвой или похищенной. Наши ритуалы показали, что она жива и в безопасности, а это значит, что она просто уехала по своей воле. Мы не имеем права применять кровную магию для ее обнаружения в подобных обстоятельствах. Она буквально только что достигла совершеннолетия, а потому имеет право уезжать куда угодно, никого не уведомив.

– Но это ведь странно, ты не находишь? – с нажимом поинтересовалась Марта. – Она уехала внезапно, никому ничего не сказала, только попросила соседку по комнате собрать для нее вещи на несколько дней. Та ее даже не видела, просто оставила сумку в условленном месте. Ей оставалось учиться два триместра. После этого она смогла бы уехать куда угодно, но с образованием, на которое уже было потрачено немало сил и времени.

– Да, я понимаю, – кивнула legionerша. – Это необычно, но ничего сверхъестественного в таком поступке нет. Встретила парня, он вскружил ей голову, она все бросила и уехала с ним в закат. Кто из нас не творил подобные глупости в двадцать лет, кладя на алтарь первой любви образование и карьеру?

Последний вопрос прозвучал с горечью. Судя по всему, Хильда Сатин знала, о чем говорит.

– Я не творила, – буркнула Марта.

– Не все так благоразумны. Я обещаю тебе время от времени проверять снова. Если вдруг окажется, что она в опасности, я сразу возобновлю расследование. Ну, если вдруг этот гипотетический парень решит злоупотребить ее хорошим отношением.

– Все-таки мне кажется, что она дала бы родителями знать, если бы просто сбежала с любовником, – не сдавалась Марта.

– Тут никогда нельзя быть уверенной, – пожала плечами Сатин. – Мало ли, какие у них отношения.

Иногда даже сами родители не знают, что думают о них их родные дети. Прости, пока я больше ничего не могу сделать.

Марта понимающе кивнула. Они перебросились еще парой фраз, договорившись обязательно вскоре найти время для более обстоятельной встречи, и на том распрощались. Марта снова села на свое место.

– Вы говорили о той пропавшей девушке, на место которой профессор Братт взял меня? – тут же поинтересовалась Лана.

Марта поморщилась.

– Я же говорю: трепло он. Но да, Анна Вест. Внезапно исчезла во время каникул после первого триместра.

– Думаешь, с ней случилась беда?

Сестра вновь сидела, глядя в свою вазочку с подтаявшим мороженым, и нервно крутила колечко на пальце. Выглядела она почему-то так печально, словно эта Анна Вест была еще одной ее сестрой.

– Я не знаю, – в конце концов ответила она. – Но сердце у меня не на месте. Я всегда чувствую такие вещи. Не знаю как, но чувствую.

Лана в ответ промолчала, спрятавшись за чашкой чая. Всякое желание расспрашивать сестру дальше почему-то пропало.

Глава 6

Идея с одеждой сработала. По крайней мере, на следующий день Лана почти не ощущала недоброжелательных взглядов. То ли действительно затерялась в толпе студентов, то ли просто срок годности ее личной сенсации вышел. Даже никто из преподавателей за весь день не потребовал от нее невозможного.

Лану результат вдохновил. Как бы там ни было, а тратить лишние силы на противостояние всему окружению ей не хотелось. Если уж судьба так распорядилась, что ей придется идти по жизни не совсем тем путем, каким она собиралась, хотелось хотя бы максимально облегчить себе этот путь.

Поскольку первый совет сработал, Лана решила последовать и второму, который сестра дала ей уже в конце их увлекательного похода по магазинам. Оказалось, что у студентов Столичной Королевской Академии есть привычка проводить вечера в клубе «Сияние», находящимся буквально в пяти минутах ходьбы. Марта посоветовала Лане навестись туда, чтобы познакомиться с кем-то из сокурсников поближе и пообщаться в неформальной обстановке.

– Так больше шансов пробить стену отчуждения, – сказала она, – чем в учебной аудитории, где все у всех на виду и многие могут просто бояться сделать первый шаг.

Конечно, Лане следовало потратить вечер на учебу, поскольку она отставала абсолютно по всем дисциплинам на целый триместр, но она решила, что имеет право на маленький отдых посреди недели.

Она опасалась, что клуб окажется какой-нибудь дырой с дешевой выпивкой и крутящейся в записи музыкой, ведь академия ее находилась совсем не в центре города, где традиционно размещались лучшие заведения, но «Сияние» ее приятно поразило.

Музыка здесь оказалась живой, танцпол – просторным, освещение – не слишком тусклым, с переливами разноцветных огней. В вечер посреди недели народу здесь было немного, но и пустым клуб не казался. Музыканты расположились в одном конце большого зала на небольшом возвышении, круглый бар – в другом. По бокам тянулись столики и более уединенные кабинки, но совсем закрытых кабинетов глаз Ланы не выцепил. Вместо них половину зала накрывал второй уровень – зона для особых гостей.

В воздухе клубился ароматный дым, забавно преломляя пляшущие разноцветные огни, и все вместе это создавало ощущение праздника, которого Лане в последние несколько дней так не хватало. Сейчас, даже одетая в дурацкие синие штаны из грубой ткани, она неожиданно почувствовала себя почти прежней. Не хватало только компании друзей под боком.

Лана оглянулась по сторонам, ища взглядом хоть какие-то знакомые лица. Нашла почти сразу, но это ее не очень обрадовало.

– Надо же, смотрите, кто пожаловал! Наша принцесска снизошла до нас не только в выборе туалетов, но и в развлечениях.

Лана едва не скрипнула зубами от досады. Староста. Или Дылда, как она называла ее про себя. По бокам – все те же две подружки. Все трое держали в руках по замысловатому коктейлю, каждый из которых переливался минимум тремя цветами. В высоком стакане старосты отсутствовала уже почти половина напитка.

– Эри, тебе не надоело? – нарочито устало поинтересовалась Лана, томно закатив глаза. Музыка звучала умеренно громко, что давало простор для интонаций при разговоре. – Уже всем надоело, одной тебе нейдет. Влюбилась ты в меня, что ли?

Староста действительно была одной из немногих, кто продолжал сегодня весь день смотреть на Лану волком. И кажется, ее бесило, что остальные перестали замечать новенькую, снижая тем самым давление.

– Ты бы поосторожнее языком мела, – зло прищурилась Дылда. – Куратор не всегда сможет тебя прикрыть.

– И что ты мне сделаешь? Вызовешь на магическую дуэль? Или в духе разбойников с окраин подкараулишь в темном углу с подружками? – Лана кивнула на ее спутниц. – Очень достойно получится. Проблема в том, Эри, что я тебя не боюсь, потому что ты ничего не можешь мне сделать, кроме как пугать своей лошадиной физиономией...

Эри вдруг качнулась вперед, заставляя Лану замолчать, а в следующее мгновение та почувствовала на груди что-то холодное, липкое и мокрое. Дылда вылила на нее почти весь оставшийся в ее стакане коктейль.

– Ах, прости, я такая неуклюжая, – нарочито огорченным тоном заявила Эри. – Но ты же наверняка знаешь очищающее заклятие, правда, принцесска?

Задохнувшаяся от возмущения Лана инстинктивно провела по ткани блузки рукой, словно пытаясь стряхнуть пролитый коктейль. Но вместо этого разноцветные жидкости только сильнее размазались, впитываясь в когда-то белоснежные нити. Очищающему заклятию ее, конечно, учили. Когда-то очень давно. Лана не старалась его запомнить, слишком уж много там было нюансов – в зависимости от ткани и типа загрязнения. Зачем, считала она, если одежда как правило зачарована производителями от пятен, а на крайний случай рядом всегда есть специально обученные люди.

Да, вот только простая хлопковая блузка из обычного магазина никакими защитными заклинаниями похвастаться не могла.

Лана зло посмотрела на старосту. Первым желанием было треснуть ее ударным импульсом. Из боевой магии она в свое время освоила только его, считая, что умение огреть надоедливого кавалера – никогда не лишнее. Вторым было желание просто ударить Эри кулаком прямо в противную ухмылку. Однако Лана удержалась от обоих. Вдохнула, выдохнула и почти спокойно посоветовала:

– К врачу сходи, болезная. Такие сильные внезапные судороги могут быть признаком серьезных проблем.

И расправив плечи, она с независимым видом отправилась в сторону бара, давая понять, что испачканная блузка не испортит ей вечер. К тому же там наверняка можно найти сотрудника, который поможет ей с пятном за хорошие чаевые. Кислое выражение на лице Эри стало маленьким приятным бонусом. Все же это лучше, чем ввязаться в драку и попасть потом в руки легионерам. Лане совсем не хотелось радовать газетчиков скандалом. Ее с детства учили не допускать такого.

Когда она подошла к стойке, оба бармена были крайне заняты смешиванием коктейлей для большой компании в другой части круга. Мысль о том, что придется ждать в грязной, холодной и мокрой блузке, Лану не радовала, поэтому она скользнула взглядом по всей зоне бара, надеясь найти еще кого-то, может быть, официанта.

Вместо этого ее взгляд зацепился за парочку у барной стойки: очень уж знакомой показалась девушка. Приглядевшись, Лана убедилась, что это одна из ее новых сокурсниц. Она узнала ее не столько в лицо, сколько по цветным колготкам, которые обычно девушки перестают носить годам к пятнадцати.

Рядом с ней стоял парень... или, скорее, молодой мужчина в темном, хорошо сшитом костюме. Одной рукой тот упирался в стойку, отчего получалось, что он почти обнимает свою собеседницу. И судя по выражению лица, девушке это не очень-то нравилось, но уйти она почему-то не решалась.

Лана приблизилась к ним, чтобы занять соседний табурет и при необходимости завязать с девушкой разговор, но эта самая необходимость стала очевидна, едва она подошла.

– Ну, что ты ломаешься? Я же тебя пока не в койку тащу, а потанцевать предлагаю, – низким голосом настойчиво предлагал мужчина, уже поймав девушку за руку.

– Я же говорю... я не хочу... то есть, не могу... мне вот... коктейль только принесли... И вообще я жду друга! То есть... подругу...

Отговорки сокурсницы звучали неуверенно, как будто она одновременно хотела и отказать, и не обидеть кавалера. Но она точно не ломалась, это Лана видела хорошо.

– Да перестань, куда твоя подруга не денется. Как и коктейль. Если что, я куплю тебе новый. У нас там наверху куча всякой выпивки поинтереснее. Можем потом подняться.

– Она же сказала, что не хочет, – встряла Лана. Сразу твердым уверенным тоном, как делала это всегда. – Почему бы тебе не поискать другую партнершу?

Мужчина обернулся, бросил на Лану недовольный взгляд и попытался отмахнуться:

– Слушай, я сам разберусь, с кем мне танцевать. Иди гуляй. А если ты та самая подруга, так просто посторожи коктейль. Только, – он снова полуобернулся и усмехнулся, – на себя его до кучи не опрокинь.

Лана скрестила руки на груди, не двигаясь с места.

– Может быть, мне позвать охрану? Все вместе разберемся, кому с кем стоит танцевать, а с кем – нет.

Лана точно не знала, есть ли в таких клубах охрана, но очень на это надеялась. Потому что мужчина оказался не из пугливых: вместо того, чтобы извиниться и уйти по-хорошему, он оттолкнулся от стойки и повернулся к ней всем корпусом, недобро сверкнув темно-кариими глазами. Свысока, потому что был на голову выше.

Что именно он собирался сказать, Лана так и не узнала, потому что мужчина вдруг дернулся, словно его с силой толкнули, странно повел плечами и поднял взгляд куда-то вверх. Секунда – и вся агрессия мигом ушла из его позы.

– Извините, – процедил он. – Хорошего вечера вам с подругой.

И он торопливо ушел прочь. Лана не удержалась и оглянулась, ища взглядом то, что заставило мужчину передумать. Судя по всему, смотрел он на второй уровень, нависавший над половиной первого этажа. Находившиеся там столики прятались в глубине площадки, и с позиции Ланы их было не рассмотреть. Но один из «особых гостей» сейчас как раз стоял у края, опираясь одной рукой о перила. Во второй мужчина держал бокал. Он тоже носил дорогой темный костюм с черной рубашкой под ним. На вид ему было хорошо за сорок, но длинных темных волос седина еще не коснулась.

Незнакомец отсалютовал Лане бокалом. Она в ответ только кивнула, безмолвно благодаря за помощь. Мужчина шагнул назад и почти мгновенно скрылся из вида.

– Спасибо, – неуверенно прозвучало рядом, и Лана отвела взгляд от второго уровня и повернулась к смутно знакомой незнакомке.

Та сидела в казавшейся неестественной позе, словно ей было ужасно неудобно на проклятом высоком табурете, теребила локон длинных, мышино-серых волос, свисающих по обе стороны непримечательного лица, и явно чувствовала себя крайне неловко.

– Да не за что, – пожала плечами Лана и уточнила, уже карабкаясь на соседнее место: – У тебя тут не занято?

Девушка только сделала неопределенное движение рукой, то ли приглашая садиться рядом, то ли давая понять, что не в курсе, занято ли место кем-нибудь.

– Ты имей в виду, что «нет» всегда нужно говорить громко и четко, чтобы у парней не возникало сомнений в том, что это действительно «нет», а не «да, но не сразу».

– Я... постараюсь, – неловко кивнула девушка, смущенно улыбнувшись и покосившись на пятно на блузке Ланы. – Ты... испачкалась.

– Да, – Лана поморщилась, – я знаю. Вот, как раз ищу кого-нибудь, кто сможет мне помочь.

– Ты не умеешь убирать пятна сама? – удивилась безымянная сокурсница.

– Я не сильна в бытовой магии, – снова поморщившись, призналась Лана.

– Тогда я могу тебе помочь. Я прекрасна в бытовой магии.

И, дождавшись кивка Ланы, она провела раскрытой ладонью над пятном. То действительно моментально исчезло, оставив после себя все такую же кристально белую сухую ткань.

– Ух ты, супер! – обрадовалась Лана. – Спасибо. Считаю, в расчете. Что ты пьешь?

– Это ананасовый сок с небесным сиропом, – она снова смутилась.

– И все? – уточнила Лана. – Нет уж, мне сегодня нужно что-нибудь покрепче.

И она махнула рукой, пытаясь привлечь внимание официанта. Тот в ответ знаком показал ей, что видит, но подойдет чуть позже, когда освободится. Это раздражало, но Лана не успела сильно разозлиться по поводу хромающего обслуживания.

– Ты ведь Лана, да? – уточнила девушка рядом, наклоняясь к ней, чтобы ее было лучше слышно за музыкой. – Лана Лерой?

– Да. А ты?

– А я Вера. Вера Карли. Мы с тобой на одном курсе, ходим на несколько предметов вместе.

– Да, я знаю, я тебя видала, – кивнула Лана, невольно покосившись на нежно розовые колготки, выглядывающие из-под вполне себе женственного платья.

К счастью, Вера не обратила внимания на ее взгляд, но заметно воодушевилась, услышав, что Лана ее запомнила. Даже сделала большой глоток своего коктейля. От волнения – слишком большой, поэтому поперхнулась и закашлялась, вытирая рукой потекшую по подбородку струйку. В этот момент она была похожа на двенадцатилетнюю, изображающую из себя взрослую.

– Ты часто сюда ходишь? – поинтересовалась Лана, чтобы как-то поддержать разговор.

– Нет, за всю учебу была пару раз. Обычно некогда, но иногда очень хочется... – она опять смутилась и замолчала, неловко натягивая на ладони рукава платья, сильно сутулясь и поправляя волосы.

– Хочется – чего? – подтолкнула Лана.

– Повеселиться, – тихо призналась Вера. – Потанцевать. Завести друзей.

Под конец ее слова стали едва различимы на фоне музыки, но красноречивый взгляд, который она бросила через плечо на столик, за которым собралось человек десять с их курса, в том числе Эри, говорил все и без слов. Похоже, не у одной Ланы не складываются отношения с сокурсниками.

Бармен, наконец, осчастливил ее своим вниманием, и Лана заказала бокал вина. Коктейли с сиропами ядовитых цветов в ее кругу были не в ходу, как и коктейли вообще. Хорошим тоном считалось пить напитки такими, какими их создали. Пока молодой красавчик доставал нужный бокал и откупоривал бутылку, Лана снова обратилась к Вере:

– Но если ты пришла сюда веселиться, танцевать и знакомиться, то почему тухнешь у барной стойки и отшила того парня, который тебя приглашал? Он вроде был симпатичный.

– О, нет, я недостаточно смела, чтобы заигрывать с Темным Ковеном.

– С кем? – удивилась Лана.

– Темный Ковен, – повторила Вера, кивая на второй уровень. – Они что-то вроде ордена или братства. Темные маги. Раньше были вне закона, но когда десять лет назад Сорроу пришел к власти, он снял часть запретов на использование темного потока. Вот они теперь и не прячутся. Часто тут бывают. То одни, то другие. Особая зона всегда зарезервирована под них. Уж не знаю, чем им так нравится «Сияние».

– Даже предположить не могу, – проворчала Лана, уже сделавшая глоток вина и скривившаяся: оно было слишком кислым на ее вкус. – А чем эти ребята занимаются?

– Да кто их знает? Оказывают услуги там, где не справляется светлый поток. Не думаю, что всегда законно.

– Может быть, ты знаешь и того, кто избавил нас от твоего настойчивого кавалера? – поинтересовалась Лана, снова оборачиваясь и поднимая взгляд ко второму уровню в поисках темноволосого мужчины. Однако тот, похоже, не часто стоял у перил.

– Конечно. Это же Марк Арант. Он их бессменный глава уже лет двенадцать.

– Слушай, а откуда ты так много о них знаешь, если не бываешь тут? – вдруг одумалась Лана, с подозрением глядя на новую уже-почти-подругу.

– Так ведь я буду журналистом! – вновь воодушевилась та, улыбаясь по-детски открыто. Даже на стуле выпрямилась, как прилежная ученица в школе. – Я каждый день изучаю все главные газеты столицы.

Лана досадливо скривилась, отворачиваясь и поднося к губам бокал, просто чтобы чем-то себя занять. Да уж, вот это наверняка хорошая подготовка. А она с субботы больше ни одной газеты так и не открыла. Надо бы тоже взять себе за правило читать хотя бы одну, самую главную. Какая там в политической журналистике считается самой главной? «Столичный Вестник»?

Лана тут же вспомнила, что те написали гадкую статью о ее отце, и решила, что лучше читать оппозиционного «Ястреба», даже если у него не такой большой тираж.

Все газеты моментально вылетели у нее из головы, едва она, обводя взглядом круглую стойку, заметила почти напротив знакомые лица. Не только студенты СКА заходили в «Сияние», но и преподаватели тоже. За стойкой с другой стороны круга сидели Марта и Рейн Братт. Сестра выглядела не то печальной, не то задумчивой, как днем в кафе, после встречи с легионершей. Она сидела, теребя на пальце кольцо и ссутулив плечи. Рейн сидел рядом и не то обнимал ее за плечи, не то просто успокаивающе поглаживал по спине. О чем они говорили, конечно, не было слышно, но Лане почему-то подумалось, что они обсуждают исчезновение студентки.

«Просто друг, да?» – мысленно хмыкнула она, делая еще один глоток мерзкого кислого пойла, которое здесь выдавали за вино.

Почему-то стало грустно, и Лана от них отвернулась. Но не выдержала долго и украдкой посмотрела снова.

В груди что-то екнуло: Братт тоже ее заметил и сейчас смотрел через весь бар прямо ей в глаза. Лану неожиданно, как высокой волной, накрыло незнакомым, странным ощущением, от которого сердце забилось быстрее, а дышать сразу стало трудно. Она вдруг очень отчетливо поняла, что все это с ней уже происходило. Она уже вот так сидела чуть ли не на этом самом стуле и через бар смотрела на куратора, а он на нее. И Арант...

Лана снова обернулась на второй уровень. У перил по-прежнему было пусто, но она как наяву вновь увидела Аранта, только стоял он иначе, чем сегодня: наклонялся вперед и упирался в перила обоими предплечьями, сцепив руки в замок. Она видела его почти так же ясно, как переливающийся в свете разноцветных огней ароматный дым.

«А если повернуть голову в другую сторону, посмотреть чуть левее стола с девчонками из СКА, там будет парень в кепке», – неожиданно для себя подумала Лана.

И вслед за этой мыслью повернулась: парень, чье лицо пряталось в тени длинного козырька кепки, сидел именно за тем маленьким столиком, за которым она ожидала его увидеть. Он был из Возвращенцев. Или просто бывал за Занавесью, потому что к бокалу темного пива предпочитал соленые орешки и сигарету. Впрочем, Возвращенцев в среднем классе сейчас столько, что местные вполне могли начать перенимать их привычки.

«Да что происходит?» – едва ли не прокричал внутренний голос.

Голова кружилась, сердце колотилось в груди, паника накатывала волнами, перехватывая дыхание, музыка, звучавшая со сцены, тонула в монотонном пискливом жужжании в ушах.

Откуда она может это помнить, если она первый раз в жизни в этом клубе? Да и когда она вошла, никакого узнавания на нее не обрушилось.

Лана снова посмотрела через бар на Рейна Братта, но тот уже отвернулся. Его вниманием полностью владела Марта. Лана повернулась еще раз, на этот раз к танцполу, освещенному лучше, чем все остальное. Сизый дым там был виднее.

В глаза ударил постоянно блуждающий цветной луч, и Лана вспомнила.

Ее сон. Кошмар, в котором нечто невидимое, но явно злонамеренное, тянулось к ней, опутывало пальцами и проникало под кожу. От которого она кричала, и ее разбудила соседка. В том сне она была здесь. Сидела за барной стойкой, смотрела через бар на куратора, видела Аранта и по какой-то причине заметила парня в кепке...

– Ты в порядке? – голос Веры вернул ее в реальность.

Музыка вновь зазвучала громко, а паника отступила, словно напуганная присутствием другого человека.

– Не думаю, но это скоро пройдет, – заявила Лана, скорее обещая это самой себе, чем действительно так думая. Она залпом прикончила бокал вина и предложила, соскальзывая с табурета: – Слушай, хватит здесь сидеть. Пойдем танцевать.

– Но... мы не можем, – растерялась Вера.

– Почему?

– У нас нет кавалеров. А без кавалера нельзя танцевать парный танец.

– Кто сказал? – фыркнула Лана и схватила Веру за руку. – Идем я буду твоим кавалером. Я как раз сегодня в штанах.

Вера то ли не смогла сильно сопротивляться, то ли не захотела. Играющий ансамбль как раз сменил мелодию на что-то, явно перекочевавшее из-за Занавеси, потому что в стандартную программу танцев подобные мелодии не входили, но Лану это не смутило. Подстраиваясь под непривычный, немного рваный ритм, она уверенно повела Веру в танце. Все же хорошо, что из-за постоянного несовпадения количества партнеров и партнерш им приходилось разучивать и мужские, и женские движения.

С каждой секундой она все сильнее растворялась в музыке, порой прикрывая глаза и забывая обо всех проблемах, о том, где она, и даже о том, кто она. О странных снах и не менее странных

ощущениях. Лана кружилась в танце, игнорируя косые взгляды других танцующих пар, многочисленных сокурсников и дылды Эри.

И вместе с ними она не замечала ни того, что куратор Братт вновь смотрит на нее со своего далекого места, ни того, что Марк Арант вернулся к перилам второго уровня и наблюдает за происходящим сверху, ни того, что парень в кепке тоже внимательно смотрит на нее, потягивая свое пиво.

Несколько блаженных минут танца для Ланы не существовал никто.

Глава 7

На этот раз Лана сразу понимает, что спит и видит сон.

Она снова в «Сиянии». Во всяком случае, чувствует абсолютную уверенность в том, что находится именно там, хотя все вокруг выглядит размытым, зыбким, словно она смотрит на окружающий мир через залитое водой стекло. Она даже слышит музыку, но та совсем не похожа на мелодии, которые музыканты наигрывали сегодня. Она звучит странно: глухо и как будто искаженно.

Как это часто бывает во сне, движения у Ланы скованные. Кажется, она идет сквозь толщу воды или просто к ее конечностям привязаны тяжелые грузы. Но вот она уже у барной стойки, садится с той же стороны, с которой сидела сегодня с Верой. Официант приносит ей коктейль. В высоком широком бокале переливаются красные, желтые, оранжевые слои. Кажется, напиток называется «Закат», но Лана не уверена, откуда знает это: она такое никогда не пила.

Она оборачивается и видит парня в кепке с длинным козырьком. Его лицо скрыто тенью, но Лане кажется, что они знакомы. Откуда она может его знать? Нет, это не потому, что она видела его сегодня в реальности. Она знала его раньше. Но когда и где они встречались?

Лана переводит взгляд на бар, на куратора Братта, сидящего на другой стороне круга. Сейчас он один, Марты с ним нет. На стойке перед ним стакан с напитком цвета жженой карамели, и он пьет его слишком быстро, а закончив – тут же заказывает еще один. Ловит взгляд Ланы, но тут же отводит его в сторону, делает вид, что не заметил ее или не узнал. Вместо этого устремляет взгляд вверх, ко второму уровню.

Опираясь обеими руками на перила, там стоит Арант, наблюдая темным, цепким взглядом за всем, что происходит внизу. Зачем? На что он с таким интересом смотрит? На нее?

Нет, его взгляд Лана поймать не может, значит, смотрит он не на нее. Тогда на кого?

Неожиданно для самой себя Лана стремительно меняет угол зрения, оказавшись в стороне от барной стойки. А на ее месте с коктейлем, который только что стоял перед ней, остается сидеть незнакомая девушка. Она выглядит сосредоточенной и взволнованной, но не испуганной. Скорее, предвкушающей.

А вот Лане отчего-то страшно. Может быть, оттого, что она плохо видит происходящее вокруг, а потому ей кажется, что нечто, едва не убившее ее в прошлый раз, прячется где-то в клубах дыма за мельтешением разноцветных огней.

Так никого и не разглядев в колыхающейся вокруг мути, она снова смотрит на стойку, но девушки там уже нет, остался стоять только недопитый коктейль. Сама не зная почему, Лана торопится к выходу из клуба. И успевает увидеть, как незнакомка садится к кому-то на магоцикл и тот срывается с места, унося в непроглядную тьму ночи и водителя, которого Лана не разглядела, и его пассажира.

Лана досадливо топает ногой, хотя и не понимает, почему ее так печалит, что она упустила незнакомку. Она поворачивается, чтобы вернуться в помещение, но едва не вскрикивает от ужаса.

Входа в «Сияние» за ее спиной больше нет. Там стоит совершенно другой дом, даже не городской, а скорее сельский: он маленький, двухэтажный. Очень старый, местами начавший разрушаться, с мертвыми пустыми окнами, в которых недостает стекол.

«Это еще что такое?» – мелькает в голове мысль с привкусом отчаяния.

Лана крутит головой по сторонам: теперь она видит лучше, но от этого не становится легче. Вокруг стоят точно такие же покинутые дома. У большинства или обожжены стены, или разрушено крыльцо, или выбиты окна, или выломаны куски из углов.

Мертвый город. Город мертвых. Определенно что-то плохое случилось здесь когда-то... Не так и давно. А теперь Лана застряла в самом его сердце. И пугающее нечто наверняка прячется за ближайшим поворотом. Ей даже кажется, что она видит, как из-за второго от нее дома выползает что-то бесформенное.

Повернувшись, Лана бежит, куда глаза глядят, не разбирая дороги. Лишь бы подальше, прочь из города.

И добегают. Добирается до последнего дома, вырывается из узкого лабиринта улиц, оказываясь в открытом поле, пустом и таком же безжизненном, как и город, оставшийся за ее спиной.

Впереди земля поднимается в невысокий холм, темнеющий на фоне почему-то светлого, как во время сумерек, неба. А на холме на пьедестале возвышается громоздкий монумент в форме

спирали.

Лана замирает на месте, вглядываясь в кажущееся печальным сооружение, и это становится роковой ошибкой. Нечто настигает ее, обжигает затхлым холодом затылок и вновь обхватывает многочисленными пластичными конечностями.

На этот раз Лана закричала. И вновь сильный толчок вырвал ее из плена кошмарного сна.

– Слушай, это уже не смешно!

Над ее кроватью опять стояла недовольная соседка, в комнате горел тусклый свет.

– Я не знаю, какие у тебя проблемы, но серьезно: сходи к врачу за снадобьем. Не сделаешь этого сама, я все расскажу куратору. Пусть он или разбирается с твоей проблемой, или отселяет тебя. Я из-за тебя уже вторую ночь плохо сплю.

– Извини, – выдохнула Лана, падая обратно на подушку. – Я обязательно схожу.

Соседка еще что-то проворчала себе под нос, забралась обратно в кровать и погасила свет. Лана осталась лежать с открытыми глазами, глядя в темный потолок и приводя в норму дыхание.

Как и после первого кошмара, спать совершенно расхотелось. В голове стучал пульс, и образы из сна так и вставали перед глазами. Мертвый город. Устремляющаяся в небо спираль. Девушка, садящаяся на чей-то магоцикл. Кто она? Не пропавшая ли Анна Вест?

Но почему она ей снится? Лана точно знала, что не обладает никакими сверхъестественными способностями, вроде вещих снов.

Она села на постели, прислушиваясь к размеренному дыханию соседки. Судя по всему, та заснула, едва легла. Лана посмотрела на часы: половина четвертого. Самое время для сна, но лежа в постели она ответы на свои вопросы точно не найдет.

Лана осторожно окружила соседку звуковым пологом, чтобы та не проснулась от ее возни, после чего быстро оделась и выскользнула из комнаты.

Ей срочно требовалось больше информации, а в такое время получить ее можно только в одном месте: Иллюзорной Библиотеке. В Лексе такая появилась всего два года назад, когда Лана заканчивала первый год обучения, но она знала, что в столице подобные штуки начали распространяться года на три раньше. В СКА она наверняка должна быть.

По сути это обычный зал иллюзий, но со специальным артефактом. Без артефакта библиотека тоже может работать, но исключительно локально. То есть зал может превратиться в библиотеку учебного заведения, но это будет не та Библиотека, которую создавали специально обученные маги. Та постоянно пополнялась свежими сведениями, в том числе периодикой. И можно было оказаться в ней вместе, даже если физически находишься в разных залах иллюзий. Поговаривали даже, что скоро такие артефакты будут в каждом приличном доме, где есть своя комната иллюзий, и тогда читать бумажные газеты и книги станет уже не обязательно.

Коридоры ночной академии были погружены в темноту, поэтому пришлось создать слабый световой шар, чтобы не брести на ощупь. К счастью, идти было не очень далеко: залы иллюзий располагались этажом ниже общежития. Другой хорошей новостью оказалось то, что они не запирались. Видимо, никто не возражал против того, чтобы студенты устраивали изыскания ночью.

Лана вошла в нужный зал и осторожно закрыла за собой дверь. Сейчас он выглядел просто как пустая – и довольно маленькая – комната с белыми стенами, полом и потолком, но стоило коснуться артефакта и правильно направить магический поток, как стены раздвинулись, потолок улетел вверх, сквозь белую пелену проступили очертания высоких книжных шкафов, выстроившихся длинными рядами.

В зале слышались чьи-то шаги, Лана даже встретила в проходе с какой-то женщиной, пока следовала за магией поискового заклинания к отделу с периодикой. Не только ей этой ночью не спалось.

Первым делом она нашла газеты, в которых упоминалось исчезновение студентки. Эта новость не получила широкого распространения, видимо, потому что криминальность исчезновения Анны так и не подтвердилась. Всего три газеты напечатали статьи. Причем две просто содержали обращение родителей к Анне: те просили выйти с ними на связь и сообщить о себе.

И только оппозиционный «Ястреб» написал о случившемся, как о проблеме. Автором статьи, как ни странно, снова был Ралм Ле Крок. Рассказывая об исчезновении Анны, он укорял Легион в равнодушии и бездействии, и Лана снова не могла с ним не согласиться. Но самое главное: в его

статье имелся портрет Анны. И это совершенно точно была девушка из ее сна.

Вопрос, откуда могла взяться в ее сне та, кого она никогда до сего момента не видела, Лана сразу отодвинула в сторону. Если девушка настоящая, то стоит поискать мертвый город и спираль.

И они нашлись, хоть и не сразу. Местечко почти в ста километрах от столицы: брошенный провинциальный городок – Эспикур – и монумент в виде огромной спирали, возведенный рядом с ним. Мемориал в память о жертвах монархистов.

Лана записала название места, собираясь навестить его завтра же, а потом вернулась к статьям об Анне и всмотрелась в ее портрет.

– Что же ты пытаешься мне сказать? И почему мне? И ты ли это делаешь?

Улыбающаяся на изображении девушка, конечно, не ответила. Лана сложила газеты, думая о том, что в Иллюзорной Библиотеке они все-таки ощущаются не так, как в реальности. И шуршат не так.

Пока она листала страницы, прислушиваясь к звукам и ощущениям, ее взгляд зацепился за статью в разделе светской хроники. Сначала она увидела знакомую женщину: Мег Даймонд, еще недавно частую гостью в их доме. А потом узнала и мужчину рядом с ней. Крошечная заметка сообщала о том, что блистательная госпожа Даймонд обручилась с Рейном Браттом. В заметке сдержанно сообщалось лишь о том, что он преподает в СКА, а это означало, что для госпожи Даймонд это жуткий мезальянс.

– Вот зараза, – огорченно процедила Лана, но сама точно не знала, кого имеет в виду и почему.

Глава 8

Лана твердо намеревалась не спать до самого утра, чтобы не погрузиться в кошмар снова. Первым делом после занятий она планировала отправиться в Эспикур, но все пошло не так.

Когда солнце уже встало, а до подъема оставалось чуть меньше часа, Лана все-таки уснула. Да так крепко, что сборы соседки прошли мимо нее, как и ее собственный будильник. Спала она без сновидений, а когда проснулась, солнце уже стояло высоко и второе занятие было в самом разгаре.

– Проклятье, – процедила Лана, торопливо вскочив и бестолково заметавшись по комнате, не зная, что делать, чтобы собраться побыстрее и успеть хотя бы на последнюю, третью лекцию, но потом вдруг остановилась посреди комнаты и махнула рукой.

Да пропади она пропадом, лекция эта! Если две прошли мимо нее, она все равно огребет за прогул. Так какая разница? Не лучше ли сразу отправиться в Эспикур и попытаться понять, что за сны странные ей снятся?

Где-то на окраине сознания маячила мысль, что следовало бы кому-нибудь сказать о том, куда она едет и зачем. А еще лучше: взять кого-нибудь с собой. А то не ровен час, можно ведь и самой сгинуть, как Анна...

Но Лана отогнала от себя эту здравую мысль. Кого она возьмет с собой? Марту? Очень она ей поможет в случае опасности! Куратора? Да еще разобраться бы надо, не будет ли с ним опаснее.

Он был там в вечер, когда Анна пропала. В «Сиянии». В статье Ле Крока говорилось, что именно там Анну Вест видели в последний раз, но никто не знает, куда она оттуда отправилась и с кем. А ну как она уехала с Браттом? Не подозрительно ли, что он так быстро взял Лану на курс, не оставляя потеряшке шанса на благополучное возвращение? Быть может, он точно знает, что она не вернется?

Буйная фантазия Ланы уже рисовала в голове сюжет, в котором куратора со студенткой связывала любовная интрижка. А потом Анна захотела большего, но Братту это оказалось некстати: ведь он собирался очень удачно жениться на мешке с деньгами. Довольно красивом мешке с деньгами. И вот чтобы Анна этому не помешала, он увез ее подальше... в покинутый город и...

Вот тут фантазия давала сбой. И что? Убил? Но та легионерша сказала, что Анна Вест жива. Легионеры умели считывать такие штуки. Запер в каком-нибудь подвале, отобрав фокусирующий артефакт, чтобы Анна не смогла выбраться с помощью магии? Опять же, ритуалы легионеров показали бы, что она в опасности. Наложил на нее какое-нибудь сложное заклятие потери памяти и бросил подальше от столицы, чтобы она никогда сюда не вернулась и не вспомнила, кто она на самом деле? Это ментальное вмешательство, а оно противозаконно. Легионеры отследили бы заклятие и давно нашли бы Анну, а потом и Братта.

А если это было не заклятие, а снадобье? Его отследить сложнее. Если оно еще и сварено с использованием темной магии... Не потому ли она видит во сне Аранта? Может быть, Братт встретился с ним в клубе, купил зелье, потом увез Анну якобы на романтический пикник подальше, опоил и бросил...

Такой вариант был вполне реален, и к тому моменту, когда Лана собралась, нацепив на себя все те же синие штаны, в которых, как ни странно, оказалось очень удобно, она почти убедила себя в нем. Отчего ей так хочется сделать виноватым именно Братта, она не знала, но в тайне от самой себя злилась на него. За то, что он оказался помолвлен.

Едва она переступила порог комнаты, как перед ее лицом взмахнула крыльями почтовая фея. Несмотря на распространение зеркального лабиринта как средства связи, их услугами продолжали пользоваться. Фея бросила ей записку, которая увеличилась на лету и шлепнулась Лане прямо в подставленную ладонь.

«Уже начинаете прогуливать, госпожа Лерой? Может быть, не стоит ходить на вечеринки посреди недели, если вы не в состоянии себя контролировать и не знаете меры? Считайте это первым предупреждением. Очень надеюсь увидеть отметку о вашем посещении хотя бы третьей лекции за сегодня. Куратор Братт».

Лана поморщилась, потому что разогретая мысленным расследованием фантазия живо представила Рейна Братта, недовольно орущего ей на ухо весь этот текст в духе ректора Сайдера. На несколько секунд она даже задумалась, не стоит ли подчиниться. Но любопытство и злость одержали быструю бескровную победу над благоразумием. Лана сначала смяла записку, а потом и вовсе испепелила на лету, подбросив скомканный шарик вверх.

– Засуньте себе это предупреждение знаете куда, куратор? – процедила она и решительно

направилась на первый этаж, к выходу.

Не успела. Куратор перехватил ее уже у подножия лестницы, на первом этаже, она едва успела спуститься.

– Насколько я знаю, лекция у тебя сейчас на третьем, – заметил он холодно, сверля ее взглядом. – Лана, я ведь не шучу. Я понимаю, ты привыкла к тому, что тебе все сходит с рук. И что последнее предупреждение тебе делают много-много раз. Но ситуация изменилась. Тебе придется привыкать к дисциплине и ответственности...

– Ответственности? – тут же взъелась Лана. – Давайте поговорим с вами об ответственности. Вы видели Анну Вест в тот вечер, когда она пропала? Вы ведь были тогда в «Сиянии», как и она, верно? Уверены, что не знаете, куда она потом поехала?

Братт заметно растерялся.

– Что? О чем ты говоришь? При чем здесь Анна Вест?

– Отвечать вопросом на вопрос некрасиво!

– Да, я был в тот вечер в «Сиянии», – кивнул Братт, все еще недоумевая. – И видел Анну, мельком, но я за ней не следил. И понятия не имею, куда она пошла после клуба.

– Неужели? А с какой целью вы там были?

– А вот это тебя не касается. Я вообще не понимаю, почему мы об этом говорим.

– Потому что она пропала, а ее никто не ищет. И это неправильно. Мне кажется, надо попытаться ее найти.

Она внимательно смотрела в его глаза, ожидая увидеть... проблеск чего-нибудь. Испуга. Злости. Но ничего такого не заметила. Они по-прежнему выражали недоумение и удивление. Лишь через пару мгновений появилась догадка.

– У тебя что, есть какие-то идеи, куда она могла деться? Ты нашла что-нибудь в комнате?

– С чего вы взяли? – настала очередь Ланы недоумевать. – Да и как я могла что-нибудь найти?

– Ну, просто... Тебя вселили на ее место. Я подумал, может быть, ты нашла какую-то зацепку... в шкафу, в столе... Где-нибудь.

Лана решила, что в принципе так могло бы быть и это может стать вполне пристойным объяснением ее действий. Она постаралась набросить на себя загадочный вид.

– Может быть. Что вы знаете об Эспикуре?

И снова в глазах ничего, кроме удивления. Либо Эспикур никак не связан с исчезновением Анны. Либо с ним никак не связан Рейн Братт. И, пожалуй, теперь Лана склонялась ко второму варианту.

– Только то, что это очень печальное место. Анна вряд ли туда поехала бы. Это далеко, а порталов там поблизости нет. Теперь. И вообще люди стараются держаться подальше оттуда.

– Да, на место для романтического пикника не тянет, – задумчиво кивнула Лана. – Но туда ведь можно добраться? На магоцикле, например?

– Несомненно, – кивнул Братт и нахмурился. – Лана, к чему это все? Ты собралась в Эспикур?

– Да, мне очень срочно нужно туда попасть.

– Зачем?

– Потому что мне кажется, что этот город может быть связан с исчезновением Анны. И, возможно, поможет ее найти.

Теперь уже Братт внимательно взгляделся в ее глаза.

– Во-первых, почему тебе вдруг приспичило ее искать? Во-вторых, с чего ты взяла, что Эспикур – это ключ?

– Я...

Лана запнулась и с отчаянием выдохнула. Вот как это объяснить? Что такого она могла найти в комнате, что навело ее на эту мысль? Да и какая разница, она ведь все равно не сможет этого

предъявить. Сказать правду: мне приснилось? Бред какой-то, она сама ни за что не поверила бы в такое объяснение.

– Давайте так: вы меня сейчас отпустите, я туза съезжу, и, если ничего не найду, вы просто вклеите мне второе нарушение и выберете наказание на свой вкус.

– А если найдешь? – усмехнулся он.

– Тогда обойдемся без наказания? – Лана обезоруживающе улыбнулась.

– Нет, так не пойдет. Если мы там что-нибудь найдем, ты объяснишь мне, откуда все это взяла. Идет?

– Мы? – только и смогла удивиться Лана.

– Отвечать вопросом на вопрос некрасиво, – передразнил ее Братт. – Конечно, мы. Я не отпущу тебя туда одну.

– Ладно, идет, – кивнула Лана, мысленно скрестив пальцы. – Какой там ближайший портал, вы знаете? Думаю, логичнее будет искать магоцикл там.

Братт поманил ее за собой не к центральному выходу, а к заднему. Тот вел на другую улицу, и здесь вдоль стены здания было припарковано сразу с десятков магоциклов.

– Лучше доберемся на моем. Так будет быстрее и надежнее. Не факт, что мы найдем магоцикл в тех местах.

Лана остановилась на месте как пораженная парализующим проклятием, когда увидела, как Братт садится на магоцикл и выкатывает его к ней. И вновь ощущение того, что все это с ней уже происходило, накрыло Лану удушающей волной.

– Так мы едем? – поинтересовался Братт, обернувшись к ней и улыбнувшись.

Все подозрения в Лане моментально ожили. Но отступить было некуда.

У магоциклов имелись два больших недостатка.

Прежде всего, путешествие на магоцикле исключало возможность использования порталов. Велосипед, как и чемодан, пронести в него еще можно, а вот большой тяжелый магоцикл – нет. Конечно, маги определенного уровня, особенно темные, имели возможность временно уменьшить экзотический транспорт до размеров игрушки, но для среднестатистического мага это было слишком сложной задачей, требующей сильного расхода магического потока. Наверняка со временем, когда потребность станет массовой, артефакторы придумают что-то, и изменение физических размеров станет стандартной функцией магоциклов. По крайней мере, дорогих моделей. Но пока этот славный день не настал.

Поскольку особыми магическими возможностями куратор Братт, по всей видимости, похвастаться не мог, им пришлось обойтись без порталов.

И тут во весь рост вставала проблема номер два. Дороги. В мире, где не принято перемещаться на большие расстояния каким-либо транспортом, дороги имелись далеко не везде, а те, что были, находились в весьма плачевном состоянии. Они остались со времен, когда еще не существовало единой республиканской (а теперь – королевской) сети порталов. Как и единого государства. В те давние времена транспортом пользовались чаще, пусть он и был совсем другим: медленным и неудобным.

Впрочем, Лана считала, что магоциклы столь же неудобны, а потому мода на них скоро пройдет. Даже в теплый летний день ехать на таком дольше часа оказалось весьма сомнительным удовольствием. Поездка по городу была еще терпимой, но стоило покинуть его пределы и выехать сначала на проселочную дорогу, а потом и вовсе в какое-то поле, стало совсем невесело. Ветер трепал и путал волосы, свистел в ушах и кидал в глаза пыль и песок, поднятые с земли. Через несколько минут Братт все же догадался выставить перед ними щит, но тот не спасал от тряски, из-за которой Лана проклинала все на свете, крепче обнимая куратора и сжимая его торс коленями.

Примерно через час она была готова крикнуть ему на ухо: «К демонам этот Эспикур, поехали назад!» Останавливало только то, что до места назначения им теперь оставалось меньше, чем до Аларии.

Когда магоцикл сбросил скорость, а потом и вовсе остановился, Лана облегченно выдохнула. Выставив подножку, Братт обернулся и лаконично велел:

– Приехали, слезай.

Сказать это было проще, чем сделать. У Ланы не получилось выбраться со своего места достаточно грациозно. Все тело ныло после долгого пребывания в одной, не самой удобной позе, а попа помнила буквально каждую кочку и ныла вдвое сильнее, чем все остальное. Пытаясь выпрямиться и размять затекшие конечности, Лана услышала за спиной тихий смешок и недобро зыркнула на куратора.

Тот, к слову, слез с магоцикла куда более достойно. Видимо, сказывалась практика.

Лана обиженно отвернулась, предпочтя уделить все свое внимание Эспикуру. Они остановились у въезда в городок, там, где в высокой стене зияла дыра. Когда-то, вероятно, на ее месте находились ворота. Это само по себе было непривычно для Ланы: она знала, конечно, что раньше любое поселение обносили стеной, но никогда не видела этого воочию.

Она нерешительно замялась на месте, боясь нырнуть в широкий проход. Возможно, если бы Братт легонечко не подтолкнул ее в спину, Лана вовсе развернулась бы и убежала прочь. Память услужливо подсунила ей ночной кошмар, и, несмотря на то, что сейчас все вокруг было залито солнечным светом, место не становилось менее пугающим.

Но куратор легонько коснулся ее лопаток, а потом и сам пошел вперед, и Лане стало неловко топтаться на месте. Ведь это она их сюда привела.

Эспикур оказался довольно маленьким. Едва ли больше трех-четырех десятков домов, в каждом из которых когда-то жила только одна семья. Он был похож на то, что она видела во сне, только двухэтажные дома стояли на большем расстоянии друг от друга. Никаких дополнительных заборов, все пространство было единым. И совсем не походило на лабиринт.

А вот повреждения на домах были точно такими, как во сне: выбитые куски, следы огня, обрушившиеся стены.

– Что здесь произошло? – тихо, словно опасаясь потревожить печальный покой этого места, поинтересовалась Лана.

Ночью она не стала углубляться в газетные заметки, удовлетворилась изображениями, по которым узнала поселение и монумент, да местом их расположения.

– Одна из самых страшных битв за Республику, – печально вздохнул Братт, медленно шагая между мертвыми домами бок о бок с Ланой. – Эспикур всегда был закрытой общиной со своими порядками. Люди жили здесь веками, совместно обрабатывая землю и торгуя с соседями, но не сильно контактируя с внешним миром. Бывало, кто-то уходил из общины, но тогда уже никогда в нее не возвращался. А кто-то приходил, и больше никогда ее не покидал. В итоге вся община стала одной большой семьей, потому что так или иначе все приходились друг другу родственниками.

– И как они решали проблему кровосмешения? – поинтересовалась Лана, повернувшись к куратору.

Тот пожал плечами.

– Как-то решали, наверное. Возможно, плохо, потому что в определенный момент ума не вязываться в бессмысленную драку им не хватило. Это произошло в первые годы правления последнего канцлера Второй Республики – Дангеста Кролла. Община Эспикура превратилась в одно большое гнездо монархистов, ратававших за восстановление монархии.

– Это те ребята, что хотели привести к власти потомка Гордона Геллерта? – уточнила Лана.

– Да, они самые. Они терроризировали Республику столько, сколько она существовала. А Легион боролся с ними в меру своих возможностей. Вот в один прекрасный день они вычислили, что большое количество нападений и терактов вызревает здесь, и пришли в общину. Местные оказали сопротивление. Заварушка была та еще.

Он махнул рукой на дом, который они как раз проходили мимо. Тот пострадал достаточно сильно: ни одного целого стекла, сгоревшее крыльцо, выбитые двери, пробитая стена и обрушившаяся крыша.

– Восемьдесят процентов жителей поселения было убито в бою, в живых остались только несколько женщин и совсем маленьких детей. Остальные сопротивлялись до конца, как это часто бывает с фанатиками. Легион, конечно, тоже потерял немало людей. Жить тут стало некому, поэтому место забросили, а постепенно и соседние поселения предпочли убраться подальше. Тут, конечно, не было такого выброса темной энергии, как в Пустоши, но все равно... Рядом с подобными местами у нас жить не принято, сама знаешь.

Лана кивнула, хотя никогда толком не понимала истоков этого суеверия. Просто почему-то считалось, что там, где люди умерли насильственной смертью, лучше не жить.

- Всех погибших местных похоронили в одной общей могиле, а над ней возвели монумент, - продолжил Братт свой рассказ, но Лана тут же перебила:

- Устремленную в небо спираль?

Куратор с подозрением покосился на нее, но согласился:

- Верно. Спираль символизирует цикличность истории. На монументе выбиты слова за авторством канцлера: «Всему свое время». Некоторые считают это косвенным указанием на то, что Кролл уже тогда не собирался ограничиться ролью временного канцлера, а планировал оставить власть себе. Возможно, однажды основать новую монархию и передать ее по наследству. Правда, его единственный сын Марек сам вступил в ряды монархистов и стал участником заговора против отца...

- И что с ним потом стало? - поинтересовалась Лана, поглядывая по сторонам.

Они почти прошли поселение насквозь, но пока она не видела здесь никаких зацепок. Не то чтобы она знала, как они должны выглядеть и где их искать. Хуже всего было то, что ей совершенно не хотелось ничего искать. Хотелось поскорее уйти отсюда, пока из-за стены очередного дома не выползло неведомое нечто, что уже пару раз пыталось убить ее во сне. Теперь уже с ним не получится справиться обычным пробуждением.

- Кролл выслал его за Занавесь, лишив всякой поддержки и запретив когда-либо возвращаться.

- Это еще ничего, - хмыкнула Лана рассеянно. - Самого Кролла Сорроу казнил после того, как тот признался во всех преступлениях.

- Очевидно, король не хотел оставлять в живых возможного оппонента, чтобы не получилось как с монархистами в свое время.

- Не очень-то ему это помогло, - заметила Лана, выразительно посмотрев на куратора.

- Да, - с улыбкой согласился тот, - радикальные сторонники республики все равно есть, но, по крайней мере, они не так многочисленны и фанатичны, как монархисты.

- Слушайте, профессор Братт, откуда вы все это знаете? Интересуетесь новейшей историей?

- Во-первых, для меня это не столько история, сколько часть жизни, поскольку большинство описываемых событий произошло уже на моем веку. Во-вторых, я просто не прогуливал лекции по истории, когда был студентом.

Лана закатила глаза и фыркнула:

- Ваш сарказм неуместен, куратор. Я прогуливаю не историю, а что-то там про взаимодействие прессы с органами власти...

- Правильно, потому что историю ты активно прогуливала в Лексе.

На это Лане нечего было возразить: лекции по истории никогда не попадали в сферу ее интересов, а потому она не считала себя обязанной их посещать.

К счастью, они уже дошли до противоположной стены поселения. Здесь ворот не предполагалось, но брешь все же была кем-то пробита. Через нее на холме виднелся монумент, и можно было переключить внимание на него.

- Пойдемте, посмотрим поближе? - предложила Лана.

- Как скажешь, - не стал спорить Братт и лукаво улыбнулся. - Все равно ты в шаге от наказания за второе нарушение. Я уже прикидываю варианты.

Лана поморщилась, вспомнив их уговор, но решила, что переживать об этом будет потом. Хотя бы после возвращения в Аларию. А сейчас она устремилась к монументу, время от времени против воли оборачиваясь на поселение, словно продолжала ждать нападения, как во сне.

Однако, чем выше она взбиралась на холм, тем меньше ее интересовал Эспикур и тем больше она ускоряла шаг. Пока почти не перешла на бег, не отрывая взгляда от основания монумента. Точнее от того, что на нем лежало. Братт безнадежно отстал.

- Лана, стой! - окликнул он. - Дождись меня!

Но она уже вскарабкалась наверх и оказалась у монумента, задыхаясь не то от быстрого подъема, не то от ужаса.

Анна действительно была здесь. Лежала на темном, отполированном до блеска камне прямо между строчками надписи: «Всему свое время. Дангест Кролл».

Не нужно было иметь специального образования, чтобы понять: она мертва. Но не это поразило Лану больше всего, а то, что раскрытые и устремленные в небо глаза девушки были затянуты темной пеленой, скрывающей и белок, и радужку. Из-за этого сначала глазницы и вовсе показались ей пустыми.

Лана отшатнулась назад, зажимая рот рукой и чувствуя, как перехватывает горло, сдавливает спазмом.

– Не смотри, – тихо велел над ухом голос Братта.

Его руки развернули ее к нему и обняли, крепко сжимая и заставляя уткнуться лицом в плечо. Так действительно стало невидно. И спазм немного отпустил.

Глава 9

Старший легионер столицы Дилан Мор не любил весенне-летний период. И даже не из-за жары, делавшей ношение формы малоприятным занятием, а из-за того, что все самые странные события его жизни, часто весьма скверные, выпадали именно на него. Это лето не стало исключением.

В сражении при Эспикуре, случившемся двадцать три года назад, он не участвовал: был слишком молод, его служба в рядах боевого отряда Легиона началась только через два года. Но, конечно, хорошо о нем знал, в Академии на последнем курсе даже участвовал в симуляции, основанной на той битве. Хотя о том дне и без того много говорили и писали. Поэтому, проходя через ручной портал, созданный одним из подчиненных, испытывал легкий трепет. И не ждал на той стороне ничего хорошего.

Ничего хорошего там и не происходило. Работала следственная группа Хильды Сатин, что само по себе было довольно скверно, а на основании монумента, посвященном Республике, лежала мертвая девушка, совсем молоденькая, и это было уже по-настоящему отвратно.

Заметив высокий хвост светлых волос, Дилан без особой надобности одернул китель, без того сидевший как всегда идеально, и уверенным шагом направился к своему лучшему следователю.

Хильда неподвижно стояла у самого основания монумента, сцепив руки за неестественно прямой спиной, и смотрела на мертвое тело. Для неискушенного наблюдателя она казалась воплощением спокойствия и равнодушия, но Дилан знал лучше. Он смел надеяться, что знает эту «белобрысую бестию», как он называл ее в Академии, лучше, чем кто-либо другой. По крайней мере, так было еще четыре года назад. Чем прямее ее спина и менее подвижна она сама, тем сильнее ее волнение или огорчение.

– Хильда, – тихонько окликнул он, подходя и становясь рядом.

И лишь приветственно кивнул, когда она повернула к нему голову.

– Дилан, – таким же сдержанным кивком поприветствовала она.

– Рассказывай.

Она едва слышно вздохнула и принялась монотонно перечислять факты:

– Анна Вест, двадцать лет. Студентка Столичной Королевской Академии. Пропала две недели назад. Десять дней назад куратором было подано заявление о ее исчезновении, когда она не появилась на занятиях в начале триместра.

– А два дня назад дело было закрыто, – подсказал Дилан, поскольку помнил, как Хильда отчитывалась об этом. – Поскольку ритуалы показали, что она жива и в безопасности, а значит, могла уехать добровольно, бросив учебу.

– Да.

– Хильда, – он снова повернул к ней голову, – судя по состоянию тела, она мертва дольше двух дней.

– Я вижу!

Она тоже снова повернулась к нему, гневно сверкнув глазами. От резкого движения хвост дернулся из стороны в сторону. Ее голос наконец окрасили эмоции.

– Артур считает, что она была мертва все две недели, хотя и не может определить причину смерти, но это полный бред! Дилан, я клянусь тебе: вся проверка была проведена в соответствии с процедурами. Я лично перепроверяла результаты ритуалов. Дважды.

– Мне не нужны клятвы, Хильда, – мягко заметил Дилан, опускаясь на корточки и вытягивая над телом руку. Сейчас читать ауру уже бесполезно, но самостоятельно поискать следы темных проклятий он может. И заодно понять, почему тело не выглядит так, словно лежит тут уже две недели. – Мне нужны ответы.

Хильда шумно вздохнула и продолжила уже снова спокойным тоном:

– Я провела ритуал еще раз, пока группа обследовала место на предмет темного следа. Тот же результат. Наша магия все еще считает, что она жива и в безопасности.

Так ничего и не нащупав, даже банального заклятия стазиса, Дилан убрал руку и посмотрел на Хильду снизу вверх.

– Как такое возможно?

Она закусила губу, помедлила, а потом плавно опустилась вниз, их лица оказались на одном уровне, что случалось редко, учитывая разницу в росте. Теперь она могла говорить тише.

– У меня было время подумать. Есть только один вариант, при котором такое возможно. Наш ритуал привязан к магическому потоку. Мы проверяем, присутствует ли он все еще на земле или вернулся в Общий. Такой результат возможен только в одном случае: Анна умерла, но ее поток в Общий не вернулся.

– Мы сейчас говорим о развоплощении? – уточнил Дилан.

– Сложно сказать. Я не уверена, проверялось ли такое когда-нибудь на развоплощенных. То есть... Это явление само по себе большая редкость, я не знаю, применялись ли ритуалы Легиона хоть к одному развоплощенному и что они показали.

– Надо проверить.

– Как? Да, есть список людей, признанных развоплощенными, а официальным ревоплощением признана только одна хорошо знакомая нам обоим королева. Но, Дилан, мы с тобой знаем, что на самом деле ревоплощение не воскрешает погибшую личность. Так что все эти потоки могли уже давно ревоплотиться, вернуться в Общий, а этого никто и не заметил.

– Все равно надо отработать эту версию. Если хоть один случай даст такой результат, будем считать, что это возможно.

– А если не даст?

Дилан поморщился.

– Все равно будем считать, что такое возможно, но вероятность понизим. Но надо думать дальше. Если не развоплощение, то что? Я не чувствую темного следа.

– Если все случилось две недели назад, он мог и развеяться, – возразила Хильда.

– Так, чтобы совсем следа не осталось, ни на одном из уровней? – усомнился Дилан. – Маловероятно.

– Но не невозможно.

Он задумчиво кивнул и заметил:

– Она не выглядит погибшей две недели назад. Почему?

– Сложно сказать. Может быть, что-то замедляет тление. Вероятно, это как-то связано с причиной смерти, которую мы пока не можем определить. Но поток покинул тело две недели назад.

– Он не мог быть просто исчерпан во время битвы?

– Дилан, она училась на редактора, а не на боевика. Исчерпать поток живому очень сложно.

Он вновь кивнул, соглашаясь, и еще раз посмотрел на девушку и монумент, прочертил взглядом по строчкам надписи и задался следующим вопросом:

– Почему именно здесь? Очень примечательное место, знаковое, я бы сказал.

– Послание? – предположила Хильда. И тут же сама себя опровергла: – Нет, странный выбор для послания. Две недели прошло, а мог пройти и год, прежде чем тело обнаружили бы.

– Если отправитель терпелив, это еще не значит, что ничего не хочет нам сказать. Это мемориал в честь Республики. Цикличность истории, всему свое время. И студентка Королевской Академии мертва.

– Думаешь, это акция республиканцев? Предупреждение или просто устрашение?

– Возможно, и то, и другое.

Дилан вдруг усмехнулся и покачал головой.

– Забавная ирония судьбы, ты не находишь? Шесть лет в боевом отряде я сражался за Республику против монархистов. А возглавил Легион при монархе и теперь ловлю тех, кто борется за республиканскую модель.

Хильда скептически покосилась на него, давая понять, что не видит в этом ничего *забавного*. Дилан только махнул рукой.

– Кстати, о монархистах, – вдруг встрепенулась Хильда. – Да, этот монумент возведен в честь Республики, но похоронены здесь те, кто сражался за потомка Гордона Геллерта.

– Вряд ли это они. Те монархисты давно разбиты, их лидер и последняя надежда мертв.

– А если кто-то узнал правду о приемном сыне короля? – едва слышно предположила Хильда, выразительно глядя на него.

У Дилана неприятно заныло в груди как от дурного предчувствия. Когда десять лет назад Норд Сорроу усыновил единственного ребенка своего врага, все посвященные понимали, что однажды это может королю аукнуться. Сейчас мальчику было всего двенадцать лет, сам он едва ли способен плести интриги, но кто-то мог использовать его как инструмент в своей игре.

– Думаешь, стоит предупредить Таню и Яна о такой вероятности? – еще тише поинтересовалась Хильда.

– Нет, – уверенно заявил Дилан. – Пока рано. Все это вилами на воде писано. Не стоит тревожить короля, пока у нас не будет что-то повесомее предположений. У него и так забот хватает.

Он выпрямился и оглянулся, Хильда последовала его примеру.

– Я так понимаю, тело нашли эти двое? – он кивнул на парочку, топчущуюся в стороне от монумента под присмотром одного из легионеров. – Что они здесь делали?

– Внятного ответа на этот вопрос я так и не получила, – призналась Хильда. – Это Рейн Братт. Тот самый куратор СКА, который заявил об исчезновении Анны Вест. А это новая студентка академии, которую взяли на место пропавшей. Лана Лерой.

Дилан удивленно посмотрел на Хильду.

– Лерой? Дочь того самого Лероя?

– Прикинь.

– Что она говорит?

– Какую-то чушь несет про плохо сожженную записку, которую нашла в столе Анны. Мол, в записке смогла прочитать только одно слово – Эспикур, после чего та окончательно рассыпалась.

Дилан с сомнением нахмурился, и Хильда согласно кивнула. Звучало неубедительно.

– А пепел она, конечно, выбросила, да?

– Да, но, знаешь... Я отправила Дерека проверить ее комнату. Там действительно есть пепел от записки в мусорной корзине...

– Но это может быть какая угодно записка, – кивнул Дилан.

– Именно. Я думаю, девчонка что-то знает, но боится раскрыть свой истинный источник информации. Если бы Анна Вест не умерла за несколько дней до Королевского Суда, я бы подозревала ее в соучастии. А так... тут что-то другое.

– Согласен. Давить на нее у нас нет оснований, но надо как-то к ней присмотреться.

– Это я беру на себя. – Поймав его вопросительный взгляд, Хильда пояснила: – По странному стечению обстоятельств, она младшая сестра моей подруги, Марты Бренон.

– Не знаю такой, – слегка удивился Дилан.

Хильда смутилась.

– Мы сдружились уже после... – она неопределенно махнула рукой, не договорив.

Дилан снова молча кивнул, давая понять, что уточнений не требуется. После того, как они расстались четыре года назад. Желание еще раз спросить, почему это произошло, он задавал в зародыше. Четыре года назад он спрашивал много раз, но так и не получил конкретного ответа. И не смог найти его сам, невзирая на свое следовательское прошлое.

– Парень этот мне кажется знакомым, – сказал он, приглядываясь к Братту, просто чтобы сменить тему. – Вот только понятия не имею, откуда могу его знать.

- Хочешь поговорить с ними? - предложила Хильда.

- Нет, - после небольшой паузы решил Дилан, - занимайся расследованием сама, но держи меня в курсе.

Хильда едва слышно выдохнула. Дилан знал, как для нее важно его доверие. Его как главы Легиона. Но он с первого дня знакомства решил, что Хильда будет хорошим легионером. И с тех пор, несмотря ни на что, его мнение не поменялось.

Глава 10

Профессор Братт сам предложил Лане вернуться в Аларию через портал легионеров, а не ехать на магоцикле с ним. Она была благодарна ему за это: после нескольких часов, проведенных на холме с монументом, в нескольких шагах от мертвого тела пропавшей девушки, которое почему-то очень долго не убрали, она не чувствовала в себе сил для еще одной поездки на магоцикле.

Все обернулось совсем не так, как она рассчитывала. Только оказавшись снова в своей комнате, Лана в полной мере осознала, что очень надеялась найти потеряшку живой. Вернуть домой и, может быть, даже в академию. Чтобы их оставили на курсе обеих, потому что у одной оказалась бы какая-нибудь очень уважительная причина для пропусков, а Лану никто не посмел бы выгнать после всего.

Но все обернулось не так.

Лана без сил плюхнулась на кровать. Перед глазами все еще стояла страшная картина: темный камень монумента, а на нем – безжизненное тело с распахнутыми черными глазами. Наверное, этот образ будет преследовать ее теперь вечно.

Сколько Анна пролежала там? Сколько еще пролежала бы, если бы Лане не начали сниться эти кошмары? Легион ничего не делал, чтобы найти ее. Ни-чего. Уже ничего и не сможет: слишком много времени прошло, ищи теперь того, кто сделал это с Анной.

Внутри снова закипала злость, рвалась наружу горячими слезами, но Лана быстро вытерла их, шмыгнула носом и заставила себя успокоиться. Рыдать бессмысленно, это она усвоила еще в детстве. Есть другие способы дать злости выход.

Она пересела за стол, взяла стопку писчей бумаги и ручку. На несколько секунд замерла над девственно чистой сероватой поверхностью листа.

Братт тогда сказал: мол, хорошо, что ты писала о том, что знаешь. И Лана была с ним согласна: писать о том, что знаешь, легко и приятно. Именно этим она и займется. Теперь у нее есть тема для статьи, которую потребовал профессор... как там его? И материала достаточно.

Ручка легко заскользила по немного шершавой поверхности, выводя слова одно за другим. Первый вариант статьи был готов уже через час, но за те дни, что оставались до нового практического занятия, Лана переделывала ее несколько раз, меняя структуру, добавляя детали, шлифуя фразы и убирая лишнее. Она убрала все то, чего не могла знать, если только не рассказывать о своих снах. А что-то внутри твердило, что рассказывать о них не стоит.

Ко вторнику статья была готова, а вся академия знала о том, что Анну нашли мертвой. Как знала о том, благодаря кому ее нашли. Лана вновь чувствовала на себе взгляды и слышала перешептывания за спиной, но теперь не чувствовала в них негатива. Скорее, любопытство.

Статью она вручила преподавателю, как только вошла в аудиторию. Видела, как он зацепился взглядом за заголовок, но молча прошла к своему месту. А когда устроилась и снова посмотрела на кафедру, профессор все еще стоял в той же позе и читал. Закончил уже после того, как остальные студенты собрались и затихли, а занятие началось. Тяжело сглотнув, он оторвал взгляд от листа и нашел им Лану. В его глазах больше не было ни рассеянности, ни пренебрежения.

– Прекрасная работа, – тихо сказал он. – Немного нарушена структура и стилистика именно для информационной статьи, но... Работа прекрасная. Это однозначный зачет. И учитывая, что тема непосредственно касается жизни академии, я включу статью в следующий выпуск нашей газеты. Поздравляю, госпожа Лерой.

Лана только кивнула, а Вера, все эти дни сидевшая рядом с ней на всех совместных занятиях, радостно сжала ее плечо в безмолвном поздравлении.

– А можно прочесть? – неожиданно попросила девушка, сидевшая на первом ряду прямо перед преподавателем.

Лишь присмотревшись, Лана поняла, что это ее соседка по комнате. Ее имени она до сих пор не знала, как ни странно.

Преподаватель кивнул и протянул ей листы бумаги, исписанные аккуратным почерком Ланы. А потом вдруг предложил:

– Прочитайте нам вслух. На примере этой работы разберем, какие именно принципы написания информационной статьи нарушены и почему в данном случае это неважно.

Лана неловко поежилась, когда соседка принялась зачитывать ее статью неожиданно хорошо

поставленным голосом. Нет, раньше ей доводилось и самой читать друзьям то, что она написала, но то друзьям. В аудитории студентов СКА она чувствовала себя далеко не так комфортно. Впрочем, она быстро прогнала смущение, села прямее, но старалась ни на кого не смотреть.

В аудитории висела гробовая тишина, звучал только голос читающей статью студентки. Остальные, казалось, даже не дышали. Лишь один раз по рядам прокатился незначительный ропот: в той части, где Лана писала о равнодушии и формальном отношении к заявлениям о пропавших со стороны Легиона.

Даже когда чтение было закончено, в аудитории продолжала царить мертвая тишина. Лана не выдержала и осторожно оглянулась по сторонам, но оказалось, что на нее никто не смотрит. Студенты смотрели или на собственные руки, или на столы перед собой. Все они выглядели подавленными, ведь Анна была их сокурсницей, бок о бок с которой они провели три года и один семестр. Печальные подробности ее гибели они восприняли нелегко.

Через несколько секунд преподаватель кашлянул, прочищая горло, и принялся за разбор. Спустя еще несколько мгновений зашуршали тетради, и студенты, включая Лану, принялись пометать себе то, о чем он говорил.

После занятия что-то неуловимо изменилось. Нет, никто не набросился на Лану с приветствиями, поздравлениями или расспросами, но она почувствовала, что сокурсники приняли ее. И не смогла не заметить, что старосту Эри это разозлило.

Во время обеденного перерыва к ним с Верой, которая теперь составляла ей компанию и в столовой, за столик со своим подносом подседа безымянная соседка по комнате. Спокойно так подседа, словно всегда это делала, напрочь проигнорировав удивление обеих девушек.

– Хорошая статья, – без предисловий заявила она, опуская ложку в тарелку с супом. – Спасибо тебе и за нее, и за то, что нашла Анну. Не думала, что тебе окажется не все равно.

– Ну, я сплю в ее постели, – пожала плечами Лана. – И мне показалось странным, что к ее исчезновению так наплевательски отнеслись.

– Легион, – процедила соседка, поморщившись. – Мой отец всегда говорит, что они беспомощны. Нет, в последние годы стало заметно лучше, но... Все равно. Кстати, меня Вивьен зовут.

– А я знаю, – зачем-то соврала Лана.

Наверное, потому что устыдилась взгляда Веры, который красноречиво вопрошал: «Неужели вы еще не познакомились?»

Вивьен только хмыкнула, возможно, не поверила, но заострять внимание не стала. Вместо этого поинтересовалась:

– Ты-то сама как вышла на все это? То есть... Как узнала, где ее искать?

Лана торопливо поднесла ко рту стакан с соком, давая себе время подумать над ответом. Соседка едва ли поверит в сказку про случайную найденную сгоревшую записку. Поэтому ставя стакан на стол, она лишь загадочно обронила:

– Журналисты имеют право не выдавать свои источники. Скажем так, мне удалось узнать, что в вечер своего исчезновения Анна вышла из клуба «Сияние», села на магоцикл к какому-то парню и они отправились в Эспикур.

– Как тебе удалось это узнать? – с нажимом поинтересовалась Вивьен.

Вера только выразительно закивала, давая понять, что ее тоже очень интересует этот вопрос.

– Нашла того, кто это видел и слышал их разговор, – соврала Лана, чрезмерно внимательно разглядывая содержимое тарелки.

С внезапно обретенными подругами ей о своих снах тоже откровенничать не хотелось. Мало ли что? Еще Вере она могла бы рискнуть рассказать: эта тихоня едва ли кому-то растреплет, но с Вивьен они впервые нормально разговаривают. Нет, Лане хотелось сначала разобраться во всем самой.

– Ясно, – лаконично отозвалась Вивьен. – Что ж, хорошо, что тебе это удалось.

Она бросила взгляд куда-то поверх плеча Ланы и неожиданно загадочно улыбнулась. Наклонившись к ней, тихо заметила:

– Кстати, тебе, кажется, удалось зацепить нашего куратора.

Лана удивленно приподняла брови и не удержалась – оглянулась. Успела поймать задумчивый взгляд Братта, прежде чем он заметил ее движение и торопливо отвернулся.

– Он расспрашивал меня о тебе несколько дней назад.

– Что именно спрашивал? – тут же напряглась Лана.

– Да так, ничего особенного, – отмахнулась Вивьен, снова откидываясь на спинку стула. Как мне с тобой живется, как мы ладим и все такое. Но, по-моему, знать он хотел совсем не это.

По ее улыбке можно было понять, что ее воображение уже рисует ей какую-то романтическую историю, но Лана опасалась другого. Она видела, что ни Братт, ни легионеры в ее историю с запиской не поверили, но подловить ни на чем не смогли. И подозревала, что рано или поздно вопросы снова будут заданы. Следовало найти к тому моменту на них ответы.

Поэтому после обеда, сославшись на необходимость догонять по всем предметам, Лана вернулась в Иллюзорную Библиотеку. Ей казалось более безопасным искать материалы именно здесь, где за ней не будет наблюдать скужающий библиотекарь. Да и едва ли библиотека академии располагает нужными книгами.

Вновь оказавшись в бесконечном – на этот раз более людном – пространстве, она направила поисковое заклинание на материалы по предвиденью и вещим снам, поскольку это было первое, что пришло ей в голову. Подумав еще немного, добавила к поиску запрос на наведенные сновидения.

От количества найденных книг, статей в научных и научно-популярных журналах, а также различных диссертаций и монографий она едва не застонала.

– С чего же начать?

Однако прежде, чем Лана успела выбрать, иллюзорные книги на столе перед ней начали таять, а далекие стены библиотеки – сдвигаться. С каждой секундой сквозь них все отчетливее проступали белые стены зала иллюзий.

– Нет-нет, стой, куда? – возмутилась Лана, не сразу сообразив, что кто-то просто отключил активированный ею артефакт.

Но как только иллюзия развеялась, Лана торопливо обернулась и едва не охнула, обнаружив у закрытой двери зала куратора Братта. Тот сверлил ее мрачным взглядом. От доброжелательного красавчика, каким он пытался казаться, не осталось и следа. Даже черты лица словно заострились, становясь не такими привлекательными.

Лане захотелось срочно исчезнуть, но собственные порталы она открывать не умела, поэтому постаралась взять себя в руки и поинтересовалась:

– В чем дело, профессор?

Ответ Братта заставил ее сердце ухнуть в пятки:

– Ты не там ищешь.

Лана выжидающе смотрела на куратора, не желая неосторожным вопросом выдать себя, но он тоже не торопился продолжать.

– Вы о чем, профессор Братт? – наконец решилась уточнить она нарочито легкомысленным тоном.

– Это не предвиденье. И не наведенное сновидение.

Любопытство оказалось сильнее нее.

– А что это? Вы знаете?

– Знаю.

– Расскажите?

Он качнул головой.

– Все, что тебе нужно об этом знать, – это то, что не стоит этим заниматься.

Лана раздраженно всплеснула руками и резко выдохнула:

– Обалдеть! Помогли так помогли!

Сердито скрестив руки на груди, она продолжила едким тоном, который просто не смогла сдержать:

– Видите ли, в чем проблема, куратор? Я понятия не имею, что происходит. И если *это* делаю я, то я вообще не в курсе, что и как я делаю. А значит что? Я не знаю, как это прекратить. Если вы что-то знаете, то лучше расскажите мне. Или не мешайте узнать самой.

Он смерил ее оценивающим взглядом, словно мысленно прикидывал, как поступить лучше, и в итоге кивнул.

– Хорошо. Расскажу. Но не здесь. Идем.

Он поманил ее кивком головы, и после секундного колебания Лана последовала за ним.

Братт молча прошел к лестнице, не оборачиваясь и не заговаривая с Ланой, потом заставил подняться выше – на этаж, где находилось общежитие. Только это была другая часть здания, не та сторона, с которой находилась, например, комната Ланы. Еще полминуты спустя она поняла, что это общежитие для преподавателей, когда Братт открыл перед ней одну из дверей, безмолвно приглашая войти.

– Вы живете здесь? – удивилась Лана, проходя в просторную комнату.

Здесь все было устроено иначе, не так, как в студенческом общежитии. Комната, конечно, была рассчитана только на одного человека и выглядела гораздо больше. Хватало места для небольшой кухни в углу, зоны гостиной, рабочего стола и нескольких шкафов. А за высокой длинной ширмой в углу, скорее всего, притаилась кровать.

– На неделе – да, – отозвался Братт, направляясь к кухонным шкафчикам. – Чай будешь?

– Нет. Предпочту ваш увлекательный рассказ, – хмыкнула Лана, без приглашения подходя к маленькому кухонному столу максимум на два человека, как к ближайшей мебели, и кидая на стул сумку.

Братт не ответил. Молча занялся приготовлением чая, очевидно, для себя. Лане оставалось лишь безрезультатно гипнотизировать нетерпеливым взглядом обтянутые тонкой тканью рубашки широкие плечи. Что на какое-то время увлекло ее, заставив ненадолго забыть о том, ради чего она сюда пришла.

Наконец чай был заварен, чайник и чашка – одна, Братт оказался последователен, – переключались на стол, а сам куратор неторопливо опустился на стул. Жестом пригласил Лану сесть на другой. Выразительный взгляд, говоривший: «Не тяните вы резину», он проигнорировал, поэтому Лана, театрально закатив глаза, скинула сумку на пол и плюхнулась на стул. Чем сильнее она нервничала, тем более вызывающим становилось ее поведение.

– Что ты знаешь о ментальной магии, Лана? – поинтересовался Братт, глядя на нее поверх чашки.

– В основном то, что даже после введения послаблений для использования темной магии, ментальное воздействие осталось под тотальным запретом. И если бы я сделала что-то такое, за мной сразу явились бы легионеры. Не говоря уже о том, что для ментальной магии нужен темный поток, светлого, как правило, не хватает.

– Верно, – кивнул Братт. – Но ключевые слова здесь: как правило. Да, любое ментальное вмешательство требует больших затрат потока, но есть исключения. Их называют спонтанными или стихийными ментальными способностями. Это естественная способность мага, особый дар, если говорить красиво. Как то же предвиденье, каким обладала наша древняя королева и теперь владеет ее реинкарнация. Но у тебя другой дар. Он называется снохождением. Хождение по снам.

Лана непонимающе прищурилась.

– Что значит – хождение по снам? – переспросила она.

Он поставил чашку, которую даже не пригубил, на стол, сцепил руки в замок и уставился на них так, словно они содержали важные подсказки для их разговора.

– Наши сны формируют единую ткань очень зыбкой субреальности. Она существует даже не параллельно нашей, как мир за Занавесью, а как бы внутри. Каждую ночь, засыпая, мы погружаемся в эту субреальность и наполняем ее своими мыслями, страхами, воспоминаниями. Всем тем, что продолжает крутиться в нашем сознании и подсознании, даже когда мы спим и видим сны. Мы как бы вплетаем новые нити в эту ткань. В норме каждый из нас всегда остается в пределах своей части этого мира. Это как... как если бы у нас там был дом и огороженный двор, за пределы которого не выйти. Но некоторым подвластно нарушение этого запрета.

Братт снова поднял взгляд на нее. И вновь в нем плескалось нечто темное и опасное, что пугало Лану с самого начала.

– Дар предвиденья позволяет заглянуть в будущее через ткань этой субреальности, ведь по сути временной линии там не существует, все перемешано – прошлое, будущее, настоящее. Дар снохождения позволяет выйти за пределы своего двора и проникнуть в чужой.

Лана откинулась на спинку стула и скептически выгнула бровь.

– Хотите сказать, что я... проникла в сны Анны? И там увидела все то, что увидела?

– Да. Ты ведь так рвалась в Эспикур и к тому монументу, потому что видела их во сне? У меня возникло это подозрение, когда твоя соседка сказала, что тебе снятся кошмары. Твоя статья развеяла последние сомнения. Ты не просто размышляла на тему того, как прошел последний вечер Анны в том клубе. Ты видела все своими глазами. Или правильнее сказать – ее глазами. Ведь ты была в ее снах.

– Мертвым не снятся сны, профессор Братт, – отрезала Лана. – А когда мне начали сниться эти кошмары, Анна уже была мертва. Я слышала, как legionеры это обсуждали: она была мертва все эти две недели.

– Да, согласен, это странно, – кивнул Братт. – Очень необычно, раньше я не слышал о таком. Но это не невозможно. Ткань сновидений остается и после смерти человека. Без вплетения новых нитей она постепенно истлевает и разрушается, но это происходит не сразу. Специально, я думаю, такое сделать сложно, но раз ты говоришь, что ничего не делала для этого, то дар сработал сам по себе. А в таких случаях границы размываются и пробиваются очень легко.

– Бред какой-то, – покачала головой Лана. – Во-первых, с чего вдруг это случилось? Я никогда не делала ничего подобного. Во-вторых, почему именно сны Анны?

– Второе очень просто объяснить. Сноходец не может проникать в любой сон. Ему нужна... точка входа. В нашей реальности. Когда мы долго или более-менее часто спим на каком-то месте, мы формируем вокруг него такую точку входа. Ты спишь в кровати Анны. В том месте, где она спала последние три с лишним года. Если у тебя пробуждается дар, то было бы странно, если бы ты не проваливалась в ее сны. Пробуждение дара может быть связано как с твоим приближающимся совершеннолетием, так и с пережитым недавно стрессом из-за Королевского Суда. Твоя жизнь перевернулась с ног на голову, а это всегда стимулирует дремлющие способности. И потом... – он подался вперед, наклоняясь к ней и понижая голос. – Подумай, не случалось ли с тобой такое раньше: когда ты засыпала в чужой постели, на чужой подушке, а потом внезапно узнавала какие-то тайны человека, сама не понимая, откуда они тебе известны.

Лана на мгновение задохнулась, снова вспоминая, как забиралась по утрам в кровать матери. Могла ли она засыпать там ненадолго? Могла, наверное. Может быть, так она и увидела мать с любовником? Не наяву. Во сне. Только по малолетству не смогла отличить одно от другого.

По губам Братта скользнула удовлетворенная улыбка, когда сомнение исчезло с лица Ланы, а она сама тоже подалась вперед, приближая свое лицо к его.

– Откуда вы все это знаете? – тихо поинтересовалась она. – Вы должны быть очень хорошо знакомы с темой, чтобы вот так легко все понять.

– Одно время я тесно общался с человеком, который очень интересовался таким даром и искал людей, им владеющих.

– Зачем? – не поняла Лана.

Ей стало нелегко соображать, когда их лица оказались так близко, что можно было кожей ощущать дыхание другого. Братт не отодвинулся, когда она наклонилась к нему, даже не пошевелился.

– Потому что это огромная власть над другими, – пояснил он, глядя ей в глаза. – Ткань сновидений создается из наших воспоминаний, мыслей, страхов, мечтаний. Проникая в чужой сон, ты проникаешь в глубину человеческого подсознания и можешь вытащить оттуда любую информацию. Любой самый грязный секрет. А можешь, наоборот, что-то туда внедрить. Идею или страх. Снова и снова погружаясь в чужой сон, можно изводить человека кошмарами, сводить его с ума. Опытный сноходец в состоянии управлять чужой субреальностью по своему усмотрению. При этом стихийный сноходец неуловим. Он не использует темный поток, а потому не оставляет следов.

В голове Ланы словно что-то щелкнуло. Вот оно! Вот ее шанс поквитаться с королем! Проникнуть в его сны, вытащить из них все его тайны и грязные секреты. И если не уничтожить его ими, то хотя бы вынудить изменить свое решение по ее отцу и состоянию ее семьи.

- Научите меня, – попросила она охрипшим от накатившего волнения голосом.

- Нет.

Братт отодвинулся, снова откидываясь на спинку стула.

- Почему?

- Во-первых, это все равно противозаконно. Никто не посадит тебя в тюрьму из-за того, что ты случайно провалилась в сон бедной Анны, но если ты начнешь развивать дар и об этом узнают, будешь отвечать перед законом так же, как и темные, использующие для того же самого свою силу. И я заодно с тобой, как соучастник. А у меня, знаешь ли, на жизнь другие планы. Во-вторых, потому что это опасно. Ткань сновидений – материя хрупкая. Одно неосторожное движение – и она порвется, а ты провалишься в небытие, в котором она плетется.

- Небытие? – переспросила Лана.

- То, что было, когда ничего не было. То, в чем существует наш мир, и измерение демонов, и прочие миры. Его еще называют первозданным хаосом. Ткань сновидений тоже существует в нем, но она не так стабильна, как основная реальность.

Лана сжала пальцами виски. От всех объяснений голова у нее шла кругом и трещала, словно собиралась взорваться.

- Профессор Братт, но я *уже* проваливаюсь в эту... субреальность. И я не знаю, как это остановить. Оба раза, что я там была, я чуть не умерла. Вы должны научить меня контролировать процесс, чтобы я могла хотя бы не проваливаться туда бесконтрольно.

- Нет, для этого тебя не нужно ничему учить, – отрезал он, поднимаясь из-за стола. – Я распоряжусь, чтобы Вивьен поменялась с тобой кроватями. А ты постарайся просто не спать в чужих. Особенно на чужих подушках – это самое чувствительное место входа, иногда достаточно только ее.

- Но, куратор...

- Это все, чем я могу вам помочь, госпожа Лерой, – холодно и официально перебил он. – И лучше не распространяйтесь об этом даре. Постарайтесь просто забыть о нем.

Просто... Лана мысленно усмехнулась. Проще сказать, чем сделать.

Глава 11

Доводы Братта Лану не убедили. Подумаешь, противозаконно! А как кто-нибудь узнает, что она занимается чем-то противозаконным, если стихийное снохождение не оставляет следов? И потом, ладно бы это было однозначно плохо, но именно ее дар позволил найти Анну до того, как она превратилась в мумию или скелет.

Лана испытывала иррациональную, почти детскую обиду на куратора за то, что он отказался ей помочь. Примерно такие же эмоции захлестнули ее той ночью, когда она прочитала о его помолвке, хотя в этом он перед ней точно не был виноват.

Выходя из его комнаты, Лана уже знала, что не собирается следовать выданным советам, но для верности пришлось выждать пару дней, прежде чем снова отправиться в Иллюзорную Библиотеку, чтобы найти информацию о снохождении и о том, как управлять этим процессом.

К ее разочарованию все найденные источники оказались закрыты особым распоряжением Легиона и требовали его разрешения на работу с ними. Это окончательно испортило Лане настроение, поэтому в пятницу после занятий, наплевав на горы учебного материала, которые стоило освоить, чтобы нагнать программу, она отправилась в «Сияние». Одна, как и в первый раз, потому что ни с Верой, ни с Вивьен свое дурное настроение делить не хотелось.

Этим вечером народу в клубе было значительно больше: все столики выглядели занятыми, а к стойке бара Лана пропихнулась с трудом. Против воли бросила взгляд через плечо на второй уровень, где, как и всегда, отдыхал Темный Ковен. И это вновь натолкнуло ее на мысль, что они там не столько отдыхают, сколько «дежурят» посменно, чтобы потенциальные клиенты всегда знали, где их найти. Аранта сегодня вновь не было видно.

Свободных табуретов у бара тоже не нашлось, но Лане хотя бы удалось подойти к нему и сделать заказ. Из нектати пробудившегося духа противоречия она попросила бармена смешать ей самый «убойный» коктейль. Она знала, что алкоголь не поднимет ей настроения, что он оставит после себя только головную боль, но ей все равно упрямо хотелось напиться.

Кроме разочарования в кураторе и огорчения по поводу недостижимости обучения снохождению, ее не отпускали случившееся с Анной и мысль о том, что никто ей не помог. Ведь если она успела наполнить «субреальность сновидений» воспоминаниями о своем последнем вечере, то умерла не сразу.

Лана слышала, как легионеры переговаривались: магический поток покинул тело в вечер исчезновения Анны. И для нее теперь было очевидно, что это произошло не потому, что Анна умерла. Что-то заставило тело и поток разъединиться, после чего бедная девушка только уснула, вероятно, обессиленная. Но так и не проснулась. Как долго она лежала там, совершенно беспомощная? Не потому ли ее тело выглядело лучше, чем стоило ожидать? Она умерла не сразу, очень не сразу. Возможно, ее успели бы спасти, если бы нормально искали.

Эти мысли крутились в голове Ланы, горча на языке и разжигая и без того полыхающий в груди огонь ненависти к Легиону и королю заодно.

Нет, она ничего этого не расскажет легионерам, не станет им помогать, пусть сами крутятся! Вот только как же ей использовать внезапно обнаружившийся дар? Как научиться?

– Привет! – раздалось над ухом как раз тогда, когда Лана сделала первый большой глоток угольно-черного коктейля.

Тот действительно оказался гораздо крепче всего, что она когда-либо пила, поэтому с непривычки от него перехватило дыхание. Лана одновременно закашлялась и попыталась рассмотреть того, кто к ней обратился, но из-за слезящихся глаз не смогла сфокусировать на нем взгляд.

А вот кепку с длинным козырьком узнала. Парень, что сидел в тот раз за столиком с бокалом пива и орешками и чье лицо пряталось в тени. Он был здесь и в тот вечер, когда пропала Анна.

– Мы разве знакомы? – уточнила Лана, все еще подкашливая.

– Нет, в этом и проблема, – улыбнулся парень в кепке. Или правильнее будет сказать – молодой мужчина. Сейчас свет падал так, что Лана легко могла рассмотреть молодое породистое лицо. Довольно привлекательное. – Мне кажется, это необходимо исправить.

– Очень банальный подкат, приятель, – Лана изобразила на лице сожаление. – Настолько банальный, что мне скучно. И не хочется знакомиться.

– Жаль, – хмыкнул мужчина. – Но тогда позволь хотя бы представиться, потому что как зовут тебя, я

знаю.

– Неужели?

– Ты Лана Лерой.

– Вот уж не думала, что я здесь такая знаменитость, – с сомнением нахмурилась Лана.

– Такая или не такая – сложно сказать. Я тебя знаю, потому что писал статью о твоём отце, а в таких случаях стараюсь побольше узнать о человеке и его семье.

– Статью? – сердце Ланы тревожно трепыхнулось от внезапно накатившей догадки. – Которую?

– Самую первую, – самодовольно усмехнулся уже почти не незнакомец. – Ту, что опубликовал «Ястреб».

– Ле Крок? – ахнула Лана. – Ты Ралм Ле Крок?

Самодовольная улыбка стала просто довольной.

– Во плоти. Приятно, что ты меня знаешь. Значит, читала.

– Шутишь? – Лана попыталась вложить в одно это слово весь захлестнувший ее восторг. – Это была единственная нормальная статья о нём.

Ралм что-то сказал в ответ, но новая композиция громыхнула неожиданно громко, и его голос потонул в восторженных криках посетителей, которые, очевидно, очень ждали именно ее.

Лана жестом показала, что ничего не слышит, и тогда он наклонился прямо к ее уху, обжег его горячим дыханием, отчего у нее по спине пробежали мурашки.

– Может, пойдем в другое место? – предложил он.

И Лана без колебаний согласилась. Недопитый коктейль она тоже бросила без малейших сожалений.

Ралм уверенно взял ее за руку и потащил сквозь толпу обратно к выходу. Вырвавшись из тесной духоты, они лишь успели глотнуть свежего вечернего воздуха, пересекая улицу и немного спускаясь по ней вниз, а потом сразу нырнули в приветливо распахнутые двери нового заведения.

Оно оказалось совсем другим. Здесь за маленькими столиками чинно восседали пары разных возрастов с бокалами вина или более крепких напитков, лилась спокойная, даже немного монотонная мелодия, приглушенно звучали голоса, а между столиками сновали опытные официанты – одновременно незаметные и вездесущие.

Один такой сразу проводил их к свободному столику в углу, принял заказ, который Ралм сделал за двоих, и исчез, словно растворился в воздухе. Лана опустилась на отодвинутый для нее стул, жалея о том, что сегодня не надела одно из своих выходных платьев, хотя и в синих грубых штанах выглядела достаточно привлекательно.

– Значит, ты моя фанатка? – с улыбкой уточнил Ралм, садясь напротив.

Она недовольно дернула плечом, помимо воли переключаясь во флиртующий режим.

– Это слишком громко сказано. Но мне понравилась твоя статья.

– Уже что-то. А мне очень понравилась ты в тот вечер, когда была в «Сиянии» в прошлый раз.

– Ты часто там бываешь?

– Вообще-то нет, но с тех пор ходил каждый вечер, надеясь снова тебя увидеть. Пожалел, что не познакомился сразу. А сегодня как увидел, решил не медлить.

Официант почти незаметно принес им бокалы с вином нежного соломенного цвета, и Ралм поспешил поднять тост за знакомство, а Лана с удовольствием отметила, что у него отличный вкус.

– Но ты бывал там и раньше, – продолжила она свою мысль. – Примерно за две недели до того, как туда впервые пришла я.

На его лице отразились удивление и непонимание.

– Да, вероятно. А что? И откуда ты об этом знаешь?

– Да просто... – Лана махнула рукой, делая вид, что это не имеет особого значения. – В тот вечер одна студентка моей академии пропала. А недавно ее нашли мертвой...

– Анна Вест, – кивнул он. – Да, я читал об этом.

– А я писала, – не удержалась от маленькой похвальбы Лана.

– Вот оно что, – заметно оживился Ралм и подался вперед. – Так мы будущие коллеги, и у тебя свое журналистское расследование?

– Ну, – Лана вдруг смутилась, что было для нее крайне непривычно, – скорее, у меня было расследование. Все началось довольно спонтанно, и мне удалось найти Анну. К сожалению, слишком поздно.

– И что теперь? Ты ищешь ее убийцу?

Что-то как будто кольнуло внутри, и Лана тяжело вздохнула.

– Наверное, я могла бы попытаться его найти. Но... скажем так, у меня был источник информации, но мне самой с ним не справиться. А мой куратор в СКА считает, что это слишком опасно и мне надо забыть обо всем. Без него у меня ничего не получится, потому что больше мне научиться негде. Так что...

Она развела руками и посмотрела на Ралма с сомнением. Возможно, не стоило все это говорить, еще начнет расспрашивать. Но тот лишь мягко улыбнулся.

– Любой премудрости можно обучиться двумя способами, – заявил он. – Через учителя, подробно усвоив теорию, а потом перейдя к практике. Или самостоятельно методом проб и ошибок. Второй способ ведет к куче набитых шишек, но... как ни странно, обычно с его помощью все усваивается быстрее и лучше. Только, конечно, лучше бы сильно не рисковать в процессе. Иначе это может плохо закончиться.

Лана моргнула, глядя на него и чувствуя, как в голове закопошились мысли, стремительно формируя новый план. А ведь он прав. Лана широко улыбнулась.

– Как хорошо, что мы познакомились.

Теперь она знала, что будет делать дальше.

– Что-что тебе нужно?

Сонная Вера никак не могла взять в толк, что Лана от нее хочет. После внезапного свидания с Ле Кроком – иначе и не назовешь – та добралась до ее комнаты уже в очень поздний час.

– Мне нужна твоя подушка, – невозмутимо повторила Лана.

Она все никак не могла перестать улыбаться: трехчасовые посиделки с Ле Кроком за разговорами обо всем на свете очень вдохновили ее.

– Хм, я решила, что в первый раз мне послышалось, – пробормотала Вера, гипнотизируя взглядом подушку, которую Лана держала в руках. – А зачем тебе моя подушка, если у тебя своя есть?

– Я хочу поменяться, – нетерпеливо объяснила Лана. – Это всего на одну ночь, завтра верну. Обещаю.

– Все равно не понимаю, зачем тебе это, – заметила Вера, но послушно побрела к кровати и вернулась к порогу комнаты уже с требуемой подушкой.

– Как-нибудь потом объясню, – пообещала Лана без намерения однажды это обещание сдержать.

Она торопливо схватила подушку подруги, сунула ей свою и, пожелав спокойной ночи, зашагала к своей комнате. После небольшой паузы услышала, как за спиной захлопнулась дверь Веры. Теперь подруга наверняка считает Лану чокнутой, но это она как-нибудь переживет.

Как и обещал, Братт распорядился о том, чтобы Вивьен поменялась с Ланой кроватями, из-за чего им пришлось поменяться и половинами комнаты – столами и шкафами. Но он пошел и дальше. Ей полностью заменили матрас, подушку и одеяло. Как именно куратор объяснил это Вивьен и кастелянше, Лана не знала. Возможно, вовсе не утруждал себя объяснениями, а просто зыркнул на них, как умеет, и они не стали спрашивать.

Братт сделал все, чтобы она больше не проваливалась в чужие сны. Лане, конечно, было бы проще поменяться подушками с Вивьен, но она опасалась, что на фоне всего остального у соседки

возникнут ненужные вопросы. А так та уже спала, когда Лана отправилась к Вере.

Несмотря на доверительную атмосферу, в которой проходила ее первая встреча с Ле Кроком, и подробное обсуждение случившегося с Анной, Лана так и не рассказала ему о своем даре, но его слова вдохновили ее на попытку освоить снохождение на практике. В конце концов, минимум дважды она делала это, даже не понимая, что делает. Теперь у нее будет хотя бы преимущество осведомленности.

Для разнообразия (и, что более важно, безопасности) стоило учиться ходить по более безопасным снам. Например, по снам тихой и спокойной Веры, в голове которой едва ли могут жить всякие ужасы.

Братт сказал, что сноходец может управлять чужим сном, но не объяснил, как именно. Поэтому осторожно опуская голову на чужую подушку, Лана просто очень надеялась, что сон Веры окажется совершенно безобидным. А еще лучше – приятным.

От возбуждения и волнения уснуть оказалось не так просто, но в конце концов поздний час и выпитое в приятной компании вино сделали свое дело. Правда, отплывая в царство сновидений, Лана уже совсем не думала ни о Вере, ни о даре, погрузившись в воспоминания о Ле Кроке.

Возможно, именно поэтому сон ее снова начался с «Сияния», но на этот раз здесь играла музыка из кафе на другой стороне улицы, а огромный зал был почти пустым. Лишь за стойкой бара скучал бармен, а на высоком табурете сидела Вера, одетая все в то же платье. Но хотя бы без цветных колготок в этот раз.

Лана улыбнулась, подумав, что все оказалось не так уж сложно. Ведь это наверняка сон Веры, значит, для погружения в него вполне достаточно подушки и желания. Лана окликнула подругу и направилась к ней, но когда та обернулась и смущенно заулыбалась, почувствовала, что что-то не так.

– Привет, – поздоровалась она, подходя ближе и взбираясь на соседний табурет.

– Привет, – едва слышно отозвалась Вера, краснея. – А мы разве знакомы?

Вот это номер! Неужели во сне она выглядит иначе? Лана опустила взгляд и едва не закричала в голос.

На ней были брюки. Мужские брюки. И руки у нее тоже были мужские. Она сама была мужчиной! Вот почему Вера смотрит на нее так... необычно. Значит, во сне она может быть не только тем человеком, в чей сон пришла, и не только сторонним наблюдателем, а... кем угодно!

– Мы не знакомы, – медленно ответила Лана, все еще переваривая эту мысль. – И это большое упущение.

Она улыбнулась, понимая, что второй раз за сегодня ведет такой диалог, только теперь ей достались другие реплики.

– Думаю, нам надо это исправить.

Вера покраснела еще сильнее. Видимо, во сне Лана превратилась в какого-то очень симпатичного мужчину. Возможно, в Ралма? Нет, тот был одет совсем иначе. Ее костюмчик скорее походил на униформу Темного Ковена.

Интересно, кто все-таки сейчас управляет сном и его декорациями? Она или Вера? Может быть, Вера не может забыть загадочного и чрезмерно настойчивого красавца, приглашавшего ее в тот раз?

– Я Вера, – смущенно сообщила подруга.

Лана лихорадочно принялась соображать, как могут звать ее.

– Рейн, – ляпнула она, и тут же мысленно поморщилась. Вот только призрака куратора ей не хватало в этой и без того неловкой ситуации.

– Может быть, потанцуем? – предложила она.

Это они хотя бы уже делали раньше, даже в реальности. Даже в своих телах. Она сможет пережить это еще раз.

Однако Вера только неловко пожала плечом.

– Наверное, не стоит, – почти прошептала она.

Лана едва удержалась от того, чтобы дать ей подзатыльник и прикрикнуть: «Дуреха, это ж твоя фантазия! Хотя бы тут будь смелой девочкой!»

От неуместной отповеди ее удержало ощущение, что кто-то прожигает ей взглядом спину. Оно было таким интенсивным, что не заметить его было просто невозможно. Спина буквально зудела.

Затаив дыхание, Лана обернулась, ища взглядом наблюдателя. Ей показалось, что сейчас она вновь столкнется с бесформенным и злонамеренным нечто, и от этого сердце в груди похолодело. Но субреальность сна Веры ее удивила.

За спиной никого не оказалось. И зала клуба тоже. В полутьме каменного подвала, в котором она вдруг очутилась, можно было разглядеть только мрачное кольцо то ли слишком широкого колодца, то ли слишком глубокого бассейна.

Лана соскользнула с табурета, понимая, что перенеслась в подвал дома Блэков, в котором ее прихватила куратор Кори после вечеринки в начале триместра.

В бассейне что-то плюхнулось. Лана услышала лишь всплеск воды, но ничего не увидела. Любопытство заставило ее подойти ближе.

Она помнила, что в реальности бортик бассейна доставал ей почти до груди, но сейчас он был едва ли по пояс. Похоже, она превратилась не только в красивого, но и в высокого мужчину.

Осторожно перегнувшись через бортик, Лана заглянула в черную бездну воды, но ее поверхность была уже спокойной и гладкой, как стекло. Темное зеркало, в котором Лана сумела разглядеть свое лицо. Ну, почти. Чтобы было лучше видно, она наклонилась к воде, вглядываясь в смутно знакомые черты.

– Не может быть, – пробормотала она. – Фарлаг?

Да, лицо в отражении было ей хорошо знакомо, но стоило Лане разглядеть его и узнать, как вода пришла в движение, изображение рассыпалось, а из воды выскочила женщина с длинными светлыми волосами и обнаженной грудью. Обхватив Лану за шею, она утащила ее за собой под воду. Да так стремительно, что та ничего не успела сделать.

Холодная темная бездна поглотила ее, а женщина камнем повисла на шее, утягивая все глубже, туда, где уже совсем не было света. Только холод и вода, ни глоточка воздуха.

Лана брыкалась, пытаясь освободиться от мертвой хватки, но ничего не получалось. Легкие уже горели огнем, умоляя о вздохе, но какой-то древний инстинкт не позволял его сделать. Ведь вокруг вода! Если Лана вздохнет, то умрет.

«Это сон! – мелькнула в голове мысль. – Просто сон! Во сне нельзя умереть, я только проснусь... Мне очень нужно проснуться! Ну же!»

Но вода не исчезала. Сколько Лана ни сучила руками и ногами, ей никак не удавалось ощутить ими тепло смятой постели. Только мокрый холод.

В конце концов, желание вдохнуть оказалось сильнее страха захлебнуться. Лана открыла рот, но вместо спасительного воздуха в него хлынула гнилая вода.

– Лана! Лана, проснись!

Кто-то с силой дернул ее за плечи, заставляя сесть на кровати и вырывая из объятий кошмара.

Вивьен! Лана едва не разрыдалась от облегчения и не обняла соседку от избытка чувств, но вместо этого перегнулась через край кровати, выплевывая изо рта воду. Самую настоящую воду! Лана закашлялась, выталкивая ее заодно и из дыхательных путей.

По щекам все же потекли слезы, а Вивьен утешающе обняла ее за плечи.

– Лана, что с тобой происходит? – испуганным шепотом спросила она.

– Дурной сон, – всхлипнула Лана, пытаясь унять дрожь.

– Только не говори, что это ты от страха так вспотела, – нервно фыркнула Вивьен.

А Лана вдруг поняла: одежда на ней сухая, как и кровать, но вот волосы... Волосы ее свисали с головы мокрыми сосульками, словно она только вынырнула из бассейна.

Глава 12

– Лана? Какого демона? Что ты?.. Который вообще час?

Столь сердитым, растерянным и взъерошенным одновременно Лана своего куратора еще не видела, но сейчас не обратила на гремучую смесь никакого внимания.

– Начало пятого, – сообщила она практически сквозь зубы, просачиваясь в узкую щель между дверным косяком, дверью и Браттом. Тот оказался слишком удивлен, чтобы ей помешать.

Сквозь зубы Лана говорила не из-за дурных манер и скверного воспитания. Ее до сих пор трясло крупной дрожью, хотя прошла уже добрая четверть часа с тех пор, как она проснулась. Точнее, ее разбудила Вивьен.

Несколько минут ушло на то, чтобы не задохнуться от ужаса, потом ненадолго Лана спряталась от вопросов соседки в ванной комнате, а следом облачилась в халат, сунула ноги в тапочки и прямо в таком виде отправилась к куратору. Тот, судя по сонному виду, еще и не думал вставать. Да и зачем? Впереди выходной день, а небо только-только начало светлеть. Хорошо, что спал он в пижамных штанах и футболке, в них и открыл дверь, а то ситуация могла бы получиться крайне неловкой.

– Ваш план не работает, – резко обернувшись уже на середине комнаты, заявила Лана прежде, чем Братт успел продолжить задавать вопросы.

– Какой план? – не понял он, зябко ежась и растирая слипающиеся глаза. – Лана, объясни по-человечески, в чем дело. Почему у тебя волосы мокрые?

– Купалась я, – огрызнулась она. – Во сне. В чужом.

Его сонливость как рукой сняло: взгляд моментально прояснился, брови сдвинулись к переносице, только голос остался хриплым, когда Братт отрывисто уточнил:

– В чем?

– Во сне того, на чьей подушке я сегодня не спала. Того, кто умер лет... тридцать назад. Меня едва не утопила одна сумасшедшая русалка!

Последние слова Лана почти выкрикнула, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слезы от одного только воспоминания о холоде и безысходности, испытанных в том сне. Ее затрясло сильнее, и скрывать это стало бессмысленно.

Братт молча подошел к ней, протянул руку и осторожно коснулся головы в жесте утешения, как ей показалось сначала. Но через секунду она почувствовала тепло и поняла, что он просто высушил ей волосы. Как ни странно, дрожь от этого слегка улеглась.

– Спасибо, – уже тише пробормотала Лана, не выдерживая его взгляд.

– Один вопрос. И мне нужен честный ответ, – все так же хрипло произнес Братт.

От непривычного звучания его голоса у Ланы в животе заворочалось что-то щекотное.

– Ты спала на своей подушке? То есть... На той, что тебе выдали?

Теперь она опустила не только взгляд, но и голову.

– Нет, – выдавила через силу после продолжительной паузы. – Я взяла подушку Веры. Хотела попробовать научиться хождению на территории безопасного сна.

– Но там оказалось не так уж безопасно?

Он по-прежнему стоял рядом, его рука с головы опустилась Лане на плечо, и это одновременно успокаивало и волновало. А главное – совсем не хотелось ему врать и выкручиваться.

– Это был не ее сон, – качнула головой Лана. – То есть... сначала я погрузилась в сон Веры. И почему-то оказалась мужчиной. Но потом я почувствовала чей-то взгляд. Такой... очень настойчивый. Обернулась... И там был уже другой сон. Совсем другое место.

– И ты знала это место? Была там раньше?

– Да. Наяву.

Лана все-таки бросила на его лицо быстрый взгляд исподлобья и принялась рассказывать:

- Вы знаете, что раньше я училась в Лексе. Это довольно закрытая территория, ни студенты, ни преподаватели не могут покидать ее по своему усмотрению, поэтому все живут там. Семейные преподаватели живут в специальных коттеджах рядом с замком. И вот есть один коттедж, в котором когда-то жила пара Мастеров Снадобий. Блэки. Госпожа Блэк в какой-то момент свихнулась на теме увядающих молодости и красоты и решила во что бы то ни стало не стареть. С помощью снадобья. Для него были нужны слезы русалки. Поскольку в нашем мире русалки не водятся, она призвала одну из-за Занавеси и заперла в своем подвале. Она мучила ее, пытаясь добиться слез, но русалка заплакала лишь тогда, когда родила ребенка. Госпожа Блэк отняла у нее ребенка, и на этом у ее дочери сдали нервы. Она попыталась помочь русалке с ребенком бежать, но ее сумасшедшая мамашка их поймала. В общем, русалку она убила, а ее дочери с младенцем все-таки удалось уйти. Госпожа Блэк устроила в доме пожар, пытаясь имитировать собственную смерть, и много лет они с дочерью считались погибшими. Правда выяснилась только двадцать лет спустя. Там много всего произошло, но в итоге тогдашний ректор Лекса Найт Фарлаг утопил госпожу Блэк в том подвале.

- Утопил в подвале? Как? - не понял Братт.

- Там бассейн есть... Наверное, госпожа Блэк сделала его для русалки. В общем, мой отец дружил с Фарлагами, мы даже были на свадьбе Найта. Я тогда еще девчонкой была, но помню, как он рассказывал, что госпожу Блэк утопила какая-то русалка, а не он. По крайней мере, он сам в это верил. Больше не верил никто, как я понимаю.

- И ты считаешь, что эта русалка пыталась во сне утопить тебя?

Лана закусил губу. Теперь, когда она сама рассказала всю историю, она действительно устыдилась своего поступка, но все же продолжила:

- В начале триместра я спала в подвале того дома. На койке, где когда-то, я полагаю, спала плененная русалка.

Она снова мельком взглянула на его лицо. Братт явно ждал пояснений. Лана тяжело вздохнула.

- У нас была вечеринка в честь начала триместра. Когда она закончилась, нам с друзьями захотелось добавки в атмосферном месте. Мы потащились в тот дом, продолжили вечеринку в подвале. Я напилась и уснула. Ребята не стали меня ни будить, ни левитировать, а оставили там. Мне кажется, в ту ночь я тоже проваливалась в чужой сон, просто... не запомнила толком. Думала, это просто кошмар.

Братт молчал, и Лана почему-то разозлилась.

- Я была пьяна, ясно?! - она подняла голову и посмотрела на куратора с вызовом. - Только не делайте вид, что вы в годы своего студенчества на творили глупости!

Он едва заметно мотнул головой и неожиданно признался:

- В годы своего студенчества я творил вещи и похуже. Я не осуждаю. Но я велел тебе оставить это. Не практиковать снохождение. Понимаешь, Лана, не существует безопасных снов. Единственное безопасное место в той субреальности - это твои собственные сны. Как только ты выходишь за их границы, ты ступаешь на зыбкую почву. Нет, я сомневаюсь, что можно проникнуть в сны человека... или существа, погибшего тридцать лет назад. Ткань сновидений просто не держится так долго. Да и утонуть в чужом сне нельзя, но...

- Нельзя?! - снова возмущенно крикнула Лана. - Да из меня вода лилась, когда Вивьен меня разбудила, спросите ее, она подтвердит! Если бы не она, я бы уже умерла! Но однажды она может опоздать. Не хотите учить меня снохождению - не надо, сама разберусь, под мою ответственность. Но расскажите хотя бы, как просыпаться. Должен же быть способ управлять этим процессом! Это в любом случае мне пригодится, потому что у меня всегда будет риск провалиться в чей-то сон. Моего будущего мужа, например, если я усну на его подушке. Или в любой гостинице. В любой гостевой спальне друзей, в конце концов. Не могу же я всю жизнь таскать за собой собственную подушку!

Братт несколько секунд гипнотизировал ее взглядом, после чего медленно кивнул.

- Да, пожалуй, это логично. Я могу показать, что нужно делать. Но тебе придется... погрузиться в мой сон.

Лана только удивленно приподняла брови, а Братт в ответ пожал плечами.

- Есть вещи, которые можно постичь только на той территории.

- Ясно... Хорошо... Когда?

- Чем плохо сейчас? - усмехнулся он, делая приглашающий жест в сторону ширмы.

Лана обернулась, только теперь в полной мере осознавая, что на ней лишь весьма соблазнительная ночнушка, тонкий халат и тапочки, а на нем – пижамные штаны и футболка. Слишком мало одежды. Но отказываться глупо. Вдруг он передумает?

- Сейчас ничем не хуже, чем любой другой раз, - нервно улыбнулась она и шагнула в указанном направлении.

За ширмой действительно обнаружилась широкая двуспальная кровать, постель на которой была смята только с одной стороны. На нее Братт и указал.

- Залезай, устраивайся поудобнее.

Сам он лег с другой стороны поверх одеяла.

Лана замешкалась лишь на секунду, а потом нырнула под одеяло. Простынь еще хранила тепло его тела, а подушка – запах шампуня для волос.

- Почти как в детстве, - пробормотала Лана, вдыхая терпкий хвойный запах.

К счастью, Братт то ли не услышал ее, то ли только сделал вид.

- И как мы уснем? - поинтересовалась Лана, чтобы как-то отвлечься от внезапно накатившего смущения.

- Сейчас половина пятого утра. Не знаю, как ты, а я спал от силы часа три. Немного тишины и неподвижности – и усну без проблем. Возможно, ты тоже.

Лана молча кивнула, пытаясь устроиться поудобнее. Но она привыкла спать на боку, а сейчас все не могла решить, куда повернуться. Спина к нему – как-то невежливо. Лицом... как-то страшно.

- Только если нас кто-нибудь застукает, - неожиданно произнес Братт, - придется сказать, что ты моя любовница. Потому что даже учить тебя выходить из сна я не имею права.

Лана распахнула глаза и удивленно посмотрела на куратора. Тот лежал на спине, как и она, его глаза были закрыты, но губы кривились в едва заметной улыбке.

- А как же ваша невеста? - не удержалась Лана.

- А при чем здесь моя невеста? - нарочито равнодушно переспросил он.

- Не заревнует?

- Это, если что, будет не твоя проблема.

Лане оставалось только снова кивнуть. Действительно, отношения Братта с невестой ее никак не касались.

Это была практически последняя ее связная мысль. Как куратор и предсказывал, раннее утро и недосып сделали свое дело очень быстро: стоило закрыть глаза и замолчать секунд на десять, как Лана провалилась в сон. В чужой.

Место, в котором она оказалась, было ей совершенно незнакомо. Она сидела на ступеньках небольшого, но очень аккуратного Дома Развоплощенной – древней королевы Роны Риддик. Даже странно: двенадцать лет прошло с тех пор, как ее магический поток официально признали ревоплощенным, а посвященные ей Дома, куда раньше люди приходили послушать ее историю и обратиться к потоку за присмотром и защитой, все еще стоят. Проводятся службы, венчаются пары, младенцы получают благословение... Старые привычки умирают с трудом. Словно никто уже толком не помнит, что именно стоит за ритуалами, но все продолжают их проводить, потому что так людям комфортнее.

Лана поднялась со ступенек и огляделась. Дом, как водится, окружал большой красивый сад, полный цветущих, невзирая на середину лета, деревьев. Наверное, здесь, во сне, еще была весна. Все это находилось на отшибе и небольшом возвышении, а дорожка, ведущая ко входу в дом, другим своим концом убегала к окраине небольшой деревни. Яркое светило солнце, отражаясь от склонов разноцветных крыш, щебетали птицы, но вокруг не было ни души.

Услышав за спиной шаги, Лана обернулась к Дому: из глубины церемониального зала к распахнутым дверям подошел Рейн Братт в костюме нежно-голубого цвета. Лана опустила взгляд на длинную юбку своего платья: она была того же оттенка. В мире за Занавесью это означало, что они одеты как жених и невеста.

Братт улыбнулся, довольно успешно скрывая легкое смущение. Лишь то, как он засунул руки в карманы брюк, выдало неловкость.

– Не стоило говорить о помолвках перед засыпанием.

Лана вопросительно приподняла брови и уточнила:

– Поэтому мы так одеты? Кто из нас отвечает за антураж сна?

– В каком-то смысле это совместное творчество, – после небольшой паузы признал Братт. – Образы из моей головы, но сноходец влияет на то, какие именно образы всплывают.

– И как он это делает? – с невинным видом, как бы между прочим, поинтересовалась Лана.

Братт выразительно посмотрел на нее, давая понять, что уловка не прошла незамеченной. Но все-таки ответил:

– Во многом это зависит от того, с какой мыслью засыпает сам сноходец. Ты спросила меня про невесту, очевидно, подумала о свадьбе, после чего сразу уснула – и вот мы здесь в таком виде.

– А где мы? – не удержалась от еще одного вопроса Лана, снова оглядываясь. – Что за место?

– Моя мать родом отсюда. И неподалеку находится дом моей невесты. Собственно, так мы и познакомились. Я долго отсутствовал в мире за Занавесью, а когда вернулся, решил навестить родные места.

– Вы жили по другую сторону Занавеси? – заинтересовалась Лана. – Долго?

– Достаточно.

– Вам там нравилось?

– Нет, не очень.

– Тогда почему?

– Я был вынужден уехать... Из-за отца...

Братт вдруг прикрыл глаза и стиснул зубы, недовольно поморщился, а потом попросил:

– Лана, пожалуйста, не расспрашивай меня о личном здесь. Я осознаю, что мы во сне, но все равно... Здесь мне сложно противиться твоим расспросам. Я потом не буду толком помнить сон, как это обычно и бывает. Мне бы не хотелось откровенничать в столь... неравных условиях.

– Хорошо, – Лана серьезно кивнула. – Не буду. Только один вопрос, профессор Братт. Марта знает, что вы помолвлены?

Вопрос его явно удивил.

– Да, конечно. Она знакома с моей невестой. Не скажу, что они подруги, но одно время мы все вместе с удовольствием общались.

– Вы все? – переспросила Лана, хмурясь.

По его губам скользнула печальная улыбка.

– А ты ведь ничего не знаешь, да? Марта тоже была помолвлена. Еще год назад. Он был легионером, служил в боевом отряде, но когда Марта сказала ему: «Да», решил перевестись в следователи.

У Ланы неприятно закололо под кожей, когда она вспомнила, как Марта крутила на пальце кольцо.

– Он погиб? – тихо уточнила она.

– Да. Буквально за две недели до перевода. По-моему, она до сих пор не смирилась с этим. Лана, ты бы пообщалась с сестрой поближе. Она не хочет тебе навязываться, но очень хочет быть рядом с тобой. Она хороший человек, с которым случилось много плохого. И она все равно осталась хорошей. Ты, наверное, не очень понимаешь, как много усилий она приложила к тому, чтобы ты смогла продолжить обучение в СКА вместо Лекса. Учитывая, что оттуда тебя успели исключить. Так что сделай вам обоим одолжение: хоть один раз шагни ей навстречу.

Лана обхватила себя руками и отвернулась от него, вновь испытывая это неприятное, тянущее чувство внутри – стыд. Конечно, она понимала, что ее перевод в СКА был непростым делом. И потом, когда она столкнулась с непониманием и неприятием со стороны однокурсников, Марта

пришла ей на помощь снова. А что сделала она в ответ? Просто вежливо общалась с ней в последний раз? Вот уж благодетельствовала, слов нет.

От этих мыслей ее отвлекло осторожное прикосновение к плечу.

– Идем, мы ведь не просто так здесь, – мягко предложил Братт.

Лана кивнула, изо всех сил стараясь держать лицо. И надеясь, что ей это удастся, несмотря на зыбкую реальность сна.

Братт неожиданно взял ее за руку и повел в глубину сада. Лана чувствовала тепло его ладони как наяву, и это оказалось куда более волнительно, чем прикосновение Ле Крока в похожей ситуации. Сейчас она все ощущала острее, хотя обычно во сне происходит наоборот.

Куратор отвел ее к скамейке, окруженной клумбами роз всех цветов и размеров. Когда так цветут деревья, розы цвести еще не должны, но здесь все происходило одновременно, словно сон был соткан из разных воспоминаний.

Лана опустилась на скамейку, с удовольствием скользя взглядом по цветам. Очертив полукруг, остановила его на кураторе, севшем рядом.

– Знаете, во сне вы совсем не такой, как в реальной жизни, – вырвалось у нее.

– Неужели?

Лана прикусила губу, мысленно дав себе подзатылок. Но потом вспомнила, что после пробуждения он забудет большую часть их разговора, если не весь. И все-таки пояснила:

– В реальности вы иногда меня пугаете. У вас бывает такой взгляд... У меня от него мурашки по коже.

Он вздохнул и наклонился вперед, сцепляя пальцы в замок и упираясь руками в широко расставленные ноги.

– Да, я понимаю, о чем ты говоришь. Но поверь, я делаю это не нарочно. Я никогда не причиню тебе вреда. Больше никому не причиню.

– Больше?

От этого уточнения в груди вновь похолодело.

– Мы договорились не говорить о личном, – напомнил он.

Резко встав, Братт подошел к клумбе и сорвал розу с маленьким бордовым цветком. Вернулся на место, провел над цветком свободной рукой – и мгновение спустя на его ладони осталась лежать изысканная брошь.

– Дай мне руку, – попросил он, протягивая раскрытую ладонь с брошью Лане, – и следуй за моим потоком.

Чувствуя, как ускоряется биение сердца в груди, Лана медленно накрыла его руку своей и переплела их пальцы. Едва не забыла, зачем это делает, но все же успела устремить свой магический поток вслед за его, меняя сущность броши, зажатой между их ладонями.

– Вот так, – тихо выдохнул Братт, отзывая поток обратно.

Лана убрала руку, с интересом уставившись на маленькое украшение, но внешне то никак не изменилось. Братт осторожно приколот брошь к ее платью и улыбнулся.

– Теперь это твоя универсальная точка выхода. Каждый раз, погружаясь в чужой сон – случайно или намеренно – в первую очередь проверяй, на тебе ли брошь. Реальность сна тебе послушна, поэтому если ты только сосредоточишься на этом, она будет на месте. Если нужно будет срочно выйти, просто коснись розы – и проснешься.

– Спасибо, куратор Братт, – с чувством ответила Лана.

– Да не за что, – пожал он плечами. – Я все же настоятельно рекомендую тебе не экспериментировать с этим. Бывают способности, которые хуже проклятия. А твое снохождение... какое-то неправильное, даже я не понимаю, что все это значит.

– Я буду иметь это в виду, – пообещала Лана.

Судя по его взгляду, Братт понял, что она не собирается отступать. Лане показалось, что он знал это заранее.

– Тогда сейчас коснись броши – и просыпайся, – велел он. – Только сделай одолжение: не буди меня. Я действительно поздно лег, мне бы выспаться.

– Не буду. До встречи в реальности, профессор.

– До встречи.

Лана села прямее, словно ей предстояло какое-то сложное действие, а не банальное пробуждение, потянувшись к цветку. В последний момент, когда пальцы уже почти коснулись металлических лепестков, она вдруг вздрогнула всем телом.

Сад и Дом Риддик вдруг куда-то исчезли, впереди вместо них протянулось пустое поле, заканчивающееся холмом, увенчанным монументом в виде спирали.

Откуда вдруг взялся этот образ, Лана понять не успела, как и остановить руку. Пробуждение оказалось резким, практически мгновенным. Ее глаза уже распахнулись, а дыхание еще только перехватило от узнавания страшного места гибели Анны.

Впрочем, пугающий образ моментально испарился из сознания, когда Лана поняла, что прямо перед ней находится лицо куратора. Уснув, они оба перевернулись на бок, лицом друг к другу, и даже как будто сдвинулись к центру кровати. Сердце заколотилось в груди с новым рвением, но уже по другой причине.

Во сне его лицо выглядело расслабленным и красивым. Совсем как в первую встречу. Никаких резких линий, ничего пугающего. Сейчас Братт казался даже моложе, чем был на самом деле. Лана улыбнулась и потянулась к его щеке рукой, но вовремя себя остановила. Это было бы неуместно.

Братт так и лежал поверх одеяла, и судя по позе, ему уже было холодно. Поэтому Лана накрыла его второй половиной одеяла, когда встала. Поправляя его, зацепилась взглядом за маленькую татуировку, выбитую на выпирающем позвонке у самого основания шеи. Наклонившись ближе, она присмотрелась: это был расчерченный ритуальными линиями круг с буквами какого-то алфавита. Но не того, что использовался в магическом мире.

В кои-то веки Лана пожалела, что никогда не стремилась к изучению магии за пределами базовых бытовых потребностей. Возможно, тогда бы она сейчас знала, что это за знак. А так ей оставалось только постараться запомнить его и тихонько выскользнуть из комнаты, как и обещала.

Глава 13

Вернувшись к себе в комнату, Лана искренне порадовалась, что Вивьен не дождалась ее: соседка вовсю дрыхла, обнимая подушку. Окна комнаты были плотно зашторены, чтобы не потревожить ее сон. Скинув халат, Лана тоже нырнула в постель. Вытолкала подушку в ноги и легла на матрас так, подложив под голову только локоть.

Сон снова сморил ее быстро, словно она не спала этой ночью вообще. Может быть, чужие сны просто не дают мозгу отдохнуть так, как свои? Лана не знала.

Она многого пока не знала о своем неожиданном даре. И тот факт, что, по словам Братта, он еще и работает не так, как обычно, внушал дополнительное беспокойство. Может быть, куратор прав, и надо просто забыть обо всем? Внимательнее следить за тем, где ложится, и выходить из сна, едва только заподозрив, что ушла на чужую территорию... И демон с ним, с королем.

Это было бы разумно, но Лана редко поступала разумно. И при этом всегда – осознанно неразумно, словно специально нарывалась на неприятности. Она не знала, откуда взялось это свойство характера, но ей часто хотелось выяснить и прочувствовать: а что будет, если она сделает вот так, а не так, как следовало бы?

Да и мысли о русалке и бассейне ее не отпускали. Даже в собственном сне. Тот был не таким ярким и реальным, как чужой, но его события все равно крутились вокруг сгоревшего дома.

Почему она провалилась в посторонний сон? Почему превратилась в Найта Фарлага, друга семьи, которого сама едва знала? Почему русалка из сна пыталась ее утопить? И кого именно она пыталась утопить: ее или Найта Фарлага? Как вообще она могла попасть в сон существа, погибшего больше тридцати лет назад, если Братт уверяет, что так долго чужая ткань сновидений не сохраняется?

Столько вопросов! Лана знала, что не сможет просто отмахнуться от них. Забыть, оставить, бросить. Ей нужно разобраться в происходящем.

Проснулась она поздно: дело шло к полудню. Вивьен успела встать и куда-то уйти, но, к удивлению Ланы, оставила записку, в которой выражала надежду, что с ней все хорошо.

«Когда я уходила, ты выглядела весьма безмятежно. Надеюсь, кошмары тебя мучить больше не будут», – гласила записка. Лана невольно улыбнулась, прочитав ее.

За окном ярко светило летнее солнце, в комнате жара не ощущалась благодаря наложенным на здание заклятьям, но стоило открыть окно, как оттуда дохнуло душным теплом. Улицы пустовали больше, чем обычно: в такую погоду люди предпочитают проводить выходные у воды или в тени парков. Лане пришло в голову, что было бы неплохо зайти к Вере, поменяться подушками обратно и вытащить новую подругу на пикник, но она тут же передумала.

Прежде всего, села за стол и написала короткое письмо, решив, что если оно останется без ответа, она примет это как знак судьбы и последует совету куратора. По крайней мере, попытается.

После Лана действительно заглянула к Вере, чтобы вернуть подушку. Та встретила ее в цветных колготках, нелепой клетчатой юбке и чрезмерно свободной футболке. Тонкие бесцветные волосы торчали на голове двумя хвостиками по бокам. Лана вновь мысленно задалась вопросом, знает ли Вера о том, что ей уже не двенадцать лет. Но подруга выглядела очень бодрой и веселой, поэтому от комментариев Лана воздержалась.

– Ты точно хочешь поменяться обратно? – улыбаясь, поинтересовалась Вера.

– Да, а что?

– Да так... Не знаю, что у тебя там за эксперименты, но мне на твоей подушке спалось неожиданно хорошо. Такой сон классный снился... Как настоящий. Даже жалко было просыпаться.

Она мечтательно закатила глаза, и Лана поняла, что после ее перехода на другую территорию, сон Веры продолжился по тому же сценарию. Возможно, она даже потанцевала с красавчиком. Хоть кому-то повезло.

– Может быть, в другой раз снова поменяемся, – туманно пообещала она и попрощалась.

Пикник в парке с новой подругой, конечно, звучал многообещающе, но у Ланы было еще одно важное дело. Поэтому, опустив в холле академии написанное письмо в почтовый ящик, она вышла на улицу, где под жарким солнцем плавилась камнями мостовых, и направилась к дому Марты.

Сестра очень удивилась, увидев ее на пороге своей квартиры. Настолько удивилась, что даже

лишилась дара речи.

– Лана? – только и смогла выдохнуть она. После продолжительной паузы нахмурилась и поинтересовалась: – Что-то случилось?

– Да нет, – Лана пожала плечами и протянула ей ароматный шуршащий пакет с еще теплыми булочками, купленными в пекарне по пути. – Просто решила тебя навестить. Чаем угостишь?

Все еще немного озадаченная и явно ждущая подвоха, Марта пропустила ее в квартиру и пригласила на кухню. Лана убедилась, что никакие серьезные планы своим визитом не нарушила: сестра была одна, одета по-домашнему и, судя по всему, никуда не собиралась.

– Точно ничего не случилось? – переспросила она, когда они вдвоем устроились за обеденным столом скромных размеров. – Ты выглядишь напряженной.

Лана только отмахнулась, разламывая мягкую булочку и выковыривая из теста шоколадный шарик.

– Плохо спала, но это ерунда. Я просто решила тебя навестить, узнать, как дела. Поблагодарить за советы. И за перевод в СКА, если уж на то пошло.

– Да не за что, – улыбнулась Марта. – Это неожиданно, но приятно. Я рада, что тебе начинает нравиться. Поздравляю с первой публикацией в газете академии. Хорошая статья.

– Спасибо.

Марта немного помялась, делая вид, что дегустирует выпечку, но потом устремила на сестру очень серьезный взгляд. Серьезный и пронизывающий.

– Скажи, откуда ты узнала об Эспикуре? Только не надо рассказывать про случайного свидетеля. Когда Анна пропала, мы с Хильдой пытались найти свидетелей в обход процедур Легиона. Поговорили, наверное, с каждым, кто был там в тот вечер. Никто ничего не видел и не слышал, словно Анна или тот, кто был с ней, наложили заклятие для отвода глаз. Не могло там быть случайного свидетеля. Или мы нашли бы его раньше.

Лана шумно выдохнула, понимая, что никакая ложь сейчас не сможет ей помочь, Марта раскусит любую.

– Во сне привиделось, – честно призналась она. – Только не спрашивай, как и почему. Я сама не знаю. Просто приснилось.

Вместо вопросов Марта удовлетворенно кивнула.

– Полагаю, тебе от отца тоже что-то досталось, – ошарашила она. И в ответ на Ланин взгляд пояснила: – У него особый ментальный дар. Внушение. Отсюда такая стремительная политическая карьера. Он, конечно, всегда скрывал это и пользовался осторожно, а стороннему человеку доказать его наличие очень сложно. Но мама видела. Она знала. Рассказала мне, когда я стала замечать за собой, что чувствую некоторые вещи.

– Как то, что с Анной случилась беда? – почти шепотом уточнила Лана.

– Да, но не только. Я чувствую беду, чувствую ложь. У отца дар внушения, а у меня... он как бы работает наоборот, на восприятие. У тебя, видимо, тоже какое-то преломление его дара.

Лана медленно кивнула, глядя на сестру настороженно. Но та лишь безмятежно улыбнулась.

– Не волнуйся, я не собираюсь доносить на тебя в Легион. Если уж на отца так и не донесла...

Она заметно погрузтелла, и Лана решилась спросить:

– Что тогда произошло между вами? В моем детстве, когда мы с тобой виделись в первый раз.

Ладони Марты сжались в кулаки, глаза нехорошо блеснули, она с силой стиснула челюсти, но через мгновение уже взяла себя в руки.

– Я пришла просить его о помощи. Не для себя. Для мамы. Она болела, нам требовались деньги на снадобья. Много денег. Я еще не работала, только учиться заканчивала. А мама к тому времени уже потратила на лечение все, что у нее было.

– Такая страшная болезнь? – удивилась Лана.

– Смертельная, – кивнула Марта. – Семья моей матери оказалась на грани разорения еще до того, как они с отцом поженились. Брак в какой-то степени их спас, но лишь на время. После развода

отец забрал практически все, что дал. Сказал, что это справедливо. Так что мамины родители тоже оказались в затруднительном положении и не могли помочь.

– Он... все забрал? – не поверила Лана. – И совсем не давал вам денег?

– Он был смертельно обижен на нас, – язвительно прокомментировала Марта. – Сначала хотел, чтобы я после развода осталась с ним. Но я не могла жить с человеком, который предал мою мать. Так ему и заявила. Его это взбесило. Ты же знаешь, он не любит, когда что-то происходит поперек его воли.

Лана только молча кивнула. Это она знала.

– В итоге решили так: он меня отпускает жить к маме, а мы в ответ никогда не претендуем на его деньги. Нас это устраивало. Если бы не мамина болезнь, я бы никогда у него ничего и не попросила.

– Он дал денег? – с тихой надеждой уточнила Лана.

Марта качнула головой.

– Нет. Сказал, что уговор есть уговор, сами выкручивайтесь. Мол, каждый должен нести ответственность за сделанный выбор.

По губам Марты скользнула кривая презрительная усмешка.

– Для него это было делом принципа.

– Так себе принцип, – пробормотала Лана.

– Я рада, что ты это понимаешь.

Они помолчали, не глядя друг на друга. Марта отковыривала от булки маленькие кусочки и закидывала в рот, чтобы протолкнуть комок горле, а Лана с той же целью сделала большой глоток остывающего чая.

– Как вы выкрутились? – наконец спросила она. – Вы ведь выкрутились?

Марта кивнула.

– Да. Я собралась бросить учебу в Орте, чтобы пойти работать. Без этого ни один банк не дал бы нам денег в долг. Поскольку училась я хорошо, мое решение очень удивило ректора. Он вызвал меня к себе, потребовал объяснений.

Марта снова усмехнулась, но на этот раз с теплотой.

– Я разрыдалась прямо у него в кабинете. Его жена была в шоке, когда увидела меня в таком состоянии: обычно он не доводил студенток до слез. Я рассказала им все, как есть. Ректор спросил, сколько нужно денег. Сумма была довольно крупная. Не для нашего отца, а для ректора Орты. Но он их дал. С единственным условием: я закончу обучение. Я, конечно, отказалась считать это подарком, только долгом. Вот недавно, уже после маминой смерти, все наконец вернула. Его помощь тогда подарила маме семь дополнительных лет жизни. А мне дала возможность закончить образование.

Марта замолчала, глядя на Лану с каким-то странным выражением. Словно чего-то ждала, но так и не дождалась, потому что та просто не смогла соединить в голове разрозненные факты. Пришлось их озвучить:

– Ректора звали Ян Норман. И года не прошло с того моего визита в его кабинет, как подтвердилось, что он Норд Сорроу. Потом он стал нашим королем.

Лана снова шумно выдохнула.

– Вот почему ты так ему симпатизируешь.

– Он не был обязан нам помогать. Он даже не знал мою мать. Не говоря уже о том, что она никогда не была его женой и не рожала ему ребенка. Но он помог, хотя я не просила. Он хороший человек.

– Может быть, – сквозь зубы процедила Лана. – Может быть, он им был десять лет назад, пока не взобрался так высоко. И не возомнил себя вершителем судеб. Да, папа поступил некрасиво по отношению к тебе и твоей матери. Но это еще не значит, что он заслужил тюрьму и конфискацию имущества!

– Я уверена, что заслужил, – почти с той же злостью процедила Марта. И неожиданно

прищурилась. – Скажи, ты навещала его? В тюрьме? Хотя бы просила поверенного устроить с ним свидание? Нет? Спорю, тебе это даже в голову не пришло. Знаешь, почему?

Лана растерялась. Ей действительно не пришло в голову просить о свидании. Она даже не знала, что так можно. Пока она растерянно молчала, Марта продолжила:

– Потому что он тоже никогда не приходил к тебе. Не приходил, когда ты болела. Или когда тебе было плохо и грустно. Когда ты скучала по нему или когда хотела чем-то с ним поделиться. Он вспоминал о тебе только тогда, когда нужно было показать журналистам, что он примерный семьянин.

– Он деловой человек и политик. Он всегда был очень занят, но уделял мне столько времени, сколько мог, – повышая голос, возразила Лана, хотя слова Марты заставили сердце больно удариться о ребра. Разом вспомнились все детские обиды.

– Так тебе это объясняли, да? Это ложь, Лана. Ему и я была нужна только для этого, – продолжала Марта, заходясь сильнее. – Посмотрите, какой молодец: он заботится о дочери, хотя с женой пути разошлись! Эгоист и лицемер. Он всегда таким был, всегда шел по головам, а на меня, мою маму, тебя и твою маму ему было плевать! Впрочем, подозреваю, что твоя мама была в этом смысле умней моей: моя его любила, а твоя просто использовала для собственной выгоды. Как и тебя.

– Замолчи! – взвилась Лана, вскакивая с места. – Ты ничего не знаешь о моей семье!

– Я знаю, что твоя мать соврала ему, сказав, что ждет сына, – безжалостно припечатала Марта. – Потому он и бросил мою: он всегда хотел сына, а она после рождения меня уже была недостаточно здорова, чтобы рожать еще одного ребенка. Он бы и твою бросил потом, но к тому моменту поднялся так высоко, что новый развод больно ударил бы по его репутации. Пришлось смириться с ее ложью и нежеланием рожать других детей.

Теперь уже в груди болело все, а злые слезы жгли глаза. Потому что Лане нечего было возразить на эти обвинения, но слышать их было горько и обидно.

– Хреновая была идея – прийти сюда, – прошипела она, стараясь не дать волю слезам. – Ты всегда будешь ненавидеть его за совершенные ошибки. И меня заодно, потому что из-за меня он тебя бросил!

Марта мгновенно изменилась в лице, словно опомнилась. На лбу появилась горестная складка, в глазах – чувство вины. Она протянула к сестре руку:

– Лана, прости, я не хотела. Конечно, ты не виновата. Как не виновата в том, что все равно его любишь...

– Оставь меня! – Лана оттолкнула ее руку. – Знаешь, я благодарна тебе за помощь, но, пожалуй, нам стоит вернуться к прежней дистанции. Мы не семья. Никогда ею не будем. У нас просто общий отец. И того ты ненавидишь. Так что забудь.

– Лана...

– Забудь, я сказала! – выкрикнула Лана сквозь слезы, уже на пути к входной двери.

Из которой она вылетела, как пробка из бутылки перегретого игристого вина.

На здание Легиона, возвышающееся посреди огромной площади в относительном центре города, наложено не меньше сотни защитных заклятий. Как минимум треть из них направлена на предотвращение прослушивания, поэтому здесь всегда тихо, как в гробу. Стоит оказаться одной в коридоре или кабинете, и создается впечатление, что весь окружающий мир вымер. Или ты провалилась в черную дыру.

Когда-то давно, когда Хильда еще жила по другую сторону Занавеси, ей в школе рассказывали о таких штуках. Очень массивные космические тела, поглощающие все, даже свет. Пожалуй, огромное уродливое здание Легиона из серого камня действительно могло считаться такой дырой. Хильда чувствовала, что несколько лет назад оно поглотило ее вместе со светом.

Секретаря в приемной старшего легионера столицы уже не было, но приоткрытая дверь в кабинет и горящий внутри свет красноречиво свидетельствовали о том, что сам глава Легиона все еще находится на рабочем месте. Хильда без церемоний вошла, лишь на секунду притормозив, чтобы дважды стукнуть костяшками пальцев о косяк, сообщая о своем визите.

– Дилан? – позвала она, когда не обнаружила начальника за рабочим столом.

– Я здесь, – тихо отозвался он откуда-то из угла огромного помещения.

Оказалось, он пристроился с кипой бумаг на небольшом диване, повесив в воздухе над собой яркий световой шар. Когда Хильда нашла его взглядом, Дилан жестом подозвал ее к себе, свободной рукой перемещая бумаги и папки на стоявший рядом столик.

– Что у тебя? – устало поинтересовался он, потирая и без того красные глаза.

– Ни-чего, – по слогам выдохнула Хильда и плюхнулась рядом, откинула голову на спинку дивана и прикрыла глаза. – Ты ошибся, Дилан. Когда-то ты сказал, что из меня выйдет прекрасный следователь, но ничего не вышло. У меня ноль зацепок. Просто ноль. Эксперименты с развоплощенными ни к чему не привели. Или они действительно все ревоплотились, или с Анной Вест произошло что-то другое. Кстати, проверила ритуал на ней еще раз. Результат тот же.

– Ты слишком строга к себе, – отмахнулся Дилан. – У тебя самый высокий процент раскрываемости среди следователей, так что дело не в тебе. Мы столкнулись с чем-то, с чем до сих пор не имел дела никто.

Заявив это, он протянул ей папку, внутри которой лежали пара десятков региональных отчетов, а сверху лист бумаги, на котором его почерком был составлен список как раз из двадцати названий городов и поселений.

– Что это? – не поняла Хильда.

– Аналогичные случаи. Анна Вест не единственная. Это происходит по всей территории. Здесь отчеты о телах, найденных за последние две недели. У всех одно и то же: черные глаза, замедленное разложение.

Она посмотрела на него со смесью недоверия и ужаса. Дилан только спокойно кивнул, как бы подтверждая, что она не ослышалась и нет, это не дурацкая шутка. К каким он все равно был несклонен.

– С завтрашнего дня начнет работать расширенная следственная группа, ты ее возглавишь. Я уже дал распоряжение региональным отделам проверить все заявления об исчезновении людей, отклоненные по той же причине, что и в случае с Анной. Боюсь, на самом деле жертв больше. Просто могли найти не всех.

Хильда нахмурилась и потерла рукой лоб.

– Какие-то признаки завуалированных посланий на месте обнаружения других жертв?

– Никаких. Места ничем не примечательны. Но Анна, судя по всему, была первой, если только не найдут новые жертвы среди пропавших раньше.

– Дилан, что происходит? Кто это делает? И зачем?

– Это нам всем и предстоит выяснить, – хмыкнул он. – Делу отныне дан максимальный приоритет.

– Ты уже сообщил королю?

– Да, я был у него. Он крайне обеспокоен происходящим, просил держать его в курсе и информировать немедленно о любых новостях. Самое странное, что темного следа нет ни в одном из случаев, даже когда тело найдено практически сразу.

– Серый поток? – тихо уточнила Хильда. – Когда-то Сорроу объяснял нам, что хаос всегда стремится к порядку. И если уж королю досталась сила его потока, то хаос должен это чем-то уравновесить. Раньше Сорроу уравновешивала доктор Вилар, но после ее смерти он остался единственным носителем серого потока, а по его собственной теории так не может быть всегда. Что если появился новый серый маг?

– И сразу кинулся убивать женщин – а среди жертв только женщины – каким-то неведомым нам способом? – с сомнением уточнил Дилан. – Маловероятно.

– Но не невозможно.

С этим он не мог поспорить, хотя и надеялся, что это не так. Поток энергии хаоса, который Норд Сорроу десять лет назад условно окрестил «серым», мощнее демонической силы темных, но в отличие от нее не оставляет следа. Его носителя не вычислить, а сразиться с ним сможет разве что сам король, что во всех смыслах является плохой идеей.

– Не представляю, как мы будем его ловить, – озвучила Хильда его мысли. – Или хотя бы искать.

– Будем хвататься за соломинки, – вздохнул Дилан, доставая еще одну папку. Совсем тоненькую. – Я тут пытался вспомнить, откуда могу знать этого Братта. Начал искать по нему информацию... И

оказалось, что не существует никакого Рейна Братта.

– Как это?

Хильда заглянула в папку, где лежало всего несколько справок.

– А вот так. Он явился из небытия три года назад, когда пришел преподавать в СКА. До этого человека с таким именем и датой рождения не существовало.

– Сменил имя? – предположила Хильда.

– И носит иллюзию.

– Это еще ничего не значит. Когда-то наш общий венценосный приятель тоже носил иллюзию и жил под именем Яна Нормана. Но он не был преступником и не замыслил ничего дурного.

– Раз на раз не приходится, Хильда. Когда я вижу сочетание иллюзии и смены имени, я вижу попытку спрятать прошлое. И часто это не означает ничего хорошего. Учитывая, что именно он обнаружил тело Анны, его нужно проверить.

– Он там был, но его туда привела Лана Лерой, – напомнила Хильда.

– Это они нам так сказали, а как было на самом деле – неизвестно. Лана не дала внятных объяснений, откуда знала про Эспикур. Может быть, она его просто прикрывает...

Дилан осекся, нахмурился и покосился на нее с подозрением:

– Откуда такое нежелание его подозревать?

– Он друг Марты Бренон, – вздохнула Хильда. – Близкий друг.

– Марта – это твоя подруга, она же сестра Ланы?

– Да. И еще она была невестой Виктора.

– О, вот как, – едва слышно выдохнул Дилан.

– Да, так мы с ней и познакомились. Они собирались пожениться, Виктор уже готовился перевестись в следователи.

– Помню.

– А погиб, меня спасая, – с горечью закончила Хильда. – Потому что я отвлеклась на задержании.

– Он был в тебя влюблен еще с академии, – напомнил Дилан.

– Это было давно. С тех пор он в кого только ни влюблялся.

– Первая любовь не ржавеет.

Хильда повернулась к нему, но вместо взгляда поймала лишь резко очерченный на фоне света шара профиль. О том, насколько он прав, она знала не понаслышке. Ее сердце до сих пор билось быстрее в его присутствии, хотя они давно расстались. По ее же инициативе. Она думала, будет проще оставить все в прошлом, но так и не смогла.

– Почему ты до сих пор тут сидишь? – поинтересовалась она, радикально меняя тему.

– Потому что дома меня никто не ждет.

– Четыре года прошло, Дилан. Пора уже обзавестись новыми отношениями.

Он прикрыл глаза и невесело рассмеялся.

– Может, ты мне еще и девушку подыщешь?

– А чего тут искать? – в тон ему усмехнулась Хильда. – Вот, Марта. Красивая, умная, как ты любишь. И к легионерам явно равнодушна.

– Нет уж, спасибо, – фыркнул он. – Я еще пока жду.

– Чего?

Он резко повернулся, наконец ловя ее взгляд и теперь уже не отпуская его.

- Что ты перебесишься и одумаешься.

- Дилан...

- Что - Дилан? Я уже сорок лет Дилан, Хильда. Я смирился с тем, что ты ушла без объяснений, но их отсутствие дает мне надежду. Хочешь, чтобы я ее похоронил? Просто скажи, глядя мне в глаза, что разлюбила и это уже навсегда. Скажи так, чтобы я поверил.

Она долго не отводила взгляд от его глаз, тяжело дыша. Даже открыла рот, отчего его сердце пропустило удар, но слова так и не были произнесены.

- Мне пора, - заявила Хильда, отворачиваясь и поднимаясь с дивана. - Завтра будет тяжелый день. И подозреваю, что в ближайшее время он будет не один такой. Надо отдохнуть.

- Отдохни, конечно, - спокойно согласился Дилан.

Его голос прозвучал слишком отстраненно, словно секунду назад он не пытался снова выяснить с ней отношения.

- Грядет что-то страшное, Хильда, помни мое слово.

- Тогда нам всем не мешает отдохнуть, - заметила она, не оборачиваясь. - Увидимся завтра.

Стоило ей выйти за дверь, как шорох ее шагов моментально стих, проваливаясь в черную дыру заглушающих заклятий. Дилан сполз ниже и откинул голову на спинку дивана. По его губам скользнула слабая улыбка.

- Увидимся.

Глава 14

После чаепития с сестрой Лана еще долго кипела праведным гневом. Все сложилось совсем не так, как она рассчитывала, и от этого, кажется, было еще больнее, чем от всех сказанных слов.

Нет, Лана прекрасно знала, что ее семья не идеальна, но так жили многие в ее окружении. Отцы строили империи или пробивались в политике, матери в основном наслаждались светской жизнью, но иногда тоже занимались каким-нибудь делом, часто связанным с искусством или модой, а дети были предоставлены няням, гувернанткам и самим себе. Учились в закрытых школах, из которых переключивались в не менее закрытый Лекс. Зато они всегда получали все, что пожелают, и могли творить все, что вздумается. Никому из них не приходилось в ужасе метаться из стороны в сторону в поисках денег на лечебные снадобья. Разве не здорово?

Да, только теперь Лана потеряла все привилегии своего происхождения, а взамен ничего не получила. Отец в тюрьме, мать в бегах, а она, как и всю свою жизнь, одна. От осознания этого внутри все переворачивалось и завязывалось в тугую узел. Хотелось закричать и совершить какое-нибудь безумство. Напиться где-нибудь в веселой компании, что-нибудь разрушить, а потом показать всем неприличный жест и заявить:

– А вот ничего вы мне не сделаете!

Но этого Лана теперь тоже была лишена, поэтому попыталась дать выход кипучей энергии через учебу. Ее хватило минут на пятнадцать, после чего она со стоном повалилась на кровать и уставилась в потолок.

А что, лежать и страдать – тоже вариант. Не так весело, как попойка с друзьями, но и не так скучно, как бессмысленная учеба. Лана успела разочароваться в журналистике и решить, что это весьма бессмысленный способ покончить с королем. То ли дело сны... А сейчас покончить с королем хотелось как никогда сильно. Кто-то же должен ответить за то, что ей так плохо!

– Вот только как? – пробормотала Лана, глядя в потолок. – Как мне до тебя добраться?

Чтобы проникнуть в сон короля, нужно получить доступ хотя бы к его подушке, если не к постели. И как это сделать? Проникнуть во дворец? Заплатить кому-то, кто там работает, чтобы ей выкрали подушку? Ну да, а деньги она где возьмет? Марта выдает ей на карманные расходы, но для подкупа таких сумм недостаточно.

Имелся и другой вариант. Погрузившись в сон Веры, она вскоре перешла из него на другую территорию. Тогда ей показалось, что это сон мертвой русалки. Точнее, то, что от них осталось в сонной субреальности. Почему она так решила, Лана и сама не знала. Просто это напомнило ей о том, как она уснула в подвале сгоревшего дома, на том самом месте, где когда-то спала русалка.

Но Братт сказал, что такое невозможно. Ткань сновидений не может существовать так долго без подпитки. Тогда в чей сон она погрузилась? Вывод напрашивался один: в сон Найта Фарлага, на чьей подушке она ни разу не спала. Из этого следовало, что, выйдя за пределы собственного сна, можно попасть куда угодно. В том числе в любой чужой сон. Если только найти этого человека в мире сновидений. С Фарлагом такое получилось случайно, но если она поймет, как это делать...

Лана снова застонала, закрывая лицо руками. Еще раз соваться в омут, не зная брода, не хотелось. Даже если брошь действительно поможет просыпаться при необходимости, кто знает, какие еще опасности таит в себе тот мир? Ей нужен учитель. Наставник.

Внезапное воспоминание заставило Лану сесть, словно она уже приготовилась куда-то бежать.

Рассказывая о снохождении, Братт упомянул, что с его помощью можно положить в голову человека какую-то идею. Может быть, снова проникнув в его сон, она сможет убедить куратора помочь ей с обучением?

Лана тут же отбросила эту мысль. Не прокатит, он раскусит ее. Очень уж хорошо Братт владеет темой и ориентируется в сновидениях. Даже если потом не будет помнить о вторжении, испытывав неожиданное желание ее учить, он может заподозрить неладное.

Сильно огорчиться Лана не успела, поскольку на смену этой идее тут же пришла другая. Куратор также говорил, что на территории сна ему трудно противиться расспросам, даже если он осознает происходящее. А еще упоминал, что знает так много о снохождении потому, что общался с человеком, который искал в свое время сноходцев. Если она узнает у него имя этого человека, – а во сне Братта она его узнает, – то сможет обратиться к нему. Судя по всему, он не испытывает такого пиетета перед законом и может взяться за обучение. В обмен на пару услуг сноходца с ее стороны. Это будет честная сделка, даже деньги не понадобятся.

Оставалась мелочь: снова поспать на подушке Братта. Но ее-то выкрасть куда легче. Должно быть. Сегодня выходной, и он наверняка проводит день в объятиях невесты.

План созрел в считанные минуты. Лана вскочила с кровати, с трудом запихнула собственную подушку в сумку-артефакт, уменьшающую размеры вещей, и торопливо выскользнула из комнаты.

По пути к комнатам преподавателей ей никто не попался, что было ожидаемо: по выходным академия пустела. Добравшись до нужной двери, Лана постучала, пытаясь унять сердцебиение и заодно придумать более или менее удобоваримый предлог своего визита на случай, если Братт все же окажется там.

Не придумала, но и не понадобилось: на стук никто не ответил. Лана дернула ручку, убеждаясь в том, что дверь не заперта. В СКА никто не запирался. Бросив быстрый взгляд по сторонам и убедившись, что коридор пуст, юркнула в комнату, быстро захлопнула за собой дверь и привалилась к ней спиной, тяжело дыша. Словно она сюда бежала, а не кралась.

«Ты очень пожалеешь об этом», – мелькнула в голове непрошенная мысль.

«Мне не привыкать», – тут же отмахнулась Лана.

Делать и потом жалеть – это ее конек, но она просто не могла сейчас поступить иначе. Да, вламываться в чужое жилье и красть (пусть даже всего лишь подушку) – так низко она еще не падала, но ситуация требовала.

Лана чуть ли не бегом пересекла комнату, завернула за ширму, убедилась, что постель куратора уже полностью убрана. На мгновение замерла: накатили воспоминания о том, как они лежали здесь вдвоем всего несколько часов назад. Он даже не коснулся ее, но Лана вспомнила тепло простыней и запах шампуня от подушки и закусил губу. Фантазия не к месту ожила, рождая в голове совершенно неуместные образы, которые пришлось прогнать усилием воли. Только этого сейчас не хватало.

Лана присела на корточки у кровати, дрожащими руками принялась вытаскивать свою подушку из сумки. Сумка не была предназначена для предметов такого размера, поэтому упиралась и сопротивлялась, а руки дрожали все сильнее и тянули несчастную подушку нервно, дергано и не всегда эффективно. Лане все казалось, что в любую секунду дверь может распахнуться, и ее застанут за этим занятием.

«Не застанут, – мысленно твердила она себе, – его нет в академии».

Подушка наконец вылезла, освобождая в сумке место. Лана торопливо встряхнула подушку Братта из наволочки, натянула ее на свою, положила на место, поправив потревоженное в процессе одеяло, и принялась запихивать добычу в сумку.

Когда дело почти было сделано, Лана услышала голоса прямо за дверью, и в следующее мгновение та распахнулась, легонько щелкнув замком.

– Я уверен, она пошла куда-нибудь развлекаться, – произнес Братт, входя в свою комнату.

Лану окатило ледяной волной, от которой почему-то бросило в жар. Она инстинктивно рухнула на пол, прижимаясь к нему всем телом, чтобы ее силуэт случайно не разглядели за ширмой на фоне окна, в которое беспощадно светило солнце.

– Возможно, – согласился голос Марты. Очень опечаленный голос. – Но хочется убедиться, что она не наделает глупостей... Боги, зачем я все это на нее вывалила?! Дура.

– Не вини себя, – мягко возразил Братт. – Ты тоже имеешь право на эмоции, иногда полезно их выплеснуть. Иначе однажды ты просто взорвешься.

Было слышно, как Марта тихо хмыкнула.

– Мы ее найдем, вы поговорите, все будет хорошо, – с нажимом произнес Братт.

Лана слышала, что он ходит по комнате, шуршит какими-то бумагами, выдвигает и задвигает ящики стола. Вероятно, принес какие-то документы. Она лихорадочно соображала, что делать, как ей теперь выбраться, но тут куратор все решил за нее, снова открыв дверь и бросив Марте короткое:

– Идем.

Дверь захлопнулась, и в комнате снова повисла тишина. Несколько секунд спустя Лана выдохнула, осознав, что задерживает дыхание. Затаилась еще на несколько секунд, парализованная страхом возможного разоблачения, но потом заставила себя шевелиться. Запихнула подушку в сумку до конца, выбралась из своего укрытия и в несколько стремительных шагов пересекла комнату. Забыв

об осторожности, приоткрыла дверь, выскользнула в щель и торопливо закрыла ее.

Снова выдохнула, оказавшись в коридоре. Получилось! А ведь почти попалась...

Лана повернулась, намереваясь вернуться к себе, и едва не закричала, уткнувшись носом в широкую грудь Братта. Она дернулась назад, поднимая на него перепуганный взгляд.

– Вот ты где, а сестра тебя по всей академии ищет, – сообщил он, улыбаясь. И тут же нахмурился, видя ее состояние. – Все в порядке?

Лана только медленно кивнула. Сердце натурально пыталось выбраться из груди, в голове метались мысли, пытаясь придумать хоть какое-то объяснение происходящего.

– Ты ко мне шла? – подсказал Братт. – Чем-то еще могу тебе помочь?

Лана моргнула. Кажется, он не видел, как она вышла из его комнаты. Вероятно, решил, что она только пришла, не нашла его и собралась уходить.

– Да, – выдохнула она, пытаясь поймать за хвост хотя бы одну связную мысль.

– И что опять случилось? Я знаю, что вы поссорились с сестрой, Марта очень переживает...

– Нет, дело не в этом, – отмахнулась Лана. – Это ерунда, бывает, пусть не парится...

– Тогда в чем дело?

Взгляд Ланы метался из стороны в сторону, она продолжала тяжело дышать и понимала только одно: причина ее визита должна быть очень волнительной, чтобы объяснить такое ее состояние.

– Фарлаг, – наконец выдавила она. – Я написала ему письмо. Насчет моего сна. Если он ответит, хочу еще раз попробовать погрузиться в тот сон...

Братт нахмурился.

– Лана, мы же договорились...

– Нет, мы ни о чем не договаривались, – мотнула она головой. – Мне кажется, этот сон важен. И то, что в нем произошло с Фарлагом, тоже важно. Что, если ему грозит какая-то опасность? Я не хочу потом жалеть о том, что ничего не сделала. Вот. Просто решила, что вы должны знать.

Куратор сокрушенно покачал головой.

– Лана, что же ты творишь? – пробормотал он, прикрывая глаза. А потом серьезно на нее посмотрел. – Если он ответит и ты соберешься к нему, скажи мне, ладно? Я пойду с тобой.

Она удивленно приподняла брови.

– Зачем? Разве это не сделает вас соучастником преступления?

Он слабо улыбнулся.

– В один прекрасный день погубишь нас обоих. Но если что-то пойдет не так, я хотя бы смогу тебя подстраховать.

Лана кивнула. Она была не против подстраховки.

Разговор у дверей комнаты едва не заставил Лану передумать. Если куратор готов еще немножечко влипнуть в эту историю вместе с ней, то, возможно, позже он и на остальное согласится, добровольно. Все-таки снова погружаться в чужой сон было немного страшновато, не говоря уже о том, что выпытывать обманом информацию у того, кто тебе и так помогает, не очень-то достойно.

Но ближе к вечеру она все равно вернулась к исходному плану. В конце концов, у нее просто нет теперь другой подушки. И нет времени ждать, когда Братт созреет. А если Фарлаг не ответит, сочтя ее письмо дурацкой шуткой или просто не желая теперь мारаться об общение с кем-то из Лероев? Да и тому, ради чего она хочет проникнуть в сон короля, Братт ни за что не станет ее учить.

А тот, кто специально искал сноходцев для каких-то явно не слишком законных дел, станет, кем бы он ни был.

– Ты так смотришь на свою подушку, словно из нее в любой момент может выскочить монстр, – со смешком заметила Вивьен, когда они укладывались.

Лана изобразила улыбку.

– В каком-то смысле это действительно так.

Вивьен тут же посерьезнела.

– Лана, ты хоть кому-нибудь рассказала о своих кошмарах? Это ведь не шутка.

– Не беспокойся. Куратор в курсе. Он показал мне, как защититься.

– А причину не объяснил?

Лана дернула плечом, отворачиваясь, чтобы не смотреть на соседку. И после небольшой паузы залезла под одеяло.

– Он считает, что произошедшее – невозможно. То есть я не должна была плевать водой.

– Но ты плевалась.

– Я знаю.

– А он?

– И он тоже.

– И что он сказал?

– Что так не должно быть.

– Дурдом какой-то, – фыркнула Вивьен и перевернулась на бок. – Спокойной ночи. Постарайся не орать.

– Постараюсь. Спокойной, – отозвалась Лана, осторожно опуская голову на подушку.

«Так, думай о хорошем, – приказала она себе. – Постараемся в этот раз обойтись без кошмаров».

Братт сказал, что антураж сна – это совместное творчество. Его образы, но она может влиять на то, какие именно всплывут. Нужно что-то нейтральное, чтобы он счел это обычным сном. Точно не сад рядом с Домом Риддик – это родит ненужные ассоциации. И не «Сияние»: с него обычно начинаются ее кошмары.

«Академия, – решила Лана, закрывая глаза. – Пусть это будет академия. Его кабинет, например, или аудитория. Ведь повседневные вещи часто сняты... Это не вызовет подозрений».

Она честно старалась думать о его кабинете. Вспоминала, как он привел ее туда первый раз. Потом мысли ее перекинулись на их разговор, состоявшийся где-то между аудиториями, когда он прогнал старосту с ее претензиями. Следом всплыло воспоминание о том, как он поймал ее сегодня у двери своей комнаты.

Лана заворочалась, меняя левый бок на правый, уткнулась лицом в подушку, неосознанно с силой втянула ноздрями воздух, пытаясь уловить его запах, но ничего не вышло. Запах хранила наволочка, а их она поменяла, поскольку они отличались. Сердце забилось быстрее, отчего-то болезненно ное. Лана подняла руку, коснулась ею мягкой ткани, погладила, сквозь дремоту чувствуя, как куда-то проваливается.

Постель под ней колыхнулась, чьи-то руки вдруг сгребли в охапку, Лану прижало к другому телу. Она еще не успела распахнуть глаза, пытаясь понять, что происходит, а горячие требовательные губы уже накрыли ее рот.

Поцелуй оказался столь же жарким, сколь и неожиданным. Лана ответила на него прежде, чем ее сознание догнало происходящее. Только тогда глаза наконец открылись, а поцелуй внезапно прервался.

Прямо перед ней было лицо куратора, и она определенно смотрела на него снизу, голова ее покоилась на подушке, но подушка эта лежала не на ее узкой одноместной кровати. И это совершенно точно был не рабочий кабинет.

Братт выглядел так же, как и прошлым утром: взъерошенным и немного растерянным, на нем была та же футболка, а на Лане – ночная рубашка и халат, в которых она к нему пришла.

Его пальцы скользнули по ее щеке, то ли просто пробуя на ощупь, то ли осторожно лаская. Лана закусилась нижней губой, тяжела дыша и понимая, что попала. Но почему-то ее это совершенно не расстраивало.

Кончики пальцев тем временем коснулись ее губ, и, словно повинуясь молчаливому приказу, Лана раскрыла их еще до того, как Братт вновь наклонился к ней, целуя на этот раз медленнее, более вдумчиво. Рука его скользнула ниже, сначала к бедру, а потом снова поднялась выше, сжимая грудь.

У Ланы вырвался произвольный стон и тут же утонул в поцелуе. Руки потянулись к его плечам, скользнули по ним, чувствуя, как под тканью футболки перекачиваются крепкие мышцы. Прервав поцелуй, она оттолкнула куратора, но лишь для того, чтобы повалить его на спину и оказаться сверху. Она тут сноходец, поэтому имеет право взять на себя инициативу. Для чего, собственно, пришла в этот сон, Лана уже и не помнила, наклоняясь к Братту, запуская пальцы в короткие темные волосы и целуя его настойчивей.

Внезапная мысль обожгла сознание, заставив ее дрогнуть и снова отстраниться. Кто она сегодня? Кого он видит, целуя ее? Саму Лану? Или свою невесту?

Она села прямее, задышавшись, откидывая назад волосы и глядя на него сквозь сумерки раннего утра, как и накануне в реальности.

По лицу Братта скользнули недоумение и разочарование. Он тоже сел, крепко обнимая ее, словно боялся, что иначе она сейчас встанет и уйдет, снова потянувшись к губам, но она отпрянула, тяжело сглотнув.

– Лана, пожалуйста... – хрипло выдохнул он.

Лана... Нет, он видит ее, а не какую-то там невесту!

Она улыбнулась, снова обнимая его за плечи и целуя, а потом уверенно стаскивая с него футболку, прижимаясь теснее к теперь обнаженному телу. На этот раз стон вырвался у него. Все было так реально, словно происходило на самом деле.

– Боги... хоть бы ты мне просто снилась... – пробормотал Братт, скользя губами по ее шее к впадинке под горлом, щекоча дыханием.

– А что еще это может быть? – прошептала Лана. Где-то на окраине сознания замаячила, дрыгая лапками, мысль, но сосредоточиться на ней она не смогла.

– Ничего, – улыбнулся он. – Ты бы не пришла в такой сон сознательно... Ты бы не пришла...

– Даже если бы умела?

Она отстранилась. Мысли прояснились, хотя это и было не просто. Его взгляд, его запах, их перемешанные дыхания, разгорающийся жар там, где их тела продолжали соприкасаться, – все отвлекало, но Лана все же вспомнила, с какой целью пришла в этот сон.

– Даже если бы умела, – кивнул Братт, томительно медленно стягивая халат с ее плеч.

– Откуда ты так много знаешь о снах?

– Я когда-то учился по ним ходить, – признался он, прежде чем приникнуть губами к обнаженному плечу.

Его пальцы уже потянули тонкую лямку ночной сорочки, снова насылая туман на ее мысли, но Лана все-таки спросила:

– У кого?

– У Марка Аранта.

Лана улыбнулась. Вот и все, дело сделано, можно и...

– Что это? – в его голосе прозвучало недоумение, но она каким-то образом почувствовала, что сейчас оно перерастет в гнев. Отпрянула, чтобы выяснить, в чем дело.

Пальцы, потянувшиеся ко второй лямке, зацепились за приколотую к ночной рубашке брошь. Маленькую изящную розу.

Братт поднял глаза, встречаясь с ее взглядом. В его собственном отразилось понимание.

– Лана...

– Прости. И забудь этот сон, – в отчаянии приказала она. – Это просто сон.

Не давая ему времени на реакцию, Лана коснулась розы и в следующее мгновение открыла глаза в темноте собственной спальни.

Она все еще тяжело дышала и чувствовала возбуждение, накатившее во сне. Ей оставалось только гадать: проснулся ли Братт одновременно с ней и будет ли он помнить их общий сон так же ярко и отчетливо, как она сама.

Глава 15

Утром Лана вновь проснулась без подушки: та была для верности закинута на стул. Шею ломило, Вивьен косилась на нее с подозрением. Хотя соседка ничего не говорила, Лана все равно решила, что надо бы купить себе запасную подушку. Чужую она будет просто прятать в сумку. Мысль о том, чтобы снова проникнуть в комнату куратора и поменять подушки обратно, пугала ее до ступора.

На завтрак Лана не пошла, смалодушничала. Конечно, шансов встретиться с куратором на завтраке в выходной день крайне мало, но ей не хотелось рисковать, поэтому она убедила себя в том, что не голодна. К тому же ей срочно требовалось найти Аранта.

Вариантов, где его искать, было не так уж много: единственная ниточка тянулась от клуба «Сияние», но открывался тот только вечером, а ждать до вечера Лана категорически не могла.

Решив все же попытать счастья, она дошла до клуба, где ее ожидаемо встретила запертая дверь. На настойчивый – почти истеричный – стук откуда-то из недр здания вышел охранник, по непонятной причине одетый почти так же, как и все члены Ковена.

Причина вскоре стала ясна. Молча выслушав путанные объяснения Ланы о том, что ей срочно нужно найти Марка Аранта или того, кто может знать, как его найти, охранник, не говоря ни слова, поманил ее за собой. Уже примерно на середине пустого и почти полностью объятого темнотой зала Лана пожалела, что пошла за ним, и едва не бросилась бежать прочь. Удержалась, и как оказалось – не зря.

Охранник довел ее до технической лестницы, на которую вела дверь с табличкой «Только для персонала», и отрывисто велел:

– Второй этаж, третья дверь направо.

Лана только ошарашено кивнула и последовала в заданном направлении.

Арант действительно обнаружился в указанном кабинете. Его пиджак покоился на спинке кресла, верхние пуговицы сегодня ослепительно белой рубашки были расстегнуты, рукава закатаны до локтя. Длинные волосы стянуты на затылке в аккуратный хвост, чтобы не мешали. Сам Арант сидел за письменным столом, склонившись над какими-то бумагами.

Лана от неожиданности позабыла обо всех правилах приличия, поэтому даже не постучалась, а дверь открылась практически беззвучно, поэтому почти минуту хозяин кабинета – а Арант выглядел именно как его хозяин – не знал о ее вторжении. Она сама теперь не знала, как о нем объявить.

Наконец он заметил ее боковым зрением, вскинул голову, устремляя на нее взгляд почти черных глаз. Лана непроизвольно вздрогнула.

– Я... – от волнения голос сорвался и даже этот незамысловатый звук прозвучал хрипло.

– Лана Лерой, – закончил за нее Арант, бросая ручку и откидываясь на спинку кресла. – Я знаю. Проходи.

– Откуда вы меня знаете? – удивилась Лана, делая несколько осторожных шагов к его столу. Он не походил на человека, интересующегося светской хроникой.

По губам Аранта скользнула странная улыбка, словно вопрос его одновременно развеселил и опечалил. Вблизи и при дневном свете стало очевидно, что ему не просто хорошо за сорок, а скорее немного за пятьдесят, но возраст выдавало только лицо. Тело и осанка как будто по-прежнему принадлежали довольно молодому мужчине.

– Ко мне часто обращаются люди, доведенные до отчаяния, – туманно пояснил он. – Поэтому я взял за привычку заранее узнавать своих потенциальных клиентов.

– По-вашему, я в отчаянии? – удивилась Лана, останавливаясь в добрых пяти шагах от его стола.

Арант лениво шевельнул пальцами левой руки – и рядом с ней материализовалось небольшое, но на вид удобное кресло.

– Я глава Темного Ковена. Ко мне обращаются, как к последнему средству. Если ты здесь, то ты в отчаянии. Но честно говоря, я не знаю, чем смогу тебе помочь. Вызволить твоего отца из тюрьмы не в моей власти. Разве что отыскать твою мать...

– Я здесь не из-за родителей, – прервала его Лана, опускаясь в кресло с неестественно прямой спиной.

- Вот как? - он удивленно прищурился. - Надеюсь, что и не из-за сестры?

- Вы знаете Марту? - ему снова удалось ее удивить.

Арант отвел взгляд в сторону.

- Она часто бывает в моем клубе, так что да, видел ее несколько раз.

- Так «Сияние» - ваш клуб? - улыбнулась Лана. Это многое объясняло.

Арант театрально развел руками и выразительно посмотрел на нее.

- А что иначе я бы тут делал? Человеку вроде меня полезно среди прочего иметь какой-то легальный бизнес. Так что тебе нужно от меня, Лана Лерой?

Она набрала в грудь побольше воздуха и на одном дыхании выпалила:

- Недавно у меня открылся дар сноходца. Я бы очень хотела овладеть им, но мне объяснили, что он имеет отношение к запрещенной ментальной магии, поэтому официальным путем я это сделать не могу. Слышала, что вы можете этому обучить.

Густые черные брови удивленно скакнули вверх.

- Вот как? И от кого же ты это слышала?

Лана неловко повела плечами.

- Я обещала этому человеку анонимность.

- Предположим, - пробормотал Арант, явно не убежденный этими словами. - Для чего тебе дар?

Настала очередь Ланы прятать от него взгляд. Она сделала вид, что ее крайне заинтересовал узкий шкаф в углу, и неопределенно махнула рукой.

- Просто. Хочу уметь то, на что способна. Мне кажется, так правильнее. Сейчас дар проявляется стихийно и порой это выглядит страшно. Хотелось бы максимально себя обезопасить...

- Уходи и не трать мое время, - перебил Арант, снова склоняясь над бумагами.

- Что?

- Что слышала. Проваливай. Если считаешь, что сможешь продать мне эту чушь, нам с тобой разговаривать не о чем. Никто не приходит к главному темному магу, чтобы отчего-то там себя обезопасить. Это как привязать себя к демону, чтобы не страшно было вечером выходить на улицу. Давай-давай, иди, девочка.

Лана не шелохнулась, так и сидела с неестественно прямой спиной, глядя на склонившегося над бумагами мужчину. Тот вел себя так, словно ее уже нет.

- Я хочу отомстить, - наконец выдавила она.

Рука Аранта, которой он что-то помечал на листе бумаги, замерла, он снова посмотрел на нее.

- Кому и за что?

- Королю. За то, что он разрушил мою жизнь. И мою семью.

Арант со вздохом вновь откинулся на спинку кресла, сверля ее взглядом, от которого у Ланы сводило судорогой внутренности.

- Вот как, - обронил он целую вечность спустя. - И ты хочешь сделать это через сны? Забраться к нему в голову, узнать его тайны, наслать на него кошмары. Так, да?

Лана только кивнула, потому что под его взглядом даже думать было тяжело, не то что говорить.

- Вообще-то Его Величество Норд Сорроу считает меня своим другом, - заметил Арант отстраненно.

Лана дрогнула. Такой вариант она не учла, а следовало бы. А ну как сейчас Арант запрет ее и вызовет Легион. Вот будет весело! Почему она не подумала об этом до того, как прийти сюда? Да потому что привыкла сначала делать, а потом думать!

- А вы? - хрипло выдохнула она. - Вы считаете себя его другом?

Он вновь долго смотрел на нее и молчал, как будто пытался прочесть ее мысли.

– Знаешь, однажды передо мной уже сидел молодой сноходец. Юноша бледный со взглядом горящим... – Арант усмехнулся. – Он тоже мечтал отомстить за семью, за разрушенную жизнь. В его глазах я видел безумие. Безумие человека, способного опрокинуть мир ради своей мести. В тебе этого нет.

Лана молчала, тяжело дыша и всеми силами пытаясь удержать в груди взбесившееся сердце. Она не знала, что сказать, потому что одновременно хотелось расспросить подробнее о том юноше (могли это быть Братт?) и убедить Аранта, что она настроена более, чем серьезно, но язык присох к небу и совершенно не желал повиноваться.

– Что я с этого буду иметь? – наконец спросил Арант.

Лана облегченно выдохнула. Раз дело дошло до торговли, значит, все выгорит.

– Когда я научусь ходить по снам, я готова выполнить для вас несколько заданий.

Он снова удивленно приподнял брови.

– Каких?

– Ну, я слышала, стихийные сноходцы, не оставляющие следов, вам интересны.

– С этим сложно поспорить, но ты ведь уже понимаешь, что задания могут быть разными. Готова ли ты... скажем, свести с ума или долго мучить совершенно незнакомого тебе человека, который ничего тебе не сделал?

Лана опустила взгляд и до боли сжала переплетенные пальцы рук.

– Я так и думал, – усмехнулся Арант.

– Но я могу быть полезна для добывания информации, – торопливо напомнила Лана. – Это тоже может вам пригодиться.

– Да, пожалуй.

– Только давайте сразу договоримся о количестве услуг. Не хочу, чтобы вы потом считали меня обязанной по гроб жизни.

– Справедливо, – хмыкнул Арант и улыбнулся почти по-отцовски нежно. – Ты молодец. Умеешь заключать сделки. Хорошо, я научу тебя всему необходимому. Взамен ты будешь обязана добыть мне информацию через сны... скажем, пять раз. Такая цена тебя устраивает?

Лана кивнула, стараясь не давать волю улыбке. Все оказалось даже проще, чем она ожидала.

Арант извлек откуда-то картонный прямоугольник и протянул ей.

– Тогда жду тебя сегодня в полночь по этому адресу.

– В полночь? – тут же снова напряглась Лана.

– Детка, мы собираемся заниматься снохождением. Для этого необходимо спать. На первом занятии придется спать в одной постели, так будет удобнее. Потом я дам тебе свою подушку, будешь погружаться в мои сны по договоренности, обучение продолжится в субреальности... Не бойся, девочки твоего возраста меня уже лет пятнадцать как не интересуют. У меня сын тебя старше.

– А вы сами не можете погружаться в мои сны?

– Я не сноходец, милая. Погрузиться в чужой сон могу только с использованием темного потока, а его использование для ментальной магии по-прежнему контролируется Легионом. Так что я могу, но не стану.

Лана кивнула и вскочила с места, думая, как выбраться из академии после отбоя. Арант жестом поторопил ее, давая понять, что она ему мешает, поэтому она поспешила покинуть его кабинет.

Молчаливый охранник выпустил ее на улицу, где она наконец смогла перевести дыхание, гипнотизируя взглядом выданную визитку с адресом.

– Ну и какие у тебя дела с Арантом, позволь полюбопытствовать? – раздался над ее ухом хорошо знакомый голос.

Лана с трудом удержала себя от непроизвольного вскрика, резко обернулась, инстинктивно пряча

карточку в карман штанов, ставших в последнее время ее основной повседневной одеждой.

За ее спиной стоял, широко улыбаясь, Ралм Ле Крок.

– Прости, не хотел тебя напугать, – повинулся он, но лукавая улыбка смазывала впечатление от извинений.

– Ты просто застал меня врасплох, не ожидала здесь кого-нибудь встретить в такое время.

– Так какие у тебя дела с Арантом? – повторил он свой вопрос, заговорщицки к ней наклоняясь.

– С чего ты взял, что у меня с ним какие-то дела? – Лана дернула плечом, пытаясь напустить на себя невинный вид.

Ле Крока он не впечатлил.

– Этот клуб принадлежит ему. Поскольку заведение открывается только вечером, ты едва ли заскакивала сюда пропустить стаканчик с утра пораньше.

– Может быть, я хотела позавтракать, – ухмыльнулась Лана, – и не знала, что здесь закрыто, только охранник меня и просветил.

– Увы, не клеится, – подозрительно прищурившись, парировал Ле Крок. – Я видел, как ты зашла туда добрых четверть часа назад. Вряд ли тебе так долго объясняли, что они закрыты.

Лана сдалась, шумно выдохнув и пожав плечами.

– Прости, не могу сказать. Потому что если скажу, мне придется тебя убить.

– Я так и думал! – почему-то обрадовался он. – Ты влипла в незаконные махинации темных! Какой сюжет...

– Сам-то ты что здесь делаешь? – скрестив руки на груди, требовательно поинтересовалась Лана, отчасти наслаждаясь этой шуточной словесной батальей. – Раз видел, и как я входила, и как вышла.

Его лицо заметно посерьезнело, он взял ее под локоть и увлек прочь от дверей клуба. Ответил только тогда, когда они оказались на другой стороне улицы.

– Ты бы на самом деле была поосторожнее с этим парнем, – понизив голос, заметил он. – Я уже давно к нему присматриваюсь.

– Поэтому и бываешь тут так часто? – догадалась Лана.

– Можно и так сказать. Я провожу небольшое журналистское расследование.

– Насчет Аранта и его Ковена? – в ее голосе прозвучало удивление.

– Ну, я же не только короля разоблачаю, – хмыкнул он. – Ты, кстати, что-то говорила насчет завтрака?

Он приглашающе кивнул на кафе, мимо которого они как раз проходили. Его двери были приветливо распахнуты, а из зала на улицу тянулся аппетитный запах оладий, от которого у Ланы моментально свело живот.

Она позволила заманить себя в маленький скромный зал. Полноватая румяная женщина за стойкой тут же поприветствовала их и предложила садиться, где им больше понравится. Ралм выбрал маленький круглый столик у окна, залитый летним солнцем.

Оказалось, что заведение все еще подает завтрак, но выбрать можно лишь из двух комбинаций. В одной предполагались оладьи с джемом и пресным молодым мягким сыром, а в другой – омлет, жареный бекон и тост. Лана, конечно, отдала предпочтение оладьям, а Ле Крок неожиданно с ней согласился.

– Вообще-то я уже позавтракал, поэтому просто перекушу за компанию.

– Это опасно для фигуры, – рассмеялась Лана.

– Не для моей, – самонадеянно возразил он, и ей осталось только согласиться.

Ле Крок был в прекрасной форме. И с ним ей почему-то было непривычно легко. Он располагал к себе открытой улыбкой и позитивным настроением, но что-то в глубине серых глаз говорило о том, что жизнь его потрепала в свое время. Однако он победил свои обстоятельства. Наверное, это нравилось Лане в нем еще больше.

Как с каждым днем ей все больше нравилось перекусывать в таких вот простых местах, где люди ведут себя естественно, словно друзья, к которым ты внезапно зашел на чай. Даже когда обслуживание немного хромало, Лана не испытывала раздражения, как раньше в местах более дорогих и пафосных.

– Скажи, почему ты ушел в оппозицию? – поинтересовалась она, разрезая пышную оладью и намазывая на кусочек вишневого джема.

В их прошлую встречу Лана так и не решилась об этом спросить, предполагая, что им могли двигать такие же личные мотивы, как и ею.

Однако Ле Крок лишь беззаботно пожал плечами, энергично пережевывая.

– Так интересней, – объяснил он, проглотив. – Слишком многие хвалят короля. Уж не знаю, по старой доброй привычке, как раньше они хвалили канцлера, или из искренних побуждений. А каждый человек должен получать свою долю критики. Иначе он начнет верить в собственную непогрешимость.

Его ответ удивил Лану. Она читала не так уж много статей Ле Крока, но в каждой ей чудилась личная обида на короля, на Легион. Или это были ее собственные обиды, а на Ле Крока она их просто бессознательно переносила?

– Значит, ты ничего не имеешь против Сорроу лично?

На одно короткое мгновение в его взгляде промелькнуло нечто. Лана не успела определить, что именно это было. Гнев? Ярость? Ненависть? Но оно промелькнуло – и тут же погасло. Точнее, его погасили сознательным усилием.

Ле Крок снова улыбнулся.

– Не больше, чем против любого другого, кто мог бы быть на его месте. Все они становятся одинаковыми, когда добираются до самого верха. Ты, наверное, уже совсем не помнишь последнего канцлера, Кролла? Тот еще мерзавец был.

– Значит, ты просто оппозиционер по природе своей? – немного разочаровано протянула Лана.

– А ты думала иначе?

Она неловко пожала плечами и призналась:

– Думала, что тебе он тоже жизнь испортил.

Улыбка померкла, словно сквозь жизнерадостную маску проступило то, что пряталось под ней.

– Ну, моего отца никто не сажал за коррупцию. Просто потому что мои родители погибли, когда я был еще ребенком.

Лане стало стыдно.

– О, прости, пожалуйста, я не знала.

– Ничего, – отмахнулся Ле Крок. – В жизни есть трагедии и пострашней.

Она недоверчиво на него покосилась, но расспрашивать не стала, не хотела еще больше ковырять старые раны. Хотя было очень интересно, что может быть страшнее потери семьи. Лана предпочла сменить тему:

– Так в чем же ты подозреваешь Аранта?

– О, этого парня можно подозревать в чем угодно – и, скорее всего, окажешься прав, – заметно оживился Ле Крок. – Но в настоящий момент я думаю, что он как-то связан с гибелью девушек по всему нашему миру.

Лана едва не поперхнулась и вопросительно уставилась на него.

– Да, – подтвердил он мрачно, – это серия, которая началась с Анны Вест.

– Серия?

– Легион пока успешно это скрывает, но информация уже начала просачиваться. Думаю, еще пара дней – и это будет во всех газетах.

– И ты думаешь, Арант как-то с этим связан? – нахмурилась Лана.

Грядущее «свидание» теперь выглядело еще менее привлекательно.

– Он или кто-то из его Ковена. От всего этого за километр несет темной магией и какими-то ритуалами. Так что, – он снова выразительно посмотрел ей в глаза, – чем бы ты там с ним ни занималась, будь осторожна. Что-то грядет.

Лана с трудом проглотила кусочек оладьи, что уже был у нее во рту, после чего аппетит отбило напрочь. Ле Крок, как ей показалось, осознал свою оплошность и даже попытался отвлечь другими разговорами, но ничего не вышло, поэтому им осталось только расплатиться и снова выйти на улицу.

– Мне нужно вернуться в академию. Меня ждут горы учебных материалов, – с сожалением признала Лана.

Ле Крок кивнул и улыбнулся своей широкой открытой улыбкой.

– Рад был повидаться. Надеюсь, не в последний раз.

Лана вдруг склонила голову набок и игриво уточнила:

– Скажи, а ведь Ралм Ле Крок – это не настоящее имя? Как тебя зовут на самом деле?

– Если я скажу, то потеряю всю свою загадочность, – притворно нахмурился он. – Это не пойдет на пользу делу.

– Да ладно, я же не прошу документы показать. Просто... как мне тебя называть? Ралм – слишком искусственно звучит.

Он помолчал, разглядывая ее лицо и как будто мысленно взвешивая какие-то неведомые ей «за» и «против».

– Можешь звать меня Марком, – наконец предложил он.

– Как Аранта? – хмыкнула она. – Ты это только что придумал?

И вновь сквозь его улыбку что-то проступило, но настолько мимолетно, что Лана не успела определить, что это было.

– Можно и так сказать.

Глава 16

Несмотря на предостережение Ле Крока, на встречу с Арантом Лана все же пошла. Она привыкла к тому, что все и всегда сходит ей с рук, из любой ситуации она умудрялась выйти без потерь. Уверенность в том, что так будет и впредь и в случае чего она всегда сможет за себя постоять, жила в ней и теперь. Исключение из Лекса не смогло ее поколебать.

«А если нет, – подумалось ей, когда она выходила из академии незадолго до закрытия дверей, – и со мной что-то случится... горевать все равно некому».

Чтобы ее не хватились в общежитии, Лана сказала Вивьен, что переночует у сестры.

– Мы поругались вчера, будем мириться, – сообщила она, театрально закатив глаза.

Вивьен только рассмеялась и пожелала ей удачи. Оставалось надеяться, что Марта не нагрянет в общежитие из-за какой-нибудь ерунды. Но вероятность этого стремилась к нулю.

Направляясь к дому Аранта, Лана ужасно нервничала, всю дорогу вспоминая то разговор с Ле Кроком, то затянутые черным глаза Анны Вест.

Однако все предостережения и тревоги оказались напрасны. Арант вел себя безукоризненно вежливо и исключительно деликатно. Он встретил ее полностью одетым как для официального мероприятия и сначала долго объяснял теорию снохождения, от чего у Ланы закружилась голова. После выдал ей книгу, заявив, что там она сможет прочитать обо всем подробнее.

– Только имей в виду, – предостерег он, – что даже само наличие у тебя этой книги – это уже в некотором роде нарушение закона, так что не оставляй ее на виду и читай в одиночестве. И не потеряй, она редкая и дорогая.

Лана обещала, что будет обращаться с книгой очень осторожно.

– Тогда перейдем к практике.

Лана думала, он отведет ее в свою спальню и уложит рядом, как сделал Братт, но вместо этого оказалась в гостевой комнате.

– Здесь моя подушка, – объяснил Арант, указав на левую сторону кровати. – Утром заберешь ее с собой и дальше будешь практиковаться уже из своей спальни. Я буду спать в комнате напротив. Если что-то пойдет не так, подстрахую.

«Говорит прямо как Братт», – мысленно отметила Лана.

– Сегодня ограничимся контролируемым погружением и выходом. Я покажу, как создать точку выхода...

– Это я умею, – призналась Лана. – Уже сделала.

– Вот как? – удивился он. – Кто научил?

– Неважно, – отмахнулась Лана. – Будем считать, что я самоучка.

Арант долго сверлил ее взглядом и наконец кивнул.

– Хорошо. Надеюсь, потом мое участие в твоём обучении ты будешь скрывать с тем же энтузиазмом. Когда попадешься Легиону.

Лана испуганно посмотрела на него, но, увидев едкую ухмылку, поняла, что так глава Темного Ковена шутит.

Единственная вольность, которую он себе позволил, – налил ей бокал темно-бордового вина.

– Чтобы ты расслабилась и быстрее уснула, – объяснил Арант. – Но имей в виду, что этим способом лучше не злоупотреблять. Так и спиться недолго. Лучше засыпать естественным путем. Немало сноходцев подорвали здоровье, искусственно вгоняя себя в состояние сна.

Лана пообещала это учесть.

Погружение в его сон прошло достаточно легко. Уже на территории субреальности Арант показал ей, как направлять магический поток, чтобы менять декорации и воздействовать на сон, находясь внутри него.

– А почему вы осознаете, что сейчас происходит? – поинтересовалась Лана под конец. – Когда я

погружалась в сон подруги, она ничего не поняла.

Этот вопрос волновал ее со второго погружения в сон Братта. Арант лишь развел руками.

– Я засыпал с мыслью о том, что увижу тебя в своем сне, и подготовлен к таким ситуациям. Каждый сноходец учится контролировать собственные сны и распознавать вторжение в них. Для охраны себя, – он демонстративно постучал указательным пальцем по виску, – мне даже темный поток не нужен.

– Этому вы меня тоже научите? – уточнила Лана.

– И этому, и как обманывать во сне человека, готового к проникновению, – улыбнулся он.

Утром Арант накормил ее плотным завтраком и напомнил, что после погружения в чужой сон нужно обязательно высыпаться обычным образом.

– Когда ты в чужом сне, твой мозг не отдыхает. Так что не считай это время сном.

После он отдал ей свою подушку и отправил обратно в академию. Лана решила, что нужно обзавестись артефактом для хранения чужих подушек: как бы сумка ни уменьшала предметы, в ней рано или поздно закончится место, а ведь надо еще где-то носить тетради и учебники.

Так началось ее обучение. Лана мысленно называла это ментальным факультативом, но фактически отдавала этому большую часть свободного времени. Ежедневные (точнее, еженочные) практики с Арантом, чтение выданной им книги, ради которого она постоянно уединялась или в темном углу библиотеки, или у себя в комнате, когда Вивьен отсутствовала. Профильные предметы, программы по которым Лана собиралась догонять, были забыты-заброшены.

И напоминать о них оказалось некому.

После стычки в субботу Марта предпочитала более ровное общение. Они пару раз обедали вместе, но обе старались придерживаться нейтральных тем, чтобы не разругаться снова. Чем-то это напоминало официальные семейные обеды в ресторанах, которые отец время от времени устраивал, чтобы газетчики могли запечатлеть «случайно» подсмотренную семейную идиллию. И Лана неожиданно поняла, что скучает по прежнему теплу в отношении сестры к ней. Только как вернуть его – не знает.

Куратор тоже не торопился приставать к ней с нравоучениями по поводу учебы. Лана вообще его почти не видела. И если первые пару дней ей казалось, что она просто достаточно успешно его избегает, то в середине недели поняла, что успех этот связан с тем, что он тоже ее избегает. Случайно столкнувшись с Ланой в коридоре, Братт лишь рассеянно кивнул, поспешно отводя глаза, и даже не остановился, чтобы о чем-нибудь спросить. Из этого Лана сделала вывод, что он помнит их общий сон частично. И именно часть про Аранта стерлась из его памяти, что ее полностью устраивало.

Сама она вспоминала то волнующее погружение в его сон чуть чаще, чем ежедневно. Мысли воскрешали образы и ощущения каждый вечер, стоило только забраться под одеяло и закрыть глаза. Прогонять их было сложно, но необходимо, чтобы они не мешали занятиям с Арантом. В отместку они возвращались в любой удобный и не очень момент: во время скучных лекций, совместных обедов с новыми подругами, под струями утреннего душа... Лана с трудом сдерживалась, чтобы после занятия с Арантом не поменять подушку на украденную у Братта и не погрузиться в его сон снова, продолжив в нем начатое. Останавливали мысль о его помолвке и страх, что он снова ее раскусит и на этот раз запомнит.

Так и получилось, что на этой неделе она общалась в основном с Арантом, который неожиданно оказался хорошим наставником и относительно приятным в общении человеком. На свой манер. Каждый раз он не торопил ее после официальной части занятия, задерживаясь в субреальности, чтобы ответить на вопросы или просто поболтать.

На пятое дистанционное погружение, в ночь с пятницы на субботу, Арант заявил:

– У тебя прекрасно получается, Лана. Такое чувство, что ты учишься снохождению уже добрых полгода, а не неделю. На выходных отдохни, а на следующей неделе постараемся усложнить задачу: будешь приходить в мои сны, засыпая на своей подушке.

Лана взволнованно встрепелась, сердце в ее груди забилось быстрее, но она постаралась не подать вида. Вот он! Так нужный ей навык!

Чтобы скрыть возбуждение, она лениво откинулась на спинку кресла, распушив волосы и надув губы. Сегодня Арант загонял ее, заставляя вызывать из собственной памяти едва известные ей места, а закончил требованием переместить их в его загородный дом. На ее возражение, что она

там никогда не была, лишь рассмеялся.

– Ты и не должна бывать в таких местах. Твоя задача заставить *меня* увидеть мой загородный дом во сне.

С этим Лана справилась, поэтому теперь они отдыхали в двух плетеных креслах на берегу воображаемого пруда, потягивая не менее воображаемый, но по ощущениям по-настоящему прохладный сок. Место Лане нравилось, она даже не отказалась бы посетить его наяву.

– А разве так можно? – притворилась она удивленной. – Попадать в сон того, на чьей подушке не спишь?

– Если ты хоть раз погружалась в чей-то сон, то при определенной подготовке можешь проникать в сны этого человека в любой момент, – пояснил Арант, щурясь от яркого полуденного солнца, царившего в его сневидении.

– Только если раньше погружалась? – Лана не смогла скрыть разочарования. – А если нет?

Он удивленно покосился на нее.

– Тогда нельзя, конечно. Иначе сноходцев уничтожали бы в младенчестве. Слишком большая власть.

Лана закусила губу, тревожно хмурясь. Арант в конце концов это заметил.

– В чем дело?

– Я уже была во сне человека, на подушке которого никогда не спала.

– Исключено, – отмахнулся Арант. – Это невозможно.

– Но я была! – повторила Лана громче, с нажимом, перегнувшись через ручку кресла к наставнику. – Сначала я погрузилась в сон подруги, потому что спала на ее подушке. А из него попала в сон Найта Фарлага. Это друг семьи, но я никогда не спала на его подушках и никогда до этого не погружалась в его сны.

– Ты уверена, что это был именно его сон?

– Сон был связан с ним, я была самым Фарлагом, а кроме него там присутствовала только русалка, погибшая тридцать лет назад. Там, где спала она, я действительно один раз уснула, но мне сказали, что в субреальности снов след так долго не может сохраняться. Это не Анна Вест, которая умерла совсем недавно...

– Постой, в ее сон ты тоже погружалась? *Так* вы нашли ее тело? – встрепнулся Арант. Его обычная вальяжность моментально рассыпалась.

– Да, с этого все и началось... Хотя какое-то время я думала, что началось как раз с русалки...

Арант резко откинулся на спинку кресла, прервав ее мысль:

– Демон меня заberi! Кто бы мог подумать?

– О чем? – настороженно уточнила Лана.

Он повернулся к ней, на его лице явственно читалась озабоченность. Кажется, он даже побледнел, если только возможно побледнеть во сне, а небо внезапно затянули тучи, полностью скрыв солнце.

– Это не субреальность снов, детка. Ты не обычный сноходец. Судя по всему, тебе дано спускаться на нижний уровень, но это очень... очень опасно.

– Что еще за нижний уровень? – хлопнула глазами Лана. О таком Братт не упоминал.

Арант отвернулся, теперь она снова видела только его резкий профиль. Пальцы нервно барабанили по ручке кресла. Было видно, что он не хочет отвечать, но не может противиться власти сноходца. Для верности Лана надавила на него магией, как он сам же и учил.

– В прежние времена, задолго до ухода магов за Занавесь, многие из нас считали смерть и сон двумя фазами одного явления. Сон – просто временная смерть, погружение сознания на верхний уровень субреальности. Сама смерть – погружение на нижний, откуда нет возврата.

– Это... что-то типа загробного мира, в который верят с той стороны Занавеси? – недоверчиво уточнила Лана. – Рай, ад и все такое?

Арант поморщился.

– Конечно, нет. Маги никогда не верили в подобное. У нас есть магический поток, и нам нет необходимости придумывать себе бессмертную душу, но нас тоже всегда интересовало, что происходит с сознанием после смерти. Кто-то сравнил между собой смерть и сон, мол, во сне сознание тоже куда-то уходит, но потом возвращается. Иногда мы помним о его путешествии, иногда нет. Не суть. Суть в том, что при выходе из строя нашего смертного тела, сознание отправляется туда же, в субреальность снов, но не имея возможности вернуться, постепенно опускается на нижний уровень. И остается там до тех пор, пока не растворится в небытии окончательно.

– То есть это последняя остановка перед погружением в Хаос?

– Да. Тонюсенькая прослойка между нашим миром и первозданным Хаосом.

– И как долго сознание человека может там оставаться?

Арант пожал плечами.

– Никто точно этого не знает. Оттуда нет возврата. Только сноходцы – и только стихийные – могут туда опускаться и подниматься обратно, да и то не все. Учитывая, что стихийные сноходцы – сами по себе редкость, я даже не берусь предположить, сколько магов за все время имели возможность забраться туда. И сколько из них действительно вернулись, а не провалились в Хаос раньше своего срока.

– Значит, на этом нижнем уровне... можно погибнуть? – тихо поинтересовалась Лана, вспоминая, как плевалась водой после сна с русалкой и Фарлагом.

– Шансов на это гораздо больше, чем при обычном снохождении. Обученный сноходец может контролировать сон. Нижний уровень контролировать нельзя.

Арант снова повернулся к ней, глядя почти с сочувствием.

– То, что в тебе проснулся именно такой дар, Лана, очень скверный знак.

– Почему?

– Лет десять назад мы с Сорроу разработали теорию, касающуюся Хаоса. Хаос стремится к порядку, к равновесию. Как только в мире появляется какая-то сила, которая превосходит все и всех, Хаос уравнивает ее. Обычно дает силу своего потока кому-то из магов. С тем же успехом именно Хаос может наделить сноходцев возможностью подбираться так близко к себе. Вопрос в том – для чего? Что именно он пытается тобой уравновесить?

– И кто может знать ответ? – с замиранием сердца спросила Лана.

– Ну, – Арант усмехнулся, – я могу поговорить об этом с королем, устроим еще один мозговой штурм. Десять лет назад это помогло.

– Вы это серьезно? – возмутилась Лана. – Вы не можете ему рассказать про меня! Мы так не договаривались!

Лана осеклась, неожиданно понимая, что сваляла дурака.

– Вы ведь действительно друзья, да?

– Норд Сорроу – самое близкое к понятию друга, что есть в моей жизни.

– Тогда почему вы взяли меня учить, если знали, что я хочу ему отомстить?

Он посмотрел на нее как на неразумного, но умильного ребенка.

– Детка, если бы я хоть на секунду допускал мысль, что ты в состоянии навредить Норду Сорроу, я бы с тобой даже разговаривать не стал. Он только по фактически прожитым годам в два с половиной раза тебя старше. А по опыту и выпавшим на его долю испытаниям, так и вовсе на несколько жизней. В лучшем случае ты сможешь проникнуть в его сон и узнать пару тайн, но и это маловероятно, ведь тебе надо добраться до его подушки. Но даже если доберешься, что это даст? Шантажировать себя он не позволит. Может быть, по доброте душевной пойдет с тобой на какую-нибудь сделку. Может быть, нет. Но если ты попытаешься навредить ему или его семье, он тебя в порошок сотрет, ты даже «мяу» сказать не успеешь. К счастью, наша с тобой сделка никак не зависит от того, сможешь ли ты отомстить. Я взялся тебя учить – и ты уже мне должна. Так что я просто получил в свое распоряжение сноходца, не оставляющего следов. Пригодится рано или поздно.

Лану захлестнула волна возмущения. Он обманул ее! То-то все выглядело таким простым... Какая же она дура!

- Вы... вы просто... - она задохнулась, так и не сумев сформулировать.

- Мерзавец? - с улыбкой подсказал Арант. - Сукин сын? Всю жизнь о себе это слышу.

Она скрестила руки на груди и обиженно насупилась, не зная, что на это ответить. Мерзавец рассмеялся в голос.

- Детка, не куксись. Ты лучше саму себя спроси: действительно ли ты так жаждешь отомстить? Или тобою движет что-то еще?

Вместо ответа Лана коснулась розы на груди и вышла из сна, не прощаясь и твердо намереваясь больше не иметь с Арантом дел.

Но утром наконец пришел ответ от Фарлага. Он приглашал Лану к себе, чтобы обсудить ее письмо.

Глава 17

В свое время Найта Фарлага, сына министра и аристократа с бесконечно длинной родословной, называли самым молодым Мастером Снадобий, проча блестящее будущее в научной карьере. Однако проклятие, которому он подвергся вскоре после свадьбы, едва не поставило крест не только на его профессиональной деятельности, но и жизни. Несколько лет оно медленно, но верно тянуло его в могилу. Поначалу Найт сопротивлялся, но потом сдался.

Тогда он стал самым молодым ректором в истории Лекса. Папа-министр похлопотал, чтобы дать сыну хоть какое-то занятие и причину жить. Но по-настоящему его спасла нечаянная встреча с Тарой Роук, которая приехала в Лекс искать правду о своей погибшей матери. И только через какое-то время они узнали, что их судьбы переплелись задолго до первой встречи.

К любимому делу – улучшению старых рецептов снадобий и созданию новых – Найт вернулся, как только проклятие пало и у него снова появились силы работать в лаборатории. С тех пор он регулярно пропадал там на несколько дней, а то и недель, забыв обо всем на свете. В такие моменты Тара с пониманием устранилась, занимаясь сначала учебой, потом работой, а позже – детьми, и давала мужу возможность полностью погрузиться в мир исследований, расчетов и экспериментов. Она знала, что как только он закончит, на какое-то время снова станет примерным мужем и отцом, посвящающим все свое время семье. До следующего приступа вдохновения.

В этот раз Найт тоже на несколько дней переехал в лабораторию, где работал, ел и спал. Почту ему исправно доставляли вместе с завтраком, но в момент творческого порыва он ее упрямо игнорировал. Невскрытые конверты копились в его кабинете. Тара позволяла себе вскрывать только те, что были адресованы им обоим.

В субботу утром двадцать восьмой вариант рецепта наконец продемонстрировал требуемые свойства, спровоцировав торжествующий возглас хозяина дома. Переписав рецепт начисто, Найт разлил образец по флаконам и должным образом подписал каждый. Потянулся, разминая ноющее тело: с каждым годом сон на диване в лаборатории давался все тяжелее. Оглядел царящий вокруг беспорядок и остановил взгляд на чайнике с остывшим чаем, который подали к завтраку и пока не забрали. Холодный чай он тоже любил, особенно летом, поэтому наполнил себе чашку и сделал несколько глотков. Поморщился, придя к выводу, что холодный чай и давно остывший – не совсем одно и то же, и наконец вышел из лаборатории, собираясь найти жену. Он умирал от желания поделиться с ней очередным достижением. На его счастье, Тара разделяла его страсть к снадобьям. И хотя она не обладала его талантом создавать их, легко могла поддержать разговор и понять рассуждения. Найт считал это крайне ценным.

Однако первой ему повстречалась не жена, а дочь – десятилетняя Марита. Та, радостно хохоча, заставляла маленького вупи ловить солнечных зайчиков посреди коридора. Крошечный круглый комочек шерсти пищал, прыгал, кувыркался через голову, приседал, как заправский охотник, снова прыгал, падал и тут же вскакивал, демонстрируя неиссякаемую энергию.

Найт остановился, упирая руки в бока и недоуменно глядя на переливающийся серебром мельтешащий маленький ураган. Когда он последний раз выходил из лаборатории, ничего подобного в его доме не водилось.

– И откуда взялось это чудо? – пряча улыбку, нарочито строго поинтересовался он.

Марита на секунду отвлеклась от игры, обернулась к нему, тут же изобразила на лице – почти точной копии материнского – недовольную гримасу и отвернулась.

– Кто вы, мужчина? Я вас не знаю! – сообщила она тем непередаваемым тоном, каким дети обычно пытаются копировать взрослых.

– А, вон оно как, – с пониманием протянул Найт. – Намек понятен.

В отличие от Тары, относящейся к его «творческим загулам» с пониманием, Марита каждый раз дулась на отца, когда он, по ее мнению, забывал о ней.

Найт присел на корточки, вытянул руку вперед, призывно шевеля пальцами, как ножками неведомого существа, и издал приглушенный звук, каким обычно подзывали вупи. Тот тут же потерял интерес к зайчику, которого все равно не мог поймать, и принялся охотиться на более крупную и интересную добычу. Добыча далась неожиданно легко, после чего принялась его гладить и почесывать за ухом, от чего пушистый малыш окончательно забалдел и заурчал.

Марита обиженно скрестила руки на груди, надулась и привалилась спиной к стене. Найт подхватил вупи, потерявшего волю от ласк, на руки и почти полностью скопировал ее позу, привалившись к стене рядом с дочерью.

– Ну, прости меня, – повинился он. – Ты же знаешь, я нечасто так делаю...

– Ты все время так делаешь! Четвертый раз в этом году, – ворчливо возразила Марита. – Ты свои кастрюли и пробирки больше меня любишь...

– Ни в коем случае! – возмутился Найт. – Ты даже представить себе не можешь, как сильно я люблю тебя, маму и близнецов.

– Тогда почему ты запираешься в своей лаборатории и забываешь про меня? – проныла Марита, поднимая на него глаза, наполненные вселенской скорбью. Карие глаза и почти черные волосы она унаследовала от него.

– Я про тебя помню, даже когда там запираюсь. Но это моя работа. И иногда она требует много времени и моего полного внимания. Когда-нибудь у тебя тоже будет работа, какое-то дело, которое будет тебя так увлекать, что тебе будет не до меня.

Марита с сомнением нахмурилась, но возражать не стала. Пока ее могло увлечь только чтение, но и то только на пару часов, никак не на сутки.

Но злиться на отца она долго не умела, поэтому сменила гнев на милость, повернулась к Найту и принялась тоже гладить вупи, который и так растекся по большой мужской ладони теплой лужицей незамутненного счастья, свесив по бокам короткие ножки.

– Зато пока ты там сидел, мама разрешила мне завести Соло. Красивый, правда?

– Ослепительно, – хмыкнул Найт. – Кстати, а где мама?

– На пляже, с близнецами. У них пикник.

– А ты почему здесь одна?

– Я не одна, я с Соло! – возразила Марита, посмотрев на него как на дурачка. – И мне не нравится, когда близнецы кидаются песком, а на пляже они больше ничем не занимаются. Особенно когда тебя нет.

– Ну, теперь я есть, так что мы можем пойти к ним вместе. Что скажешь?

Марита важно кивнула и уже повернулась, чтобы бежать к лестнице, но едва не уткнулась в беззвучно подошедшего лакея.

– В чем дело, Эрл? – поинтересовался Найт, уже предчувствуя, что ответ ему не понравится.

– Почта, сэр, – улыбнулся молодой слуга. – Ждет вас в кабинете. Ждет уже давно. И ее очень много.

Найт поморщился, но все же передал Соло Марите со словами:

– Милая, ты иди вперед, а я на пять минут заскочу в кабинет, посмотрю почту и потом сразу к вам присоединюсь, хорошо?

Марита всем своим видом дала понять, что ей этот план не нравится, но все же протянула снисходительное: «Ладно», и вприпрыжку поскакала к лестнице, качая вупи на руках.

Почты действительно оказалось очень много. Десятка два конвертов разных размеров и цветов лежали на небольшом подносе на краю его письменного стола. Найт подхватил поднос и нож для писем и переместился с ними на широкий подоконник огромного окна, выходящего как раз на пляж.

Внизу Тара в легком летнем платье сидела на большом покрывале, раскинутом у самой кромки песка на максимальном удалении от воды. Найт непроизвольно улыбнулся. Жена не могла знать, что он закончит работу именно сегодня утром, но все равно как будто ждала его. Если бы не ждала, разместились бы ближе к воде: там, где нравится ей. Найт, с детства страдающий водобоязнью, никогда не приближался к шуршащим по песку волнам. С тех пор, как эти самые волны вынесли прямо к его ногам бездыханное тело утонувшей матери.

Двое мальчиков-близнецов четырех с половиной лет без остановки бегали вокруг покрывала, действительно время от времени ногами подкидывая песок в воздух. Тот наверняка летел во все стороны. Найт приоткрыл окно, чтобы слышать их звонкий смех. Так, разбирая почту, он мог чувствовать себя ближе к семье, по которой действительно очень соскучился.

Он постоянно поглядывал в окно, пока руки проворно вскрывали конверты привычными движениями. Потом глаза быстро пробежали текст письма, и каждый раз Найт делал мысленную пометку: «Ответ может подождать».

И только когда он добрался до письма Ланы Лерой, происходящее за окном на несколько минут перестало для него существовать. Звуки исчезли – и смех детей, и шум прибоя – а Найт провалился в прошлое, в глухой холодный подвал, в котором остался один на один с сумасшедшей женщиной, на годы превратившей его жизнь в кошмар и собиравшейся сделать то же самое с Тарой.

Никто никогда не верил в то, что он говорил о случившемся там. Найт откинул бывшую жену боевым заклятием к бассейну. Та ударилась о высокий бортик, но мгновенно выпрямилась, собираясь ответить. А потом вдруг вскрикнула от неожиданности. Найт успел рассмотреть лишь бледные руки, обхватившие ее вокруг талии и опрокинувшие в бассейн. Он хорошо помнил еще один крик, прерванный всплеском воды, а вот действительно ли видел хвост, на мгновение мелькнувший над водой, поручиться не мог. Одно он знал наверняка: кто-то утащил его сумасшедшую бывшую жену под воду. Она так и не смогла вынырнуть. Но что именно произошло в бассейне он не знал: боялся воды, а потому не смог заставить себя подойти и заглянуть. Лишь когда прошла пара минут и стало понятно, что его битва закончена, отправился наверх, к Таре.

Все считали, что Аманда упала в бассейн после его удара и сразу захлебнулась, потому и не выплыла. Тара никогда не спорила с его версией, считая, что ему так проще справиться с мыслью об убийстве некогда любимой женщины, но он знал, что она тоже не верит ему. И со временем перестал настаивать. Постепенно события того дня стерлись из памяти, похороненные под новыми впечатлениями, а их с тех пор у него была масса.

И вот сейчас они всплыли на поверхность, как всплывают утопленники. Потому что смутно знакомая девушка написала: «Я видела вас во сне. Видела, как русалка, живущая в бассейне в подвале сгоревшего дома Блэков, схватила вас и утащила под воду. Возможно, вам грозит опасность. Пожалуйста, свяжитесь со мной, если хотите знать больше».

Письмо было написано почти неделю назад. Сердце Найта забило в истерике, ладони мгновенно вспотели. Он перевел взгляд на жену, по-прежнему беззаботно проводящую время на пляже с детьми. Только в этот раз Тара словно почувствовала его взгляд и обернулась на окна кабинета.

Руки написали ответ быстрее, чем Найт успел все обдумать. Не желая ждать сутки, пока письмо пройдет по почте, он велел немедленно доставить его курьером в Столичную Королевскую Академию. После чего плюнул на остальную корреспонденцию и пошел к семье. Ему требовалось срочно почувствовать ладонь жены в своей руке и услышать рядом детский смех, чтобы заглушить леденящий сердце навязчивый плеск воды, эхом отражающийся от голых холодных стен подвала.

Тара, конечно, поняла, что что-то произошло. Он видел это по ее озабоченному взгляду и едва заметной складке между бровями. Но вопрос она позволила себе задать только один раз. Найт в ответ попросил ее пока ни о чем не волноваться.

– Как только разберусь, что происходит, сразу все тебе расскажу, – пообещал он.

Она кивнула и попросила лишь одно:

– Только не тяни с этим.

Найт был уверен, что не придется. Надеялся, что хватит одного разговора с Ланой Лерой, чтобы во всем разобраться.

Однако время шло, а девушка не торопилась в гости. Конечно, она могла и не получить его письмо: мало ли какие планы на выходные у двадцатилетней девчонки? Но Найт опасался, что за неделю она могла передумать говорить о своем сне.

Во второй половине дня, когда он все же снова добрался до кабинета, где засел, отвечая на другие письма, Найту наконец сообщили, что ожидаемая им гостя прибыла. С сопровождающим. Он велел немедленно проводить обоих к нему.

Лану Лерой он смутно помнил. Ее отец, стремительно делавший карьеру в политике, очень старался сблизиться с Фарлагами, поскольку Раст Фарлаг, отец Найта, долгое время состоял в Правительстве и был министром образования. По возрасту Лерой-старший был ближе к Найту, поэтому к отцу он подбирался через сына. Они часто пересекались на официальных мероприятиях, приглашали друг друга с семьями на обеды и званые вечера. Дочь Лероя Найту нравилась. Она была славным ребенком. Потом Раст Фарлаг ушел в отставку, а сам Лерой возглавил Правительство, и постепенно потерял к Найту интерес. Тот по этому поводу ничуть не расстроился, но Лана на какое-то время выпала из его поля зрения.

И вот теперь оказалось, что она уже совсем взрослая. Примерно столько было Таре, когда они познакомились и вскоре поженились. В приветственной улыбке Найта промелькнула печаль: как же быстро летит время! Не успеет оглянуться, как уже и Марита станет такой.

Сопровождавший Лану мужчина представился Рейном Браттом. Это имя показалось Найту

знакомым, но он не сразу вспомнил, откуда его знает.

– Вы жених Мег, верно? – наконец осенило его.

Братт как будто смутился: опустил взгляд, неловко кашлянул. Но кивнул. Найта это сначала удивило, а потом он обратил внимание, как старательно Лана и Братт не встречаются взглядами и как при этом украдкой бросают их друг на друга, когда им кажется, что никто этого не видит.

«Впрочем, – решил он, – не мое это дело».

История с русалкой его интересовала гораздо больше.

– Расскажи мне про сон, Лана, – попросил он. – Я ничего не понял из твоего письма. Ты считаешь, что это... предвиденье? Но могу тебя уверить: в том бассейне, о котором ты говорила, никакая русалка не живет.

Лана отрицательно мотнула головой. Посмотрела на него с вызовом и какой-то отчаянной решимостью, лаконично объяснив:

– Я сноходец.

Братт заметно вздрогнул и метнул на нее возмущенный взгляд. Кажется, раскрытие этого факта не входило в его планы. По крайней мере, не так сразу.

– Стихийный, – поспешно добавил он. – Она не контролирует это, просто пока не научилась блокировать.

Найт понял причину его волнения: хождение по снам – ментальная магия, а это запрещено законом.

– Не бойтесь, господин Братт, – успокоил он. – Я, конечно, дружу со старшим легионером столицы, но не собираюсь доносить на Лану в Легион, что бы она ни сделала. Но я опять не понимаю: как ты могла попасть в мой сон? Да и не припомню, чтобы в последнее время мне снился тот подвал.

– Это был не ваш сон, господин Фарлаг, – волнуясь, объяснила Лана. Бросила на Братта неуверенный взгляд, как будто не горела желанием говорить в его присутствии. – Еще совсем недавно я училась в Лексе. И прямо перед отчислением провела ночь в том подвале. Я спала на том месте, где раньше спала русалка.

Найт явственно почувствовал, как похолодел затылок.

– Та русалка давно мертва, а мертвым не снятся сны.

– Вообще-то сразу после смерти в субреальности какое-то время сохраняется ткань сновидений погибшего человека, – возразил Братт. – Но, конечно, не на тридцать лет.

– Смерть в каком-то смысле тоже сон, – отстраненно объяснила Лана. – Вечный сон. Сознание погибшего человека сохраняется в субреальности, но опускается на нижний уровень. И может оставаться там неопределенный срок.

Братт не смог ни скрыть своего удивления, ни удержаться от прямого взгляда на Лану.

– Откуда ты это все взяла?

Лана не повернулась к нему, только обиженно насупилась.

– Вы же не захотели меня учить. Мне пришлось искать другой источник знаний.

– Какой еще источник?

– Это неважно! – отмахнулась Лана и подалась вперед в своем кресле, обращаясь только к Найту: – Я уверена, что в ту ночь, когда спала в подвале, я впервые провалилась на нижний уровень, в сознание погибшей русалки. Я совершенно не помню, что тогда видела, но потом это произошло снова. И, поверьте, не по моей инициативе. Думаю, если я снова посплю на той койке в подвале и опущусь на нижний уровень сознательно, я смогу понять, почему это происходит и что значит. Проблема в том, что вход в Лекс для меня закрыт. Ректор Сайдер ни за что меня не пропустит. Но вам отказать не посмеет.

– Да я и спрашивать не буду, – хмыкнул Найт. – Когда-то я купил один из семейных коттеджей рядом с Лексом. Так что его портал для меня всегда открыт.

Он тоже подался вперед, сцепив руки на столе в замок, и внимательно посмотрел Лане в глаза.

– Но не слишком ли опасно опускаться туда, где обитают мертвые? Я не особо разбираюсь в этой теме. Ментальная магия – не моя сфера интересов. Но звучит страшновато.

– Учитывая то, что ты рассказывала мне в прошлый раз, я против, – тут же вставил Братт. – Я думал, мы здесь для того, чтобы ты погрузилась в сон господина Фарлага.

– Да, это может быть опасно, – без энтузиазма согласилась Лана, – но теперь я умею выходить из сна, если что-то пойдет не так. Послушайте меня, это может быть очень важно! Умение опускаться на нижний уровень – очень редкий дар даже среди стихийных сноходцев. Должен быть какой-то смысл в том, что это случилось со мной. А началось все именно в том подвале. Это нужно не только вам, но и мне тоже. Поэтому я готова рискнуть.

Найт снова перевел взгляд на Братта. Тот заметно нервничал и с трудом сдерживал какие-то непонятные стороннему наблюдателю порывы.

А Лана казалась очень уверенной. И даже нетерпеливой. Впрочем, сколько Найт ее помнил, она всегда была нетерпеливой и ненавидела, когда что-то происходило не так, как она хочет. И в итоге всегда добивалась своего. Поэтому он кивнул.

– Хорошо, давайте попробуем. Только, я так понимаю, тебе нужно там уснуть? Сейчас день. Будем ждать ночи или ты все равно сможешь уснуть?

Лана неуверенно поморщилась.

– Ночи ждать не хотелось бы, как и соваться туда ночью. Но можно попытаться снова меня напоить.

– Это плохой способ, – возразил Братт.

– Снотворное? – предложил Найт.

– Еще хуже! – теперь уже Братт возмутился. – Оно не даст ей проснуться в нужный момент! Это может оказаться фатальным.

– А если я рассчитаю очень маленькую дозу очень легкого снотворного снадобья? Такую, какой хватит исключительно для того, чтобы расслабиться и задремать?

– Уверены, что не ошибетесь? – Братт не выглядел убежденным.

– В таком не ошибусь, – оскорбился Найт.

– Тогда давайте попробуем, – резюмировала Лана.

Внутренний голос твердил Найту, что это может не кончиться добром, но он его проигнорировал. За столько лет он и сам начал сомневаться, была ли в том бассейне русалка. А если была, то откуда взялась? Возможно, это его шанс наконец узнать все наверняка. Поэтому он произвел расчеты, взял минимальную дозу снотворного снадобья и растворил в воде. После чего открыл всем троим портал в Лекс.

Приближение к сгоревшему дому Блэка далось ему нелегко. С каждым шагом он замедлял ход, словно его тело тяжелело больше и больше, пока почти не лишился возможности переставлять ноги. Именно поэтому он не задержался в купленном поблизости коттедже дольше, чем было необходимо. Как только Тара закончила учебу, они сразу переехали в дом на берегу моря. Даже там он чувствовал себя лучше, чем рядом с этим местом.

Лана и Братт обогнали его и спустились в подвал первыми. Тут уж Найту пришлось пересилить себя, чтобы не потерять лицо. Но бассейн с водой он все равно обходил по большой дуге, практически вдоль противоположной стены.

Когда он вошел в комнату, где держали русалку, Лана уже сидела на узкой койке, бледная и решительная, сцепив на коленях руки в замок и глядя перед собой. Братт стоял рядом, скрестив руки на груди и хмурясь. Найту показалось, что эти двое успели обменяться «мнениями», пока он медлил наверху.

Он протянул Лане пузырек с разведенным снадобьем. Она выпила его быстрым движением, без колебаний. А потом легла на спину, сложила руки на груди и закрыла глаза. Найт отошел в сторону, к Братту, и тихо поинтересовался:

– И что теперь?

– Ждать, – лаконично отозвался тот. – То, что для восприятия сноходца происходит сразу после засыпания, в действительности может занять много времени. И наоборот: кажущийся длинным сон, может на самом деле длиться пять секунд.

Найт кивнул. Ждать так ждать. Он никуда не торопится. Марите потом купит еще одного вупи в качестве компенсации за то, что снова куда-то пропал. И, может быть, пони.

Время шло, Лана явно уснула: она лежала неподвижно, лицо ее выглядело расслабленным, она глубоко и ровно дышала. Найт устал стоять и сел на пол, привалившись спиной к холодной стене, и набросил на себя согревающее заклятие: в подвале было холодно. Братт оставался на ногах, но не мог устоять на месте: мельтешил из стороны в сторону, немного раздражая.

Прошло не меньше часа, когда что-то наконец изменилось. Лана дернулась, лицо ее исказилось мукой, из груди вырвался сдавленный стон. Братт напрягся, а Найт поднялся с пола.

Лана заметалась на койке, ее стоны стали громче, к ним примешались всхлипы. Она выгибалась дугой, вздрагивала и что-то шептала, но слова тонули в новых столах.

Брат не выдержал и шагнул к койке, опустился рядом на колени. Одна его рука легла на голову девушки, другая прижала тело к койке, чтобы она с нее не слетела.

– Тише, Лана. Давай же, просыпайся, – прошептал он, поглаживая ее по волосам.

Но будить не стал, ждал, когда она примет решение проснуться сама.

Прошла еще пара томительно долгих минут, пока Лана наконец приняла его. Она с болезненным криком распахнула глаза, одновременно садясь на койке. И моментально оказалась в объятиях Брата, который обхватил ее руками и с силой прижал к груди, давая возможность почувствовать себя в безопасности. Лана тут же уткнулась лбом в его плечо и разрыдалась, как ребенок.

– Все, все... – пробормотал Братт, снова глядя ее по волосам. – Все закончилось. Все хорошо, Лана. Все закончилось.

Она отчаянно замотала головой, отстранилась и сквозь рыдания с трудом выдавила:

– Нет, не закончилось... Она здесь. Она все еще здесь, понимаете? Она в ловушке. Она здесь...

И после этого Лана снова уткнулась в его плечо, крепко обнимая в ответ.

Найт не знал, что на это сказать.

Глава 18

Когда они наконец вернулись в особняк Фарлагов, солнце уже клонилось к закату. Вышли из портала втроем, хотя куратор несколько раз пытался дать Лане понять, что им пора бы и честь знать, но та упрямо делала вид, что не замечает его намеков. Хозяин дома их не гнал, и этого было достаточно, чтобы задержаться. Она хотела узнать историю до конца.

Как только смогла успокоиться, Лана пересказала Фарлагу и Братту суть своего сна, особо не вдаваясь в подробности, от которых ее воротило. А суть состояла в том, что какая-то часть погибшей здесь русалки осталась заточена в водах бассейна.

– Не понимаю, как она может быть и на том нижнем уровне, куда ты погружаешься во сне, и в бассейне одновременно, – нахмурился Фарлаг.

Лана прикрыла глаза, ища способ облечь свое понимание в слова. Во сне, который она видела, русалка не говорила с ней, по крайней мере, не человеческим языком. Она показывала образы, из которых Лана и сделала выводы.

– Это что-то вроде... русалочьего варианта магического потока, понимаете? – попыталась объяснить она. – Или души, если проводить аналогию с верованиями людей за Занавесью. Ее сознание на нижнем уровне, но ее... назовем это дух – здесь, заточен в водах бассейна. Русалки должны жить в море, в мировом океане. И там же они должны умирать, растворяясь в его водах. Но эта русалка умерла слишком далеко от моря, и ее дух остался здесь, в воде бассейна. Она стоячая, ни с чем не связана, пространство ограничено. Дух русалки как в тюрьме здесь все эти годы, навсегда привязан к месту, где ее держали насильно и мучили. То, что я сочла угрозой вам, на самом деле было криком о помощи. Ее нужно освободить.

– Как именно? – напряженно уточнил Братт.

Лана пожала плечами и предположила:

– Перелив воду из бассейна в море.

Мужчины переглянулись.

– Нужен пространственный артефакт, – резюмировал Братт. – В форме сосуда для жидкостей.

– И очень емкий, – кивнул Фарлаг, покосившись на бассейн. – Интересно, сколько здесь литров?

– Думаю, я знаю, где можно купить что-нибудь подходящее, – просияла Лана. – В столице есть один магазин, я там сумку покупала. Стоит не дешево, но, полагаю, вы можете себе это позволить.

Фарлаг кивнул. Из Лекса они сначала отправились в Аларию, в подсказанный Ланой магазин. Потом вернулись в Лекс с нужной емкостью, напоминавшей огромную пузатую вазу для цветов с двумя ручками по бокам, но с крышкой, поставили ее рядом с бассейном, после чего все ненадолго заглохло.

Братт с Ланой вопросительно посмотрели на Фарлага, поскольку оба ждали, что перемещением воды займется он. Но тот стоял, растерянно глядя на бассейн и не желая к нему приближаться.

– В чем дело? – осторожно уточнила Лана.

– Ладно, ребят, признаюсь: я боюсь воды, – с нервным смешком сообщил Фарлаг, подняв на них смущенный взгляд. – Не могли бы вы...

– Да, конечно, – перебил Братт, давая ему возможность не озвучивать просьбу до конца. – Я все сделаю.

И сделал, да с такой легкостью, что Лана удивилась. Огромная колыхающаяся водная масса послушно вздыбилась, закружилась в воздухе тонким журчащим потоком и потекла в «вазу». Времени на ее переливание ушло немало, на лбу Братта от напряжения выступили капельки пота, а Лана успела порядком замерзнуть, но в итоге вся вода из бассейна была перелита в артефакт до капли.

– Надо же, до последнего не верил, что там все поместится, – шумно выдохнул Фарлаг.

После чего подхватил вазу левитацией, и они снова отправились к portalу.

В порталном зале дома их встречал только лакей по имени Эрл. Он же сообщил хозяину, что дети в игровой комнате под присмотром няни, а супруга в библиотеке.

- Она не дождалась вас к вечернему чаю и попросила подать его туда, - пояснил Эрл.

Найт кивнул и велел позвать супругу вниз. Лана не поняла, зачем им госпожа Фарлаг, ведь всего-то требуется перелить содержимое артефакта в море. Едва ли дело в водобоязни: с этим могли бы помочь и они, и левитация.

Однако Фарлаг не торопился отправляться на пляж, остался ждать жену в холле, и Лана с Браттом безмолвно последовали его примеру.

Когда Тара Фарлаг спустилась, на ее лице легко читались и тревога, и недоумение. Ее взгляд быстро метнулся к пузатой вазе, плотно закрытой крышкой, перескочил на гостей, а потом остановился на муже.

- Найт, что происходит?

Фарлаг взял ее руки в свои, отвел в сторону и принялся что-то тихо объяснять. Лане удавалось разобрать лишь обрывки слов, но не объяснения интересовали ее сейчас больше всего. Куда занимательнее было наблюдать за госпожой Фарлаг. Сначала ее глаза удивленно округлились, потом между бровей пролегла трагическая складка, а к концу рассказа глаза едва заметно заблестели, и она зажала себе рот рукой, словно боялась, что оттуда вырвется неуместное рыдание.

Лана решила, что она очень впечатлительная, но это не объясняло того, что именно ей, судя по всему, Фарлаг решил доверить почетную обязанность вылить воды бассейна в море.

Супруги как будто забыли о том, что они не одни. Теперь уже Тара подхватила левитацией артефакт и направилась к выходу из дома, а потом и на пляж. Муж последовал за ней, но дошел только до кромки песка и остановился.

Лана и Братт переглянулись, пожали плечами и присоединились к нему, наблюдая за его женой с расстояния.

Тара тем временем скинула обувь и шагнула на мокрый песок, навстречу набегающей на берег волне. Прошла еще немного, погрузившись в воду примерно до середины икр. Только тогда открыла вазу и наклонила, продолжая удерживать ее силой своего магического потока.

Вода бассейна хлынула в море, и Лана почувствовала, как ее сердце непроизвольно ускорилося. Образы сна все еще были ярки в ее сознании, как и ощущение отчаяния, переданное русалкой. Наблюдать за тем, как ее дух обретает столь желанную свободу, оказалось крайне волнительно.

И не только для нее. Как только поток воды из вазы иссяк, та рухнула в море, словно Тара устала ее держать. Сама госпожа Фарлаг все же издала звук, похожий на рыдание. Ее плечи вздрогнули, ссутулились, она обхватила себя руками, а потом и вовсе упала на колени. Море тем временем не на шутку разволновалось.

Фарлаг не выдержал. Водобоязнь уступила тревоге за жену, и он сорвался с места, пересекая невидимую черту, державшую его на почтительном от моря расстоянии много лет. Прямо в обуви он ступил в разбушевавшиеся волны и опустился на колени рядом с женой, обнимая и зовя ее по имени.

Лана и сама не заметила, как тоже оказалась у кромки воды, Братт не отставал. Оба замерли на месте, услышав голос Тары:

- Она здесь, она действительно здесь, Найт! Я чувствую ее! - говорила она сквозь рыдания. - Она наконец свободна... она наконец спокойна...

Тара протянула вперед руки, и волна неожиданно повела себя ненормально: потянулась к ним, обвивая по локоть, как необычная конечность неведомого существа.

- Найт, мне нужно... Я должна... - снова заговорила Тара уже без рыданий, но в крайнем волнении.

И принялась стягивать с себя платье. Лана охнула, а застывший было Братт резко отвернулся, когда госпожа Фарлаг обнажилась по пояс.

- Мне нужно побыть с ней, нужно услышать ее голос, - бормотала Тара, освобождаясь от одежды.

Как ни странно, муж помогал ей, лишь бросив мимолетный взгляд на гостей.

Наконец на Таре остался только замысловатый браслет. Она поднялась на ноги и торопливо устремилась вперед, на глубину. Оказавшись в воде по пояс, передела браслет с одной руки на другую и нырнула. Лане показалось, что она явственно увидела ударивший по пенящейся поверхности хвост.

- Ну и дела, - выдохнула она.

Привлеченный ее комментарием Братт позволил себе бросить любопытный взгляд через плечо, но уже ничего не увидел.

Фарлаг торопливо шел к берегу, держа в руках промокшую насквозь одежду жены.

- Она что, русалка? - спросила Лана, как только он оказался рядом.

И буквально почувствовала на себе ошеломленный взгляд Братта.

Фарлаг же только кивнул.

- Наполовину, - уточнил он, оглядываясь на море, словно пытаясь разглядеть в нем жену. - Русалка, которую держали в том подвале, была ее матерью.

- Так она и есть тот ребенок? - уточнил Братт, вспоминая пересказанную Ланой историю. - Которого русалка родила и наконец заплакала?

Фарлаг снова кивнул и наконец перевел серьезный взгляд на них.

- Только это большая тайна. Надеюсь, вы ее сохраните, как я буду хранить тайну о способностях Ланы.

Оба наперебой заверили его, что не расскажут об этом никому и никогда.

- Тогда приглашаю вас остаться у нас на ужин, - продолжил Фарлаг, слабо улыбаясь. - Думаю, Тара захочет поблагодарить вас лично, когда вернется... Надеюсь, что к ужину она вернется.

Братт покосился на успокаивающиеся волны, перевел взгляд на горизонт.

- А когда она вот так уплывает, у вас никогда не возникает опасений, что она не вернется? - поинтересовался он.

Фарлаг тоже посмотрел на воду, на садящееся в него солнце и на раскрашенное во все оттенки красного небо. Долго молчал и наконец тихо выдохнул:

- Каждый раз.

Сейчас Лана как никогда раньше хотела бы иметь душу. Тогда она смогла бы продать ее первому попавшемуся дьяволу за возможность забыть «сон», увиденный сегодня в подвале сгоревшего дома Блэков. Только некому было предложить ей такую сделку.

Поэтому она сидела в гостиной Фарлагов у камина прямо на полу, смотрела на танцующий по дровам огонь и пыталась сосредоточиться на воспоминаниях о печальной девушке с прозрачными глазами. Пыталась представить, как она улыбается.

Тихие шаги Братта Лана услышала лишь тогда, когда куратор подошел и остановился рядом, возвышаясь над ней, держа руки в карманах брюк и не торопясь начать разговор. Лана тоже не торопилась, полагая, что знает, о чем этот разговор будет. Наверное, стоило все-таки отправиться к Фарлагу одной, чтобы не выдавать своих новых знаний и навыков, но она побоялась. После всего, что Арант сказал о нижнем уровне, она поначалу вообще собиралась проигнорировать ответное письмо Фарлага, но потом не удержалась. Вместе с опасениями Арант поселил в ее голове новые вопросы, на которые теперь предстояло найти ответы.

- Чем тебя не устраивает диван? - поинтересовался Братт.

Такого начала разговора Лана не ожидала. Подняла на него удивленный взгляд и пожала плечами.

- Люблю смотреть на огонь, а диван стоит слишком далеко.

- Странно, что он горит, - хмыкнул Братт. - Топить камин летом в таком климате...

- Его растопили по моей просьбе, - перебила Лана. - В Лексе у нас в камине всегда горел огонь. Там прохладнее, а старый каменный замок не прогревается даже в самую дикую жару. Мне не хватает этого в СКА.

Братт помолчал, как будто признание его шокировало, но Лана не смогла бы сказать наверняка: уже снова перевела взгляд на камин, положив подбородок на согнутое колено. После небольшой паузы Братт сел рядом, плечом к плечу, тоже уставившись на огонь.

- Могу понять твои чувства, - тихо признался он. - Ты поэтому так загадочно улыбаешься?

Лана снова удивилась: она и не осознавала, что улыбается, пока он не сказал. Прислушалась к себе и поняла, что дело не в камине, отчего ее улыбка стала шире.

– Нет. Просто... кажется, я впервые сделала что-то... – она замялась, пытаясь подобрать правильные слова. – Что-то, что имеет значение, понимаете?

Она вопросительно покосилась на куратора, не зная, сможет ли он понять ее чувства. Его губы дрогнули в ответной улыбке, но взгляд почему-то стал печальным.

– Думаю, что понимаю.

Лана удовлетворенно кивнула, вновь отдавая все внимание огню. Помолчала, но не удержалась от развития темы:

– Оказывается, это так приятно. Словно этот день... искупает, если не все, то очень многое в моей жизни. Почти двадцать лет я наслаждалась своим положением, особенно с тех пор, как отец стал канцлером. Смотрела, как окружающие трепещут и приседают передо мной, как будто я какая-то большая шишка. Мне нравилось это. Нравилось чувствовать себя выше других. Видеть страх в их глазах. Понимать, что имею над людьми власть, даже над преподавателями. Ни разу мне не пришлось в голову воспользоваться положением, чтобы кому-то помочь. А все оказалось таким шатким. Щелчок пальцев короля, – она изобразила этот щелчок, отчего Братт непроизвольно вздрогнул, – и все рухнуло, а я стала никем. Даже больше, чем никем. Точнее, меньше.

Она горько рассмеялась странному каламбуру, но смех этот быстро оборвался, Лана посерьезнела.

– А *этого* у меня никто не отнимет. Это мое, понимаете?

Она снова повернулась к куратору, прижимая ладонь к груди.

– Моя собственная способность, мой дар. Мой риск и мое достижение. Эта русалка томила там три десятилетия, а никто даже не знал об этом. Она страдала, и так продолжалось бы дальше, если бы я не уснула тогда в том подвале. И если бы у меня не открылись столь редкие способности. Погружение в ее сознание, в ее воспоминания было ужасным. Она столько пережила... В голове не укладывается, как жестоки бывают люди. Но теперь я знаю, что она свободна и спокойна. Я представляю, как она улыбается, и мне... так хорошо. Мне никогда не было так хорошо.

Лана почувствовала, как от волнения у нее сдавило горло, и закусила губу, чтобы не дать волю чувствам. И так сказала слишком много, ему, наверное, смешно слушать.

Братт не смеялся. Грусть ушла из его взгляда, но улыбка стала не насмешливой, а просто теплой.

– Я рад, что тебе довелось это пережить. Такие моменты... разворачивают жизнь на сто восемьдесят градусов. И меняют тебя раз и навсегда. Может быть, это поможет тебе найти себя и свое настоящее место в мире. Не знаю, где и как ты развила свои способности, и не буду спрашивать. Потому что в конечном итоге это, пожалуй, хорошо.

Лана кивнула, окрыленная его одобрением еще больше, нежели самим фактом маленькой победы. Вспомнился вопрос Аранта: «Ты действительно так жаждешь отомстить или тобою движет что-то еще?» Может быть, он прав в своем сомнении? Может быть, именно желание уметь что-то уникальное двигало ею все это время? Чтобы иметь значение?

Она снова посмотрела на куратора, склонив голову набок, и поинтересовалась:

– А вы ведь тоже сноходец, да? Вы так много об этом знаете... Это не просто академический интерес. Вы сами учились ходить по снам.

Опасная игра. Исходя из его поведения, Лана решила, что Братт ничего не помнит об их совместном сне. По крайней мере, не помнит, что она пришла в него нарочно, что пыталась про Аранта. Расспросы могли пробудить ненужные воспоминания, но она просто... Да, опять не могла удержаться. С этим у нее всегда были проблемы.

– Учился, – после паузы признался он. – Но я не такой, как ты, Лана. Я не стихийный сноходец. У меня нет дара.

Лана нахмурилась, не понимая, как же тогда. Потом вспомнила кое-что.

– Это как-то связано с татуировкой у вас на шее?

Он вздрогнул и испуганно посмотрел на нее. Лана обезоруживающе улыбнулась, виновато признаваясь:

– Я увидела ее случайно, когда накрывала вас одеялом... В то утро, когда вы учили меня создавать

точку выхода.

Братт потер лицо руками, как ей показалось, смущаясь. Ничто не мешало ему оборвать разговор, сказать, что она лезет не в свое дело, но он почему-то не стал этого делать.

– Можно и так сказать.

Он вдруг потянулся к пуговицам рубашки, расстегнул несколько сверху и оттянул полу в сторону, демонстрируя еще одну татуировку: невнятную закорючку с левой стороны груди. В ней Лана узнала букву демонического алфавита. Точное название буквы не помнила, но почему-то ей казалось, что сейчас это не имеет значения. Внутри и так все похолодело и скрутилось в узел.

– Я инициированный темный маг, Лана. Когда-то пошел этой дорогой по глупости. Жаждал силы и власти. Тоже хотел, чтобы другие передо мной приседали.

Братт снова скрыл татуировку и застегнул пуговицы. Только тогда Лана смогла выдохнуть.

– Потом понял, что был идиотом. К счастью, к тому моменту Легион научился блокировать темный поток. Процедуру можно пройти анонимно, что я и сделал. Татуировка, которую ты видела, – это магическая печать, ограждающая меня от демона, с которым я повязал себя. Я все еще темный, но теперь мне легче держать дистанцию с темной стороной. А призывать темный поток, наоборот, сложнее.

– Это многое объясняет, – пробормотала Лана, вспоминая, как легко и непринужденно Братт всегда направлял собственный поток. Хотя бы в том же подвале, переливая воду из бассейна в артефакт. А ведь у него даже фокусирующего артефакта нет: ни перстня, ни кулона, ни браслета. О том, что при инициации в качестве темного магу становится легче управлять светлым потоком, слышала даже она.

– Я порвал с тем прошлым, Лана, – зачем-то уточнил Братт, словно боялся, что ее мнение о нем испортится. – Я выбрал стать другим человеком, выбрал другой путь. Поэтому знаю, что ты тоже можешь это сделать. Не позволяй обиде и жажде мести вести тебя не тем путем. Возвращаться обратно трудно. Лучше запомни чувство, что испытала сегодня. Держись за него. Оно поведет тебя в правильном направлении.

Лана ничего не успела ответить: появившийся в дверях слуга сообщил, что стол накрыт к ужину, госпожа Фарлаг вернулась и хозяева ждут своих гостей в малой столовой. Братт поблагодарил его и легко вскочил на ноги, протянул руки Лане. Та не стала отказываться от его помощи. Он потянул ее на себя чуть сильнее, чем следовало, поэтому она по инерции качнулась вперед, оказавшись внезапно слишком близко. Так, что почувствовала на коже его дыхание.

Оба замерли, ни один не торопился сделать шаг назад. Или хотя бы отпустить руки другого. Сердце Ланы вновь понеслось вскачь, а дыхание куратора стало быстрым и тяжелым. Лана видела только его губы, потому что боялась посмотреть в глаза.

«Ну же, поцелуй меня», – пронеслась в голове совершенно неуместная мысль.

Это ведь уже не сон, после нельзя будет сделать вид, что ничего не произошло.

Но ничего так и не произошло. Тяжело сглотнув, Братт выпустил ее руки, сделал шаг назад, повернулся и торопливо вышел из гостиной первым.

Глава 19

– Значит, ты три года отучилась в Лексе, а теперь перевелась в СКА? – вежливо уточнила Тара Фарлаг, стараясь поддержать разговор, который не очень-то клеился.

Лана уже начала думать, что не стоило соглашаться на ужин. Хватило бы просто дожидаться возвращения хозяйки, получить порцию ее благодарности и после вежливо откланяться. А так, сидя за столом в малой столовой, Лана никак не могла отделаться от мысли, что еще недавно у нее была такая же столовая, даже немного шикарнее. Как не могла она не думать о том, что хозяева дома прекрасно знают о падении ее семьи.

Вероятно, именно из-за этих неприятных мыслей Лана ответила резче, чем собиралась:

– Я не переводилась, меня отчислили. Сестра похлопотала, чтобы меня взяли в СКА. А я и не знала до того момента, что у меня есть сестра, представляете?

Фарлаги переглянулись, Найт с трудом подавил улыбку. Наверное, с высоты его возраста ее резкий тон выглядел чистым ребячеством.

– А вот я сама перевелась в Лекс на последний курс, – Тара словно и не заметила ее вспышки. – До этого училась в Орте.

– Правда? – Лана попыталась вернуться к более светскому тону. – Тогда вы могли знать мою сестру. Мне кажется, она примерно одного с вами возраста. Марта Бренон.

Тара прищурилась, вспоминая, но в конце концов покачала головой.

– Увы, вероятно, мы учились на разных уровнях или специализациях. Я была не очень общительна, а потому знала только тех, с кем ходила на занятия.

– Но вы наверняка знали будущую королеву, – предположила Лана, краем глаза ловя на себе предостерегающий взгляд Братта.

Который был ей не очень понятен. Неужели он думает, что она устроит тут сцену с обвинениями в адрес венценосной семьи? Оно ей надо?

– О, да, она была очень известна, – кивнула Тара, просияв. – Забавно, но пока я училась в Орте, мы не общались, а когда перевелась в Лекс – сдружились. Они с мужем помогли мне с переводом.

– Неужели? – вежливо удивился Братт.

– Угу, – хмыкнул Найт. – На пару выкрутили мне руки, я ведь тогда был ректором Лекса. Заявили, что очень хотели бы, чтобы я взял к себе учиться Тару Роук.

– Что было для него категорически неприемлемо, – рассмеялась Тара, – потому что я была безродной псиной...

– Дворяжкой, – поправил Найт возмущенно. – Я бы никогда не назвал девушку псиной!

– Возможно, – не стала спорить Тара. – Если ты считаешь, что «дворяжка» звучит принципиально лучше.

– То есть вы толком не были знакомы с будущей королевой, но они с мужем занимались вашим переводом в Лекс, для которого вы категорически не подходили? – напряженно уточнила Лана. Фарлаги кивнули, и она не удержалась от того, чтобы закатить глаза и едко заметить: – Смотрю, благотворительность была их основным хобби.

Хозяева снова переглянулись, но на этот раз без улыбок, понимая, что у Ланы свое отношение к королевской семье.

– Они всегда были очень отзывчивыми, – прокомментировал ее замечание Найт. – И старались помочь тем, кто об этом просил.

– И вы до сих пор дружите? – поинтересовалась Лана, снова возвращая себе светский непринужденный тон. Ей действительно не хотелось устраивать сцену и выглядеть глупо.

– Да, мы ведь члены одного клуба, – насмешливо заявил Найт.

– О, перестань, – страдальчески протянула Тара. Что бы муж ни имел в виду, она его энтузиазма не разделяла.

– Клуба? – переспросил Братт.

- Да, это клуб преподавателей, женившихся на своих студентках, - пояснил Найт.

И подмигнул Братту. Тот нервно кашлянул и опустил взгляд в тарелку, внезапно потеряв интерес к теме. Зато его подхватила Лана:

- И много вас в этом клубе?

- Я бы сказала, что это очень приватный клуб, - вместо мужа ответила Тара весьма недовольным тоном. - Фактически, в нем только мы и королевская чета.

- А как же Дилан и Хильда? - возмутился Найт.

- Они расстались, милый. Причем так и не поженились.

- А, ну да, - он досадливо поморщился. - Но я все еще думаю, что это ненадолго.

- Четыре года прошло.

- Я старый романтик.

Лана не удержалась от улыбки, наблюдая за их спором, но потом нахмурилась. Дилан и Хильда. Сочетание имен показалось знакомым.

- Вы имеете в виду Дилана Мора, старшего легионера столицы? - уточнила она. - И Хильду Сатин?

Найт кивнул, выглядя немного удивленным.

- Ты с ними знакома?

- Сатин дружит с моей сестрой. А Мора я просто видела тогда, когда... В общем, когда мы нашли тело Анны Вест.

- О, понятно... - Найт слегка поморщился, явно не желая цепляться за эту печальную тему, поэтому вернулся к предыдущей: - Так или иначе, а еще совсем недавно мы часто собирались в нашем доме все вместе. Норманы... То есть, Сорроу и сейчас нас навещают, иногда с детьми поселяются тут на несколько дней. Особенно летом.

Лана замерла, с трудом проглатывая кусочек курицы, что уже был у нее во рту. Сердце моментально забилось быстрее.

- Королевская семья живет у вас? - переспросила она. - Всем составом?

- Да, они сбегают сюда, когда им хочется отдохнуть от дворца и всей этой... суеты, - пояснила Тара. - Побывать с детьми, побыть... знаете, обычной семьей.

- Это место очень подходит, - добавил Найт. - По земле сюда добраться очень сложно, проще по морю, а бухта легко просматривается. Или порталом, конечно, но его контролировать еще проще. В общем, служба королевской безопасности не падает в обморок, когда они сюда выбираются.

Лана рассеянно покивала, чувствуя, как аппетит в одно мгновение пропал.

Королевская семья гостит здесь по несколько дней. Значит, они тут спят. Король тут спит. Она уже в доме, где есть подушка короля. Дело за малым: узнать, в какой спальне он ночует, и задержаться здесь до утра.

Волнуясь, Лана оторвала взгляд от тарелки, гадая, как бы лучше все это организовать, чтобы ее ни в чем не заподозрили. И тут же снова наткнулась на взгляд куратора. Тот смотрел на нее молча, но она словно наяву услышала его слова: «Не позволяй обиде и жажде мести вести тебя не тем путем. Возвращаться обратно трудно».

Действительно, нужно ли ей все еще идти тем путем? Арант сказал, Сорроу ее в порошок сотрет, если она попытается ему навредить. И если задуматься, то это вполне вероятно. Он ведь древний король, демон его побери! Стоит ли рисковать и тягаться с ним? Даже если получится, принесет ли ей это такое же удовлетворение, как то, что она сделала сегодня?

Лана улыбнулась Братту и перевела взгляд на хозяина.

- На самом деле, нет ничего удивительного в том, что королевской семье нравится здесь. У вас чудесный дом. И море рядом. Даже когда у нашей семьи еще был такой дом, он не был столь красив. И воздух тут совершенно необыкновенный. Надышаться невозможно. Я бы и сама не отказалась провести у вас каникулы.

И сразу после этого она сменила тему. Братт расслабился и потянулся к бокалу вина, а Лана больше не касалась в разговоре темы короля и его пребывания в доме Фарлагов.

Приглашение остаться на ночь они все же ожидаемо получили: в кругу, к которому раньше принадлежала Лана, так было принято. Прежде, чем Братт успел отказаться, Лана согласилась за двоих. Она не сомневалась, что если бы за ужином стала выспрашивать про комнату короля, куратор просто не позволил бы ей остаться. Или дежурил бы под дверью ее спальни всю ночь.

Но Лана ничего такого не спрашивала и, оказавшись с ним наедине, сказала, что просто хочет ненадолго задержаться в доме, который так похож на ее собственный.

– С большой долей вероятности мне больше в таком не жить, – печально вздохнула она.

Братт поверил. Наверное, потому что отчасти это было правдой. Но гораздо больше Лану тревожило то, что она может разминуться со своей единственной возможностью погрузиться в сон Норда Сорроу.

Ведь не обязательно сегодня пытаться ему навредить. Арант научил ее быть незаметным наблюдателем, тихонько прятаться под маской, теряясь среди образов, и смотреть. Не направлять сон, не влиять на его события, ничего не выяснять – только присутствовать. Это позволяет разведать обстановку, понять, на что обычно похожи сны человека. Она займется именно этим. Может быть, если повезет, подслушает какие-то мысли короля. Возможно, этого даже хватит, чтобы договориться с ним об освобождении отца и возвращении семье хотя бы части средств.

А если нет... Может быть, однажды она окажется достаточно подготовлена, чтобы использовать сон короля против него. И тогда ей уже не придется искать способ добраться до его подушки. Одного погружения достаточно, чтобы сон человека стал открыт опытному снходцу.

Узнать, в какой спальне ночует король, когда гостит здесь, было несложно. Слуги ничего не знали о даре Ланы, и ее искреннее любопытство не показалось им странным: кто может устоять перед соблазном хотя бы краешком глаза взглянуть на комнату, в которой время от времени спят король и королева?

Лана дождалась глубокой ночи, едва не уснула в процессе, чуть не упустив свой шанс. Вскользнула из комнаты босиком, чтобы добраться до нужной спальни максимально тихо, приоткрыла дверь и юркнула внутрь. Перевела дыхание, которое задерживала почти всю дорогу, повернулась к кровати и... поняла, что у нее проблема.

– И на какой же половине спит король? – задалась она вопросом, переводя взгляд с одной подушки на другую.

По всему выходило, что придется действовать наугад, поэтому она просто выбрала ближайшую к двери половину. Села на кровать, не торопясь опускать голову на подушку, давая себе время передумать. Представила себе разочарование Братта, когда он узнает (а она почему-то не сомневалась, что он узнает). Да и Фралаги будут обескуражены, если обнаружат ее утром здесь.

Но она уже зашла очень далеко. Заключила сделку с Арантом, который теперь ее не отпустит. Оказалась в этой комнате, рискует быть обнаруженной. Будет вдвойне обидно, если все это окажется зря.

Лана медленно опустила голову на подушку и подтянула колени к груди. Накрываться одеялом не хотелось: она не сможет потом заправить постель так, чтобы ничего не было заметно. Да и так больше шансов, что не проспит долго – подмерзнет, несмотря на теплую ночь.

Глаза закрылись, и поздний час быстро сделал свое дело: Лана провалилась в чужой сон.

Поначалу все было мутным и неразборчивым. Она даже не могла понять, где оказалась: все окружающее пространство тонуло во мраке. Но постепенно стали прорисовываться пол и стены, перила и ступеньки лестницы, убегающей вверх.

Увидев короля, Лана сразу его узнала. Высокий, стройный, с хорошей осанкой и длинными темными волосами, тщательно зачесанными назад, он теперь чем-то отдаленно напоминал ей Аранта. Только волосы Сорроу серебрили седые нити, а черты лица казались мягче... Что никогда нельзя было предположить по его портретам. Да и те несколько раз, что Лана видела короля наяву, он не показался ей мягким. Но сейчас уголки его губ были приподняты, глаза лучились нежностью и теплом. Лана повернула голову, чтобы увидеть, на что он смотрит и кому навстречу шагает.

По лестнице к мужу спускалась королева, держа на руках примерно годовалую кудрявую девочку, а рядом важно шагал мальчик лет пяти-шести. Лана нахмурилась: насколько она знала, дети короля куда старше, но потом вспомнила, что сны могут содержать образы как настоящего, так и прошлого, а иногда и перемешивать их.

Мальчику не хватило терпения: забыв о важности и спокойном достоинстве принца, он вдруг побежал вперед, перепрыгивая по лестнице через ступеньку, и первым оказался в объятиях отца. Король улыбнулся шире.

– А я сделал корабль, представляешь? – сообщил он сходу. – Без магии, настоящий корабль! У него есть паруса и мачты.

– Прямо как у настоящего корабля? – с наигранным недоверием восхитился король. – Покажешь?

– Конечно! – просиял мальчишка. – Я жду тебя, чтобы запустить его в садовом пруду.

– Не утонет? – прищурился король.

– Нет! – расплылся в улыбке маленький принц. – Я же говорю, он как настоящий!

– И все без магии? Научишь меня?

На лице мальчика отразилось замешательство: возможно, он никогда раньше не задумывался о том, что отец может чего-то не уметь. Но идея ему явно понравилась, потому что он тут же снова просиял и торжественно пообещал, что научит.

– У него как раз осталась еще одна сборная модель, дедушка подарил две, – заговорщицким тоном пояснила королева, подходя ближе.

Муж улыбнулся ей, быстро поцеловал в губы и тут же переключил внимание на девочку на ее руках. Та задумчиво сосала палец и смотрела на него с настороженностью, как будто не узнавала. Когда король попытался взять ее на руки, она скусилась, захныкала и потянулась к матери, пытаясь спрятать лицо в изгибе ее шеи.

– Ну вот, меня боится родная дочь, – огорченно констатировал Сорроу.

– Она просто редко тебя видит и от раза к разу успевает забыть, – с оттенком упрека заметила его жена.

– Обещаю, скоро это изменится.

– Неужели?

– У меня новый канцлер. Вроде бы хороший малый, ответственный, честолюбивый. Есть надежда, что у меня станет больше свободного времени.

– И мы сможем вместе с тобой сделать корабль? – недоверчиво уточнил мальчик, который так и стоял, обнимая отца за талию.

– Сможем.

– Круто!

– А если все пойдет хорошо, кто знает... Может быть, совсем уйду в сторону и буду собирать целую флотилию.

– Свежо предание, – хмыкнула королева, но Лана не поняла, что она хотела этим сказать.

В тихую семейную идиллию неожиданно ворвались грохот и громкий крик, от которого Лана испуганно вздрогнула. Торопливо оглянувшись, она обнаружила, что стоит уже не в холле, а на верхней площадке лестницы. Внизу старомодно одетый мужчина с такими же длинными черными волосами, как у короля, но без седины, тащил по ступенькам вниз мальчика примерно того же возраста, что и принц-кораблестроитель. Он держал его за шкуру, то и дело встряхивая, и что-то зло выговаривал. Лана слышала голос и свирепый тон, но не могла разобрать слов. Может быть, сам король их уже не помнил.

Лана нашла его взглядом. Королева и дети исчезли, Норд Сорроу остался один и теперь вместе с ней смотрел через плечо на происходящее внизу. Лицо его изменилось: стало резким, жестким, мрачным, во взгляде причудливо перемешались горечь и ненависть.

Мужчина внизу тем временем швырнул мальчика вперед и тот, не устояв на ногах, покатился по жесткому мраморному полу. Откуда-то появилась женщина, попыталась прикрыть мальчика собой, о чем-то умоляя мужчину, но тот лишь больше разозлился.

Король рядом с Ланой резко повернулся, зашагал прочь и скрылся в откуда-то появившихся прямо перед ним дверях.

Как только он ушел, сцена на лестнице исчезла, да и остальная реальность начала рассыпаться, поэтому Лана поторопилась последовать за хозяином сна.

Миновав двери, она оказалась в затемненном кабинете. Хозяин сидел в кресле у камина, читая какой-то объемный документ, написанный на нескольких десятках страниц, и делал пометки – на полях и в блокноте. Небольшой световой шар над его головой был единственным источником света, и Лана поторопилась спрятаться в тени у стены. Король не должен ее видеть, но мало ли...

Сорроу действительно внезапно поднял голову, отвлекаясь от своего занятия, сложил вместе бумаги и блокнот и изящным движением кисти левитировал все это на стол.

– Ну? И долго ты будешь там прятаться? – спросил он, не поворачиваясь.

У Ланы по коже побежали мурашки. Все-таки заметил! Она уже потянулась рукой к броши, чтобы сбежать, но из темноты в круг света вышел мальчик лет восьми, и стало понятно, что король обращался к нему.

Сорроу улыбнулся и поинтересовался:

– А ты почему не пришел меня встречать?

Мальчик пожал плечами, пряча взгляд, а Лана поняла, что сон все еще сосредоточен на воспоминании о каком-то определенном дне из прошлого.

– Не хотел мешать вам, – наконец прозвучал тихий ответ.

– Нам?

– Тебе и твоей семье. Твоей настоящей семье.

Брови короля взметнулись вверх, а рука поманила мальчика.

– Иди-ка ко мне, Тим.

Ребенок не заставил просить себя дважды: радостно подбежал и взобрался Сорроу на колени. Тот обнял его, прижимая к себе.

– Ты ведь знаешь, что ты такой же мой сын, как и Дарен.

– Не такой же, – буркнул Тим, ковыряя пальцем пуговицу на королевской рубашке. – Он твой родной сын, а я нет.

– Но люблю я вас одинаково сильно.

– А Таня меня не любит...

– Это не так, – мягко возразил Сорроу, и Лана вновь поразились тому, что он способен на такой тон. – Просто Кэтти еще совсем маленькая, она требует больше внимания, чем вы с Дареном.

– Но с ним она играет, – продолжал ябедничать Тим. – А со мной нет.

– Может быть, потому что ты все время прячешься по темным углам?

– Я просто не хочу мешать...

– Ты никогда нам не мешаешь, поверь.

– Даже сейчас? Ты ведь работал...

– Это подождет, – отмахнулся Сорроу. – Лучше расскажи, что нового? Ты помогал брату с кораблем?

– Чуть-чуть.

– Тебе понравилось?

Они еще о чем-то болтали, но Лана не вслушивалась. Все, что она слышала, – это собственное тяжелое дыхание и шумное сердцебиение в ушах.

И это то, что живет в голове Сорроу? Жена, дети... Мечты о том, как он будет строить кораблики вместо того, чтобы управлять магическим миром? Неужели все это настоящие воспоминания? Сама Лана в детстве боялась приближаться к отцу, если он находился в рабочем кабинете. Мама всегда говорила, что отец занят важными делами и ему нельзя мешать, а Лана принимала это как должное. И даже не задавалась вопросом, почему мама тоже всегда куда-то убегает, не желая

тратить на нее лишнее время. Родители – успешные люди, они заняты, на детские глупости у них времени нет – это всегда было аксиомой ее жизни.

А король находил время на своих детей. И родных, и приемного, хотя у него наверняка дел было никак не меньше, чем у ее отца. И как теперь его ненавидеть, когда она увидела, что он отложил дела ради болтовни о ерунде с усыновленным мальчишкой? Все знали, что старший ребенок в семье Сорроу – приемыш.

– А когда ты умрешь, королем стану я? – словно сквозь плотную пелену звукового полога услышала Лана. – Я же старше Дарена.

На лице короля отразилось замешательство. Он потрепал Тима по волосам и признался:

– Не знаю. Мне кажется, тут дело должно быть не в старшинстве, а в склонности. Ты уверен, что хочешь быть королем? Это ведь не привилегия, а большая ответственность.

Тим помолчал какое-то время, а потом уверенно заявил:

– Я хочу быть, как ты.

– Для этого совсем необязательно быть королем.

Лана прикрыла глаза, борясь с накатившим раздражением. Нет, это совсем не то, что она хотела увидеть! Она хотела узнать грязные секреты, тайны, на худой конец, страхи короля! Ладно, возможно, он хороший отец, но не бывает непорочных!

Когда она снова открыла глаза, кабинет, камин, кресло и световой шар исчезли. Она оказалась окутана непроницаемой темнотой и уже не видела, рядом ли Сорроу. Может быть, он успел куда-то уйти, а она отстала?

– Кто ты? – услышала она вдруг тихий шепот.

Лана резко обернулась, но никого не увидела. Никого и ничего. Даже намек на направление, в котором ушел сон, пока она рефлексировала.

– Кто ты? – повторно прозвучал вопрос, но разобраться, кому принадлежит голос, ей не удалось.

Лана снова крутанулась и на этот раз уткнулась носом в широкую грудь облаченного в безликое черное одеяние мужчины. Она отшатнулась назад, но далеко уйти не смогла: мужские руки сдавили ее запястья, да с такой силой, что могли раскрошить кости. Лана встретила взглядом с разозленным королем.

– Что ты делаешь в моей голове? Кто тебя прислал? Кто ты?!

Лана дернулась, но едва смогла сдвинуть руки с места. Не освободиться, нет. Она испуганно смотрела на Сорроу, понимая, что пока он ее или не видит, или не может разобрать лица, но еще немного – и ей конец.

– Кто ты?

Каждый вопрос звучал как приказ снять маску, но его приказы не должны были иметь над ней власти. Она тут сноходец, а не он!

Или уже нет?

Прежде, чем Сорроу успел повторить вопрос, Лана дернулась из последних сил и все же смогла коснуться броши.

Моментально подскочила на кровати в спальне в доме Фарлагов, тяжело дыша и в ужасе озираясь по сторонам. В голове крутилась только одна мысль: успела ли она уйти прежде, чем король ее увидел.

Глава 20

Лана успела вернуться в свою спальню до того, как дом Фарлагов проснулся. К возвращению в СКА ей даже удалось убедить себя, что ничего страшного не произошло: да, король каким-то образом почувствовал чужое присутствие во сне, но не узнал ее. Если только Арант действительно не пойдет и не расскажет Сорроу о ней, то на нее никогда не выйдут. А Арант не пойдет, ведь если он так сделает, то уже не сможет стянуть с нее долг и потеряет стихийного сноходца.

Одно Лана знала наверняка: больше она даже близко не подойдет к снам короля. И к самому королю. Мстить окончательно расхотелось. И это оказалось проблемой.

Лана поняла это уже через пару дней. Она просыпалась по утрам и по несколько минут лежала на спине, глядя в потолок пустым взглядом и не понимая, зачем ей куда-то идти. Она снова чувствовала себя такой же потерянной, как в тот день, когда узнала ужасные новости об отце, матери и аресте капиталов их семьи от поверенного, а потом бесцельно бродила по городскому парку.

Раньше все было просто. Не нужно никуда стремиться, не нужно ничего решать. Лана развлекалась, прожигая родительские деньги, и училась для вида. Ее жизнь, в общем-то, была предопределена: замужество, светские тусовки, но прежде она собиралась отправиться за Занавесь и пожить среди людей годик, как только закончит Лекс.

Когда все рухнуло, она нашла для себя цель: отомстить королю, а может быть, даже заставить его раскаяться и отменить приговор. Ради этого она пошла учиться в СКА, чтобы стать журналистом. И ради этого потом так отчаянно и безрассудно пыталась обуздать неожиданный дар.

Но теперь эта движущая сила исчезла. Осталось лишь тающее день ото дня тепло необычного ощущения, накрывшего ее в тот момент, когда Тара Фарлаг сказала, что ее мать наконец свободна и спокойна. Братт велел за него держаться, но у Ланы не получалось.

Нет, она продолжала подниматься по утрам, приводить себя в порядок и ходить на занятия, но попытки нагнать программу окончательно забросила. Если повезет – она сессию сдаст, если нет... Лана понимала, что ей все равно.

На занятия к Аранту она ходить перестала, но каждый день опасалась, что он может найти ее и заставить учиться дальше. Однако за неделю «прогулов» он так и не появился, и Лана пришла к выводу, что он затаился до поры до времени. Когда она ему понадобится, можно не сомневаться: он свое требует.

В газетах продолжали появляться сообщения о странных смертях, происходящих по всему магическому континенту, но Легион никак не мог выйти на след убийцы или убийц. Как не мог вычислить закономерность. И каждый раз, читая об этом, Лана вспоминала мертвое тело Анны, ее затянутые тьмой глаза. И тепло воспоминаний о помощи духу русалки угасало еще чуть-чуть. Анне она помочь не смогла.

Поговорить о своих переживаниях ей было решительно не с кем. Подруги не знали о даре, и теперь Лана не рассказала бы им даже под страхом смерти. Сестра... Марта, скорее всего, опять психанет, если услышит, что Лана погрузилась в сон короля. Особенно если поймет, что именно ею двигало в тот момент. До результата погружения разговор может и не дойти.

Оставался Братт. И Лане даже удалось убедить себя, что он поймет и простит ее поступок. По крайней мере, точно выслушает до конца и скажет что-нибудь обнадеживающее. Он всегда слушал и всегда ободрял.

Но в тот день, когда она решила ему все рассказать и нашла его после занятий, он как раз стоял в холле академии и разговаривал с женщиной, в которой Лана мгновенно узнала Мег Даймонд. Их общение было довольно сдержанным, поскольку они находились в публичном месте, но Лану все равно больно кольнула ревность. Вспомнились и жаркие объятия во сне, и разговор по душам у камина в доме Фарлагов. Моменты, в которые ей начинало казаться, что его невеста не имеет значения.

Братт поднял взгляд и заметил ее. Лана понимала, что нужно поскорее уйти, сделать вид, что она просто проходила мимо, но не смогла. Так и застыла на месте, глядя на него через холл, не в силах ни скрыть эмоции, ни отвести глаза. Ей показалось, что на его лице тоже промелькнуло печальное и как будто виноватое выражение, но он сразу снова переключил внимание на невесту и улыбнулся ей. Лана смогла уйти только долгих тридцать секунд спустя.

Ночью Братт ей приснился, но Лана не смогла понять, был это ее сон или она бессознательно провалилась в его. Мог ли он сам прийти к ней, ведь он теперь спит на ее подушке и не знает об этом? Или же поставленная печать навсегда закрыла ему доступ к подобным рискованным

прогулкам?

Лана не знала, но впервые за неделю после возвращения из особняка Фарлагов вновь чувствовала себя спокойной и счастливой, лежа на берегу знакомого пруда – того самого, что блестел на солнце гладкой поверхностью рядом с загородным домом Марка Аранта. Почему они с Браттом оказались именно здесь, она не представляла, но ей нравилось.

Они лежали прямо на траве. Куратор – на спине, подложив под голову руки и глядя в небо, а она рядом, на боку, тоже подперев голову рукой, но глядя на его безмятежное красивое лицо.

– Все наладится, Лана, – говорил Братт, но она никак не могла вспомнить, успела ли до этого рассказать ему обо всем, что ее тревожит, или сон просто подсовывал ей то, что она так жаждала услышать: слова утешения. – Не знать, что делать дальше и куда идти, – нормально для твоего возраста и ситуации. Новая цель обязательно появится, ты главное продолжай двигаться.

– Вы ее любите? – спросила она вместо ответа, не отводя глаз от его лица. – Вашу невесту?

Он ответил не сразу.

– Она меня любит. Это уже немало. Особенно для того, кто никогда не чувствовал подобного в свой адрес.

– Но я ведь не об этом вас спросила.

– Я дал ей слово, Лана.

– И снова не то.

Он закрыл глаза, как будто бездонная прозрачная синева утомила их.

– А ты меня?

– Я не знаю, – не стала юлить Лана. – Я даже не знаю, чей это сон.

Братт снова открыл глаза, повернулся на бок, приподнимаясь на локте, так что их лица оказались почти на одном уровне. Пальцы его руки в ласкающем движении скользнули по ее щеке к губам. Взгляд беспрестанно бегал по лицу, как будто не мог выбрать, на чем остановиться.

– У нас теперь сны общие, одни на двоих, – выдохнул он за секунду до того, как теплые губы коснулись ее губ.

Лана придвинулась ближе, решая, что подумает об этом странном ответе после... когда-нибудь. Может быть. Если не забудет. Целовать его было куда приятнее, чем думать. Прижиматься к теплоте, хоть и совершенно ненастоящему телу, зарываться пальцами в короткие волосы на затылке. Чувствовать его вес сверху, когда она сама оказалась прижата спиной к земле.

Лана вдруг поняла, что прекрасно знает ответ на заданный им вопрос. И даже отстранила Братта, чтобы этот ответ озвучить, но вместо слов из груди вырвался вскрик: глаза куратора оказались затянуты той же тьмой, что и у мертвых девушек.

Лана дернулась, пытаясь освободиться от его объятий, и... проснулась. Села на кровати в темной спальне, обнимая руками колени.

Что это было? Обычный кошмар? Еще один непонятный намек от кого-то с нижнего уровня? Образ, рожденный сознанием самого Братта?

Ответа она не знала, но вопросы не давали ей нормально уснуть до самого утра.

Утром, еще до начала занятий, фея принесла Лане записку от куратора, в которой тот официально и лаконично велел ей явиться в его кабинет. Неужели она все-таки провалилась в его сон, а он это понял? Но она ведь спала на нейтральной, как она это называла, подушке!

Впрочем, Лана теперь уже знала, что в чужой сон можно попасть и с такой, если очень захотеть. Может быть, она очень захотела?

Лицо куратора не предвещало ничего хорошего, но едва оказавшись в его кабинете, Лана поняла, что речь пойдет не о сегодняшнем сне. Стоило ей войти, из гостевых кресел сразу поднялись два легионера, и обоих она знала: старший легионер столицы Дилан Мор и следователь Хильда Сатин. Их лица совершенно не читались, но добра от них тоже ждать не следовало.

– Лана Лерой? – формально уточнила Сатин, хотя прекрасно знала, что это она. – Вы должны пройти с нами.

– К-куда? Зачем? – испуганно уточнила Лана.

Дверь за ее спиной снова распахнулась, выпуская запыхавшуюся Марту. Судя по всему, Братт отправил сообщение и ей. И судя по тому, как едва заметно поморщился Дилан Мор, делать это его не просили.

– В Легион, – ответил он спокойно.

– Хильда, что здесь происходит? – встревоженно спросила Марта, каким-то образом оказываясь между Ланой и легионерами. – Что вам нужно от моей сестры?

– Мне очень жаль, Марта, – холодно отозвалась Сатин, – но она задержана по подозрению в нелегальном применении ментальной магии.

В кабинете стало очень тихо, а Лане – очень холодно. Она даже не знала, что страх может так морозить кожу и внутренности.

Марта обернулась, бросая на нее быстрый взгляд, но удивление тут же сменилось на ее лице решимостью.

– Лана еще несовершеннолетняя, – копируя официальный тон подруги, заявила она. – Я пойду с ней как ее официальный представитель.

Мор качнул головой, мгновенно прогоняя тепло, которое зародилось в груди Ланы, когда она это услышала.

– Речь идет о покушении на короля, госпожа Бренон. Это вопрос общей безопасности, а потому стандартные процедуры не действуют. Вашу сестру ждет Королевский Суд. Отойдите в сторону, иначе мы будем вынуждены применить силу.

Марта буквально задохнулась от удивления и негодования, повернулась к подруге и попыталась возвать к ней, но та только обронила:

– Прости, ничего не могу сделать.

Лана бессильно посмотрела на молчащего куратора. Тот тоже вскочил с кресла, но на этом его участие в происходящем закончилось. Он лишь бессильно сжимал зубы, очевидно, заранее зная, какое обвинение выдвинуто против Ланы и к чему оно ведет. На его лице она смогла прочесть только одно: «Я же предупреждал тебя!»

Лана даже не заметила, как на ее запястьях появились браслеты, запирающие магический поток внутри. Она вообще уже ничего не видела, не слышала и не замечала. В ушах шумело, глаза застилала пелена слез, в голове билась только одна мысль: «Мне конец». И если еще накануне, просыпаясь, Лана не знала, что делать со своей жизнью, то теперь вдруг поняла, что в ней так много прекрасного, от чего она не хотела бы отказываться. Даже если это просто походы с новыми подругами в «Сияние» и посещение не особо интересных ей лекций. Все равно это куда лучше, чем сгнить в тюрьме. Или за такое вообще казнят?

Когда ее вели по коридорам СКА к выходу из здания академии, занятия уже начались, поэтому по пути они никого не встретили, что было малым, но утешением: если бы на нее все пялились, было бы гораздо хуже. Эри и так наверняка закатит вечеринку, узнав о ее аресте.

Осознание происходящего вернулось к Лане, когда вслед за Мором она вышла из портала, ожидая увидеть перед собой огромное уродливое здание Легиона. Однако они оказались совсем в другом месте. Лана даже не сразу поняла, где находится, пока ее не подвели к небольшой калитке в вычурном заборе, состоящем из кованых секций, в которых металлические нити сплетались в замысловатые узоры.

Подчиняясь магическому потоку старшего легионера столицы, калитка открылась, пропуская их на территорию невероятно красивого парка. Четверо легионеров, дежуривших у калитки, тут же преградили им путь. На них была темно-синяя форма, которую Лана узнала, вспомнив свой бал дебютанток. Королевская служба безопасности. Мору пришлось тихо объясняться с их старшим, поскольку ему они не подчинялись. Только королю.

Ну да, конечно. С чего она вообще взяла, что Королевский Суд вершится в Легионе? Конечно, все происходит во дворце.

Их пропустили, но на входе в главное здание королевской резиденции встретили двое провожатых. Дальше они пошли впятером. Лану чуть не одолела нервная истерика, когда она подумала, насколько опасной преступницей ее считают.

Вскоре вся процессия остановилась у дверей, Лане велели ждать, а Мор, постучавшись, прошел внутрь. Сердце забило быстрее, замороженные внутренности пронзило острой болью, словно ее проткнули насквозь. Слегка замутило от мысли, что за этой дверью ее ждет король.

Мор вышел быстро, слишком быстро, как показалось Лане. Придержал дверь и жестом предложил ей войти. Ну как – предложил? Скорее, приказал.

Ноги не гнулись, поэтому походка наверняка выглядела странно. Она вошла, услышала, как дверь тихо закрылась за спиной, сделала несколько шагов вперед к большому письменному столу, но на середине комнаты растерянно остановилась, осознав, что за столом никого нет.

Лана оглянулась по сторонам, ища короля взглядом, но обнаружила лишь тогда, когда обернулась назад: король, сцепив руки за спиной, стоял у дальнего окна, глядя на что-то во дворе. Если бы Лана не была в такой прострации, наверняка увидела бы его, когда вошла.

Норд Сорроу был точно таким, каким она видела его во сне. Разве что серебряных нитей в волосах стало больше. Словно почувствовав ее взгляд, он обернулся. Темные глаза скользнули по ней вниз-вверх, губы дрогнули в неожиданной для Ланы улыбке. Король расцепил руки и присел на подоконник, глядя на нее почти сочувственно.

– Так вот ты какая в жизни, Лана Лерой. Впервые вижу столь милую и столь напуганную террористку.

– Я не террористка, – вырвалось у нее прежде, чем она успела себя остановить.

Голос прозвучал хрипло и жалко. Лана откашлялась, чтобы вернуть себе привычные нотки. Не будет она дрожать перед ним! Ее участи это все равно не изменит, но она хотя бы не будет так противна самой себе.

– Ментальное воздействие на главу государства формально считается террористическим актом, – заметил Сорроу.

– Я не воздействовала! Я просто... смотрела.

Его улыбка стала шире, и что больше всего удивляло Лану: черты лица казались такими же мягкими, как во сне, когда он общался со своими детьми. Поймав ее, король выглядел совсем иначе.

– Ты не стой там столбом, иди сюда, – позвал Сорроу, похлопав по подоконнику рядом с собой.

Лана представляла себе Королевский Суд совсем не так, но нагнетать обстановку демонстративным неповиновением не стала. Подошла, присела на подоконник максимально далеко от короля. Благо окно было широким.

– Если бы ты не воздействовала, я бы тебя не заметил. Но в ментальной магии есть одна проблема: контролировать свои мысли очень сложно. Чтобы не воздействовать на чужой сон, нужно полностью очистить голову, а это удается немногим. Ты все равно думала о том, что я сделал с твоим отцом, и как следствие – о своих отношениях с ним. Поэтому увидела то, что увидела: меня, моих детей, моего отца... Ты направила сон, поэтому я и почувствовал вторжение. Не расстраивайся. Будь это кто-то другой, мог и не почувствовать. Но я с детства не жду от жизни ничего хорошего, а в тринадцать лет понял, что, находясь у власти, ты всегда находишься под ударом, а значит, надо всегда быть начеку.

«Не расстраивайся». Из всей тирады Лана зацепилась именно за эти слова. Он что, издевается?

– Королевский Суд всегда так проходит? – резко поинтересовалась Лана, полоснув по нему гневным взглядом. – Вы утешаете тех, кому собираетесь вынести приговор?

– Королевский Суд? – удивленно переспросил Сорроу. И тут же понимающе кивнул. – Это Мор тебя застрашал?

– Да, он так сказал, когда Марта захотела пойти со мной, как мой представитель.

Сорроу покачал головой.

– Ты на него не обижайся, он бывает резок. Профессиональная деформация, полагаю. Да, формально ты нарушила закон, причем очень серьезно, Легион имеет право тебя арестовать. Но ты действительно не причинила мне вреда, поэтому я не стал бы затевать Королевский Суд. Не для того я его придумал.

– А для чего? – тут же поинтересовалась Лана, несколько ободренная заявлением о том, что ей самой Королевский Суд не грозит. – Если не для сведения личных счетов?

В глазах Сорроу мелькнуло удивление.

– Так вот как ты воспринимаешь ситуацию? Считаешь, что я свел с твоим отцом личные счета?

– Суд, на котором обвиняемому не дают права защищаться, иначе восприниматься не может.

– Да, наверное, ты права, – задумчиво протянул король, скрещивая руки на груди. – Но все не совсем так, как кажется. Бывают ситуации, когда доказать чью-то вину в обычном законном порядке – невозможно. Нет прямых улик и свидетельств, а обвиняемые так могущественны, что все косвенные указания их представители и защитники разобьют в пух и прах. С твоим отцом сложилась именно такая ситуация. Он виртуозно заметал следы, по документам все его хищения были прикрыты. Лишь анализ некоторых тенденций давал понять, что там что-то происходит, но это не является доказательством в суде. Добавь к этому дар внушения, огромные деньги на взятки и возможность угрожать другим людям чем угодно вплоть до физической расправы – и ты получишь преступника, который всегда выйдет сухим из воды. Я понимаю, тебе неприятно слышать такое о родном отце, но это так. Я мог бы, конечно, использовав собственную власть и влияние, устроить показательное судилище. Велеть судье отметить все доводы защиты и принимать все доводы обвинения, заранее продиктовать нужный приговор, но это было бы куда хуже. Это подорвало бы веру в судебную власть и поставило бы под удар общественного осуждения судью и обвинителя. Поэтому в таких случаях я предпочитаю брать правосудие в свои руки.

– А если вы неправы? Если вы ошиблись и осудили невиновного?

– Тогда это будет только моя ответственность. Но в случае с твоим отцом я во всем уверен. Ему долго удавалось водить меня за нос. Я не сразу распознал его дар, очень уж аккуратно он им пользовался, поэтому поначалу всецело ему доверял. Может быть, я просто очень хотел ему верить, чтобы иметь возможность заниматься государственными делами чуть меньше.

– И вместо этого строить игрушечную флотилию? – вырвалось у Ланы.

– Именно, – не стал отпираться король. – Можешь мне не верить, но быть королем мне не очень-то нравится. Моя семья значит для меня гораздо больше, я бы с удовольствием посвятил свое время им, а не вот этому всему.

Он обвел широким жестом кабинет.

– Я мог бы и вовсе передать власть твоему отцу, восстановив республику, но почувствовал неладное. То ли он стал наглей и брать все больше, то ли просто так сложилось. По моей просьбе Дилан Мор целый год следил за ним и собирал информацию. Ее оказалось достаточно, чтобы сделать выводы. Если хочешь, я могу тебе показать собранные материалы. Изучишь и, скорее всего, придешь к тому же, к чему пришли мы. Ты кажешься умной девочкой, да и Арант тебя хвалил.

– Арант? Это он меня сдал?

Сорроу снова улыбнулся.

– Можно и так сказать. Когда я почувствовал чужое присутствие во сне, я попытался отследить источник, но не смог. Обратился к нему, поскольку знаю, что он одно время очень интересовался стихийными сноходцами. Он не стал отпираться и все про тебя рассказал.

Лана покачала головой, запуская пальцы в волосы. Вот и доверяйся после этого темным!

– И что со мной теперь будет?

– Да ничего, – пожал плечами Сорроу. – Считай, что в этот раз ты отделалась разъяснительной беседой. Конечно, формально твой дар вне закона, поэтому Легион должен принудительно поставить блокирующую печать, но мне кажется, что в твоем случае это непозволительное расточительство.

– В моем случае?

– Арант сообщил мне, что ты можешь спускаться на нижний уровень и, фактически, общаться с мертвыми, а это большая редкость. Фарлаги рассказали о том, что ты сделала для матери Тары.

– Вы и до них добрались? – поразились Лана.

Король тихо хмыкнул.

– Я знаю, что в чужой сон попасть непросто. А в мире не так много мест за пределами дворца, где я сплю или спал раньше. В Орте ты не появлялась, я проверял, к родителям Тани тоже не заходила. А у Фарлагов ночевала как раз тогда, когда в мой сон наведалься чужой. В общем, найти твою точку входа оказалось легко.

Именно в этот момент Лана в полной мере прочувствовала, что Арант был прав: не по зубам ей король, всегда был и всегда будет.

– Вы считаете, что можете найти применение моему дару? – уточнила она, возвращаясь к предыдущей теме.

– Ты ведь слышала о странных убийствах, которые происходят по всему континенту? Насколько я знаю, это ты нашла тело первой жертвы.

Лана только молча кивнула.

– Погружалась в ее сознание, так?

И еще один кивок. Взгляд Ланы стал настороженным.

– Мы не понимаем, что происходит. Убийца или убийцы не оставляют следов. Даже способ убийства не определить, люди просто... умирают. Ты можешь помочь нам, снова погрузившись в сознание Анны Вест и направив сон так, чтобы увидеть произошедшее в ночь ее смерти.

– Но я уже пыталась, смогла увидеть только Эспикур.

– Тогда ты не умела управлять сном, а теперь Арант многому тебя научил.

С этим было не поспорить, но снова погружаться в сон Анны Лану не тянуло. От одного воспоминания о жутких существах, нападавших на нее там, мороз бежал по коже. Больше она нигде с ними не сталкивалась.

Но есть ли у нее выбор?

– А если я откажусь? – прямо спросила она, снова посмотрев на короля.

– Думаешь, буду шантажировать тебя твоим правонарушением? – легко догадался тот. – Не буду, слово короля. Если ты пойдешь туда, то только по своей воле.

– Я там чуть не умерла в прошлый раз, – заметила Лана.

– Я понимаю, поэтому не хочу давить. Но больше никто этого сделать не сможет, а мы исчерпали другие варианты получения информации.

Слова попали точно в цель. У Ланы даже спина выпрямилась, как только она их услышала.

Больше никто этого сделать не может. А она может.

– Хорошо. Я попробую. Но при условии, что вы дадите почитать мне те материалы, о которых говорили, и выслушаете, если я приду к другому выводу, прочитав их.

– Эта сделка меня устраивает.

Глава 21

Когда за Ланой закрылась дверь, моментально распахнулась другая – маленькая и неприметная – в противоположном конце кабинета. Его Величество Норд Сорроу, еще не успевший покинуть место на подоконнике, вскинул голову и улыбнулся вошедшей жене.

– Подслушивала? – с притворным недовольством спросил он.

Супруга пожала плечами, изображая невинность и напоминая ему юную девчонку, какой он увидел ее в первый раз: еще такую беззаботную и не знающую жизнь. От прежней Тани Лариной теперь остались только все те же рыжие волосы и зеленые глаза. Ни грамма настоящей беззаботности, разве что, как сегодня, наигранная.

– Не намеренно. Я шла к тебе, услышала голоса и не стала врывать. Но и отказать себе в удовольствии послушать не могла. Иногда полезно со стороны понаблюдать, как виртуозно ты умеешь манипулировать людьми.

Она подошла ближе, присела на край подоконника рядом с ним, но не так, как Лана, а коснувшись плечом его плеча. И хотя произнесенные слова могли показаться упреком, ничего такого в ее тоне не звучало. Простая констатация факта.

– Мор ведь не по своей инициативе страдал ее Королевским Судом, верно?

– Суд действительно был его импровизацией, – Сорроу оскорбленно дернул плечом. – Полагаю, чтобы не пустить сюда сестру. Я просил только как бы арестовать ее, но все это строго в рамках закона. Кстати, хочу напомнить, что схему «злой полицейский – добрый полицейский» в свое время объяснила мне именно ты.

Таня согласно кивнула, не собираясь отпираться. Лишь заметила:

– Она еще совсем девчонка. И очень рискует такими погружениями.

– Я знаю, – ровным, лишенным каких-либо эмоций голосом согласился Сорроу.

– Она может погибнуть.

– Я знаю! – на этот раз слова прозвучали резко. Сорроу повернул голову к жене. – Будь у меня хоть какой-то выбор, я бы постарался этого избежать. Но его нет, Таня. Даже для меня с моим серым потоком вход на нижний уровень закрыт. И Легион действительно исчерпал другие возможности получить информацию. А люди гибнут. Все чаще. И твои кошмары говорят лишь о том, что будет хуже. Время на исходе, а может быть, оно уже вышло, мы не знаем. Да, Лана может погибнуть. Если это произойдет, ее смерть будет на моей совести. Но все другие – тоже на моей, потому что я должен защищать своих людей. Всех, а не только одну девочку. Я когда-то уже объяснял тебе: быть хорошим королем и хорошим человеком одновременно невозможно.

Таня успокаивающе погладила его по плечу, потом скользнула рукой вниз, нашла его ладонь и переплела их пальцы.

– Но тебе это удастся, Ян.

Хоть он давно вернул себе настоящее имя, она так и не смогла к нему привыкнуть. К лицу – да, но не к имени. Какое-то время честно пыталась, но после пары месяцев постоянных оговорок муж махнул рукой:

– Да называй ты меня как прежде. У многих людей есть домашнее имя, которое не имеет ничего общего с официальным.

– Но ты не любишь имя «Ян», – напомнила тогда Таня. – Сам говорил мне.

– Но мне всегда нравилось, как его произносишь ты, – парировал он. – И об этом я тебе тоже говорил.

На том они и сошлись. Ему действительно нравилось, когда она называла его так.

– Каким образом? – удивился он сейчас, вопросительно глядя на Таню.

– Ты переживаешь. И за нее, и за других. Плохой человек не стал бы переживать. А хорошие люди не всегда поступают хорошо. Иногда они поступают так, как необходимо.

Он снова улыбнулся и легонько коснулся губами ее губ в молчаливой благодарности за поддержку. Тане всегда удавалось немного облегчить давление ответственности, которое Сорроу чувствовал

постоянно.

– Я все же думаю, что с ней все будет хорошо, – признался он. – Ее особый дар проявился вскоре после того, как погибла первая девушка. А появиться вообще мог в ту же самую ночь. Думаю, Арант прав: Хаос пытается ею что-то уравновесить. Остается надеяться, что мы вовремя сможем понять, что и как надо сделать.

У дверей королевского кабинета Лану ждала только Хильда Сатин. Она же проводила ее в гостевую комнату и сняла с запястий браслеты.

– Ради себя и сестры не делай глупости, пожалуйста, – попросила она, строго глядя на Лану. – Сорроу милосерден, но только в первый раз. Тех, кто с первого раза не понимает, не ждет ничего хорошего.

Лана молча кивнула, с интересом осматривая огромную спальню, обставленную дорогим громоздким антиквариатом. Не очень-то уютно.

– Вы знали, что он мне скажет и что предложит? – полюбопытствовала она, обернувшись к Сатин.

Та улыбнулась уголками губ и уклончиво ответила:

– Мы предполагали. Здесь, – она указала на огромную кровать, застеленную вычурным постельным бельем, из которого выбивалась только одна деталь, – подушка Анны Вест. Из родительского дома. Последние годы она там ночевала редко, но больше никто на ней не спал. Как нам объяснили, этого достаточно.

– Вас Арант консультировал? – догадалась Лана.

– Да, – признала Сатин и задумчиво добавила: – Мир изменился за последние годы. В прежние времена Легион даже разговаривать с главой Темного Ковена не стал бы. Разве что на допросе. А теперь...

– Вы об этом жалеете? – удивилась Лана. Она таких времен уже не помнила.

– Скорее нет, чем да, – снова прозвучал уклончивый ответ. – Тебе что-нибудь нужно для ускорения засыпания?

– А мне нужно торопиться? – уточнила Лана.

– Не обязательно. Но сама понимаешь: чем дольше ты тут, тем дольше волнуется Марта.

С этим Лана не могла не согласиться.

– У меня была сумка с учебниками, – припомнила она. – Я ведь на лекции шла. Она у вас?

Сатин кивнула.

– Тогда дайте мне ее. Я плохо спала ночью. Если лягу и прочитаю немного «Теорию взаимодействия журналиста с органами власти», усну быстро.

По губам легионерши снова скользнула быстрая улыбка. Видимо, она еще помнила, как хорошо убаюкивает такое чтение.

Вскоре у Ланы было все необходимое. Она скинула лишнюю одежду, чтобы чувствовать себя удобнее, устроилась на кровати под одеялом, подложив под голову нужную подушку, раскрыла учебник.

Сосредоточиться на чтении оказалось самым сложным: в голову лезли разные мысли, не давая не то что читать, но даже немного расслабиться. Отогнав их усилием воли, Лана все же заставила себя сосредоточиться на буквах, складывая их в слова, и вскоре почувствовала, как тяжелеют веки. Отложив учебник в сторону, она повернулась на бок и закрыла глаза.

По ее ощущениям, на нижний уровень она провалилась моментально, снова оказавшись в «Сиянии». На этот раз она смотрела на Анну со стороны. Та сидела за барной стойкой, потягивала коктейль, а на другой стороне круга снова сидел куратор Братт. Лана нашла взглядом и Ле Крока, и Аранта. Но сегодня заметила, что Арант смотрит на Братта, а до Анны ему нет никакого дела. Ле Крок не смотрел ни на кого, просто скользил взглядом по толпе.

«Это я уже все видела, – раздраженно подумала Лана. – Давай, Анна, покажи мне что-нибудь еще».

Как будто услышав ее мысли, сидящая за стойкой девушка повернула голову и посмотрела прямо на нее, отчего у Ланы болезненно свело внутренности. Она непроизвольно отступила назад,

испугавшись. Анна между тем соскользнула с высокого табурета и медленно двинулась по кругу, касаясь кончиками пальцев стойки, вызывая покачивая бедрами. Все остальные посетители куда-то исчезли, музыка зазвучала приглушенно, словно кто-то набросил на Лану звуковой полог.

Лишь один человек остался за стойкой, и стало понятно, что Анна идет именно к нему. Куратор Братт посмотрел на нее удивленно-вопросительно, когда она приблизилась, скользнула кончиками пальцев по его кисти, к плечу и наконец обняла обеими руками, тесно прижимаясь грудью к его спине.

Лана стояла далеко, но все равно видела все болезненно отчетливо. И так же внятно прозвучал для нее шепот Анны, когда она наклонилась к уху Братта:

– Я знаю вашу тайну, куратор.

Его лицо переменялось: исказилось злостью, из чего Лана сделала вывод, что тайну эту не должен знать никто.

Свет вдруг погас, бар исчез, а следом из темноты на Лану выплыл монумент, спиралью стремящийся в небо. Она опустила взгляд на постамент: Анна лежала на нем, сонно моргая, как будто пыталась очнуться от сна, но не могла. Лана инстинктивно шагнула к ней, хотя и знала, что не сможет помочь.

– Анна, – шепнула она, склоняясь над девушкой. – Кто это сделал? Кто и зачем? Скажи мне!

Анна открыла рот, но из него вырвалось лишь невнятное мычание, глаза ее упрямо закрывались. Лана почувствовала, как что-то ткнулось ей в руку. Оказалось, Анна протягивает ей какую-то фигурку.

Монумент подернулся рябью, как потревоженная вода в пруду. Все надписи исчезли, а камень стал похож на прозрачное стекло, под которым клубится, постоянно двигаясь, почти черный дым. Лана инстинктивно отпрянула, а заметив движение, и вовсе отскочила одним прыжком на добрых пять шагов.

Из того, что раньше было камнем постамента, вылезло бесформенное Нечто. То самое, что преследовало Лану в ее первых погружениях, но сейчас оно не видело ее. Отделившись от камня, оно нависло над Анной, и подрагивающие веки той наконец замерли, оставив глаза беззащитно открытыми. Яркий, болезненно белый свет полился из глаз Анны в бесформенное облако, парящее над ней.

Лана в ужасе смотрела на безмолвную картину, до боли сжимая кулаки, пока свет не погас, полностью поглощенный темным Нечто. Оно, в свою очередь, обрело некое подобие очертаний, став похожим на летающего черного осьминога. Быстро метнувшись в сторону, Нечто исчезло из поля зрения Ланы, и она снова почувствовала спиной холод. Но в этот раз успела коснуться броши раньше, чем до нее дотянулись липкие щупальца.

С резким жадным вдохом она села на кровати, испуганно озираясь по сторонам. Майка, в которой она легла, прилипла к покрывшейся холодным потом коже, а за окном уже сгустились сумерки.

«Все, все в порядке, ты в безопасности», – твердо сказала себе Лана и позволила наконец выдохнуть и разжать сведенные судорогой пальцы.

Только теперь она почувствовала, что в ее ладони что-то лежит. Фигурка. Лана медленно поднесла ее к глазам, пытаясь рассмотреть в полумраке комнаты.

Это была маленькая обезьянка, зажимающая себе уши.

Дилан Мор сидел в своем кабинете и крутил в руках хорошо знакомую обезьянку, а в голове – отчет Ланы о ее погружении на нижний уровень. И не знал, чему удивляться больше.

Обезьянку сделала Хильда еще на втором курсе академии, продемонстрировав необычный подход к созданию прослушивающих артефактов. Этот маскировался под артефакт-глушитель и действительно сводил на нет все усилия других артефактов, но при этом сам записывал разговор. Обнаружить второй слой магии за первым можно было только в том случае, если знаешь, что искать.

Охотясь за серым магом, готовившим теракт в Академии Легиона, они подкинули обезьянку доктору Вилар, которую подозревали в причастности. Тогда она не записала ничего годного, но позже сыграла решающую роль в аресте и отставке канцлера Кролла: Сорроу явился к нему лично, заставил признаться во всех преступлениях и записал разговор. Позже артефакт был использован на суде, после чего хранился на складе вещественных доказательств в подвале Легиона.

И вот теперь он каким-то образом оказался у Ланы Лерой. Если бы Хильда лично не следила за ее погружением из соседней комнаты через подглядывающее зеркало, Мор поклялся бы, что Лана притащила обезьянку с собой в сумке, а потом предъявила вместе с выдуманной историей. Но она была под наблюдением, о котором не знала, Хильда глаз с нее не сводила, готовая в любой момент войти в спальню и разбудить, если понадобится. Она утверждала, что Лана достала из сумки только учебник, в ее руках ничего не было, когда она засыпала. И Хильде Дилан верил.

Тогда как? Он успел проверить подвальное хранилище на всякий случай: обезьянки там не оказалось. Включал запись: на ней звучали голоса канцлера Кролла и тогда еще Яна Нормана. Их разговор со всеми паузами и интонациями Дилан знал наизусть, поэтому не сомневался в том, что запись подлинная.

Только что все это значит, демоны его раздери? Каким образом связаны эти дела?

Дверь кабинета резко распахнулась, и лишь потом прозвучал единичный формальный стук. Хильда в несколько широких шагов пересекла кабинет и оказалась у стола, наклонилась вперед, упираясь руками в столешницу и азартно улыбаясь.

– Только что получили подтверждение из банка: за два дня до исчезновения Анны Братт снял со счета все свои накопления. Не такие уж большие, но, думаю, студентке из обычной семьи хватило бы. По крайней мере, на первый раз, потому что шантажисты редко успокаиваются на одной выплате.

– Думаешь, она его шантажировала, угрожая раскрыть настоящую личность, а он сделал вид, что собирается заплатить, и убил?

– Версия не хуже других, – кивнула Хильда, – хотя многое меня смущает...

– Да уж. Как убил? Причем тут остальные жертвы? Почему деньги на счет не вернул?

Хильда смешно сморщила нос, как иногда делала, когда картина не складывалась, и Дилан с трудом удержался от того, чтобы привычно нажать пальцем на кончик. Она права: четыре года прошло, пора бы уже отпустить прошлое и двигаться дальше.

– Если верить Лане, Анну убила какая-то неведомая хрень, предположительно вытянув из нее магический поток. Может быть, Братт пробудил эту штуку, чтобы ничто на него не указывало, а потом не смог упокоить? И она пошла убивать дальше, а он держит деньги при себе, чтобы в любой момент свалить с ними за Занавесь? Или уже перевел их за Занавесь и держит там для верности.

– Версия не хуже других, – с улыбкой согласился Дилан. – По крайней мере, это дает нам повод для задержания и принудительного снятия иллюзии. Может быть, его настоящая личность прояснит, как со всем этим связана твоя мартышка.

Дилан убрал артефакт в зачарованный ящик стола, который мог открыть только он, и поднялся на ноги, привычным движением оправляя форму. Хильда тоже выпрямилась, глаза ее горели предвкушением, как бывало всегда, когда в безнадежном деле появлялась ниточка.

Они вместе шагнули к двери, собираясь сначала заскочить к судье за соответствующим приказом, а потом найти Братта и арестовать. Следовало торопиться: его и так мог спугнуть их сегодняшний визит.

Однако на пороге кабинета они столкнулись с очень напуганным молоденьким администратором.

– Господин Мор, у нас проблема. С нами связалось региональное отделение и требует подкрепления. Что-то случилось в Аннегейне. Они просят вашего присутствия.

Дилан удивленно нахмурился. Аннегейн был маленьким тихим местечком недалеко от столицы, в котором никогда ничего не случалось. Дилан и не знал бы о нем, если бы в свое время не служил с пареньком родом оттуда. Тот часто рассказывал о родной деревне, объясняя свое желание служить в боевом отряде беспробудной скукой местной жизни. Они прослужили вместе года три, потом паренек – Дилану никак не удавалось вспомнить его имя, хотя постоянные рассказы о доме помнил очень отчетливо – перевелся в отряд стражей. Они тогда попали в серьезный переплет, отправившись сопровождать группу ученых на континент, кишащий низшими. Оба были ранены, но сам Мор остался в боевом отряде, а его товарищу из Аннегейна приключений хватило.

Что такого страшного могло произойти в скучающей глуши? Да такого, что бледного, как полотно, администратора трясет крупной дрожью.

– Это срочно?

– Думаю, да, господин Мор. Там... все очень плохо.

Он бросил быстрый взгляд на Хильду, как будто не хотел озвучивать подробности при ней. Дилан кивнул, быстро принимая решение:

– Поднимите по тревоге два дежурных отряда. Полная экипировка. Пусть ждут меня у портала, я сейчас подойду.

Когда администратор убежал выполнять распоряжение, Дилан повернулся к Хильде.

– Ты иди к судье. Как только приказ будет, отправляйся за Браттом. Возьми с собой пару боевиков в сопровождение, вдруг он вздумает сопротивляться. Полагаю, когда ты приведешь его сюда, я уже тоже вернусь. Если нет, предложи снять иллюзию добровольно. Скажи, что ему это зачтется.

– А ему это зачтется? – удивилась Хильда.

– Это будет зависеть от того, что мы увидим под маской.

– Поняла.

Они наконец вышли из кабинета, прошли до конца коридора, где их пути разошлись, быстро попрощались. Но не успел Дилан сделать и пяти шагов в своем направлении, как Хильда его окликнула:

– Дилан!

В ее голосе звучали тревога и что-то похожее на отчаяние. Но откуда?

Он обернулся, увидел, что она не сделала и шагу. Стоит и смотрит на него почему-то испуганными глазами. Что-то почувствовала?

– В чем дело?

Она набрала в грудь воздуха, заметно волнуясь, но слова никак не хотели срываться со слегка дрожащих губ. Да что с ней такое? Только что ведь все было хорошо...

– Аннегейн – это ведь где-то недалеко от Эспикура, верно?

Мор задумался, пытаясь воскресить в голове карту местности, и в конце концов кивнул.

– Да, это рядом. Вполне возможно, что сейчас Аннегейн ближайший к нему населенный пункт.

Ее тревога сразу стала понятна: все началось в Эспикуре, и это, пожалуй, единственное, что может связывать маленькую скучающую деревню со страшными событиями. В груди неприятно заныло.

– Пожалуйста, будь осторожен, – попросила Хильда.

И когда она так на него смотрела, надежда на то, что ничего не кончено, снова воскресала, и желание двигаться дальше – то есть, прочь от нее – исчезало. Так и происходило все эти четыре года: ему почти удавалось убедить себя, что она никогда не вернется, а потом он ловил ее неосторожный взгляд, в котором плескались прежние чувства, связавшие их больше десяти лет назад, и все аргументы рассудка рассыпались.

– Это все, что ты хочешь мне сейчас сказать? – с лукавой улыбкой уточнил Дилан.

Она прикрыла глаза, покачала головой, но он так и не понял, что это значит.

– Возвращайся, – охрипшим голосом добавила Хильда. – Скорей.

Очередное разочарование трудно было не испытать и еще труднее – скрыть.

– Я постараюсь не задерживаться, – пообещал Мор, поворачиваясь и продолжая свой путь.

Ее взгляд он чувствовал спиной до тех пор, пока не скрылся за очередным изгибом коридора.

Глава 22

Лана не находила себе места. Она едва успела проснуться, даже из-под одеяла не вылезла, когда в спальню влетела Хильда Сатин и начала спрашивать, что ей удалось увидеть. Будь у нее хотя бы десять минут на то, чтобы прийти в себя, Лана, возможно, не выложила бы ей все в мельчайших подробностях, но обезьянка в собственной ладони так шокировала ее, что она просто ничего не соображала.

Когда легионерша, прихватив фигурку, вылетела из комнаты, Лану одолели сомнения. Зачем она только сказала про Братта? Еще перед совместной поездкой в Эспикур она решила, что он не имеет отношения к случившемуся с Анной, а теперь поверить в обратное совсем уж не могла, но подозревала, что он скрывает свою настоящую личность, вероятно, из-за совершенных в прошлом проступков или даже преступлений. Теперь Легион в него вцепится и не отпустит, пока все не выяснит. И кто знает, чем это для него обернется? Как она могла так подставить его?

Чем дольше она оставалась в спальне наедине со своими мыслями – а отпускать ее никто не торопился, это она быстро выяснила – тем больше сомнений ее одолевало. Анна показала на него, ясно дала понять, что в тот вечер они не просто виделись мельком и случайно. И потом... Братт взял Лану на место Анны, когда расследование ее исчезновения еще не было завершено. Он знал, что она не вернется. Откуда?

Лана едва не протоптала траншею посреди комнаты, пока нервно ходила из стороны в сторону добрых два часа, нервно грызя ногти и прокручивая в голове все события и известные ей факты. Но как она их ни крутила, каждый раз получалась катастрофа. Или она подставила своим рассказом невинного и небезразличного ей мужчину, или этот самый мужчина – убийца. Потенциально серийный. Что хуже, она не знала.

Момент освобождения пришел неожиданно: дверь просто открылась, и сотрудник королевской службы безопасности сообщил, что она свободна. После чего ее снова проводили все к той же калитке в заборе где-то в задней части парка и разрешили идти на все четыре стороны.

Все четыре Лане были не нужны: она поторопилась вернуться в Академию, но час был уже поздний, занятия закончились, и ни Марты, ни Братта на месте не оказалось.

Умом Лана понимала: Братта задержали, потому ее и выпустили из дворца, но в сердце жила надежда, что за эти два часа легионеры во всем разобрались и выяснили, что он здесь ни при чем.

Однако в комнате общежития его тоже не оказалось, и это говорило в пользу версии разума, но Лана все же предприняла последнюю попытку его найти: отправилась в «Сияние». Может быть, пообщавшись с легионерами, он решил сбросить напряжение, пропустив стаканчик-другой?

Мысль о Марте, которая наверняка волнуется, ничего не зная о том, чем на самом деле обернулся Королевский Суд, Лана прогнала. Может быть, подруга-легионерша уже все ей рассказала? В любом случае, полчаса погоды не сделают.

Если для академии было уже слишком поздно, то для «Сияния» – еще слишком рано: начало недели, начало вечера, посетители только начинали собираться, занимая столики больше с целью перекусить, чем с прицелом на долгий веселый вечер. Музыка играла, но танцпол пустовал. Дым еще не запустили, а потому помещение хорошо просматривалось. Знакомых лиц Лана не заметила, в том числе нигде не было видно куратора. Для очистки совести она обошла бар по кругу, но здесь и вовсе почти никто не сидел.

Лана остановилась в той части круга, где обычно сидел Братт, – и в реальности, и в ее снах – вскарабкалась на табурет, не зная, что делать дальше. Очевидно, куратора все же сцапал Легион. Неужели он все-таки причастен к смерти Анны? Но как же все его пронзительные речи о том, что он больше никому не причинит вреда, что он выбрал быть другим человеком и оставил прошлое позади? Или «никому больше» как раз и было про Анну? Лана закрыла лицо руками и тихонько застонала, чувствуя пульсирующую в груди боль.

Сначала король оказался совсем не таким, каким она его себе представляла, – и ей стало некого ненавидеть и винить в своих бедах. Если и Братт окажется не таким, ей станет не к кому тянуться...

Ее мир снова рушился. То, что от него осталось. И на этот раз ей почему-то было гораздо тяжелее и намного страшнее.

– Добрый вечер! Что вам предложить? – бодро поинтересовался мужской голос.

Лана вздрогнула, отнимая руки от лица. Перед ней, зауценно улыбаясь, стоял молодой бармен. Она растерянно моргнула: так глубоко ушла в собственные переживания, что успела забыть, где находится.

– Вино? Коктейль? – попытался подсказать парень.

Предложение звучало соблазнительно, но какая-то малознакомая часть Ланы напомнила ей, что сейчас не время.

– Нет, спасибо, пока ничего.

– Ждете кого-то?

– Можно и так сказать. А что, нельзя? Я вроде ничье место не занимаю.

Бармен тут же отстал, а Лана подняла взгляд выше. С ее места хорошо просматривался второй уровень с зоной для особых гостей. Сейчас там почти никого не было, лишь за одним столиком лениво шевелились какие-то тени.

Она обернулась, ища взглядом выход на лестницу, куда охранник проводил ее в прошлый раз. Нашла и уверенно устремилась к ней. Идти к Аранту – не лучшая идея, но вечно бегать от него все равно не получится, а он может что-то знать. Не зря же в тот вечер он так пристально смотрел на Братта.

Ее никто не остановил. То ли охранники не заметили, как Лана скользнула за дверь «только для персонала», то ли им было не велено ей препятствовать.

Коридор второго этажа тонул в безмолвной темноте, лишь луч приглушенного света из приоткрытой двери кабинета Аранта разрезал ее наискосок. Значит, хозяин на месте.

Лана осторожно заглянула в щель между дверью и косяком. Главу Темного Ковена увидела сразу: он в расслабленной позе сидел за столом, развернув кресло боком и вытянув вперед длинные ноги. Над ним висел небольшой световой шар, но свет его падал так, что лицо Аранта оставалось в тени. Зато было хорошо видно початую бутылку и стакан, который глава Ковена крутил в пальцах.

– О, блудная ученица пожаловала, – неожиданно протянул Арант.

Лана вздрогнула: не знала, что ее уже заметили. Но теперь отступить было поздно, поэтому она уверенно вошла. Арант повернулся к ней, и глаза его оказались куда трезвее голоса.

– Зачем пришла? – насмешливо поинтересовался он. – Мне показалось, что учиться тебе расхотелось. Кстати, нашу сделку это не отменяет. Тебе просто для сведения.

– Я ищу своего куратора. Рейна Братта. Вы ведь его знаете? Он был одним из вас когда-то?

Улыбка, и без того натянутая, окончательно исчезла с лица Аранта.

– Был. И вот же странность: пока он состоял в Ковене и планировал, прямо скажем, очень нехорошие вещи, ему удавалось избежать общения с Легионом, а стоило оставить все это в прошлом и зажить жизнью обычного человека, как угодил под арест.

– Вы точно знаете, что его арестовали? – нахмурилась Лана, понимая, что до сих пор все-таки надеялась на обратное.

– У меня надежные источники.

– Думаете, он действительно замешан?

Уточнять детали не стала. Если у Аранта такие надежные источники, то он наверняка в курсе дела даже больше, чем она.

– А ты? – Арант снова поймал ее взгляд, поднося к губам почти опустевший стакан. – Что ты думаешь?

– Я не знаю. Вам виднее. Вы ведь давно его знаете. Кто он на самом деле?

– Это философский вопрос, ты не находишь? Кто мы все на самом-то деле? Ты хочешь, чтобы я назвал его имя? Что оно тебе даст? Имя всего лишь последовательность букв, оно ничего не говорит о человеке. А что еще? Его положение, родственные связи? Вот ты дочь коррупционера, шедшего к власти буквально по головам, но что это говорит о тебе? Да ничего! В остальном ты знаешь его не хуже, чем я. Ты ведь погружалась в его сны? Не отпирайся, уверен, что погружалась. Наяву он тебе мое имя не назвал бы.

Лана, закусив губу, обдумывая услышанное. В голосе Аранта звучало что-то странное, неожиданное. Это было похоже на горечь. Даже боль. Видимо, именно арест Братта привел к тому, что он тут пьет в одиночестве, хотя этажом ниже его всегда ждет компания.

– Он ваш сын? – предположила она, припомнив, как Арант упоминал, что сын у него есть.

Его усмешка превратилась в гримасу, он отвернулся.

– Мой сын понятия не имеет о моем существовании. То есть... Он, конечно, слышал о Марке Аранте, главе Темного Ковена, но о том, что я имею к нему отношение, не знает.

На лице Ланы против ее воли отразилось сочувствие.

– Почему?

– Потому что я никогда не был женат на его матери. Собирался жениться, но... Она была из хорошей семьи, а я выскочка из трущоб, еще и инициированный темный маг, тогда отношение к нам было другое. Мы с ней оба были молоды... В общем, знаешь, это в романах только так бывает, что принцессы выходят замуж за кого попало. В реальной жизни ее родители запретили мне приближаться к ней, а ее саму быстренько выдали замуж. И судя по нашему последнему разговору, им удалось убедить ее в том, что так будет лучше.

– Выскочка из трущоб? – удивилась Лана. – По вам не скажешь. Мне казалось, вы должны быть как минимум бастардом кого-нибудь из старой аристократии.

Арант повернулся к ней всем корпусом вместе с креслом, подался вперед, упираясь локтями в стол, глядя почти разочарованно.

– А ты тоже веришь в эту чушь насчет важности происхождения? Да перестань.

Он снова наполнил стакан и откинулся на спинку кресла, его лицо спряталось в тени.

– Деньги, власть и желание из кого угодно сделают наследного принца. К тому же последние десять лет я тесно общался с самым настоящим древним королем. Манеры не так сложно перенять.

– А зачем?

Арант задумался. Не демонстративно, а по-настоящему, словно раньше ему не приходило в голову задать себе этот вопрос.

– Демон его знает! – наконец фыркнул он. – Наверное, сначала мною двигала мечта однажды показать им, как они ошиблись. Потом просто привычка.

– И вам никогда не хотелось что-то изменить? Сделать так, чтобы ваш сын вас узнал?

Лана сама не знала, зачем спрашивает об этом. Какое ей дело до Аранта и его сына? Если этот сын не Братт, то никакого. Может быть, после личного знакомства с Сорроу и его снами ее просто не отпускала тема отцов и детей.

Арант между тем вздохнул и пожал плечами.

– А зачем?

И этот ответ прозвучал вполне исчерпывающе.

– Иди домой, Лана, – неожиданно мягко велел Арант. И на всякий случай уточнил: – К сестре. У меня все равно нет ответов на твои вопросы, а она наверняка с ума сходит. Иди к ней, разберись сначала в себе, а потом уже будешь разбираться в том, кто такой на самом деле Рейн Братт. В конце концов, через несколько часов у тебя будут все шансы задать ему любые интересующие тебя вопросы на территории, где он не сможет уйти от ответа.

Лана удивилась, что такая простая мысль не пришла ей в голову раньше. Действительно, она может обо всем расспросить Братта во сне, ей не нужно бегать и повсюду искать его наяву.

Она кивнула и молча покинула кабинет Аранта. Медленно добрела по темной улице до дома Марты, чувствуя себя разбитой, усталой и окончательно потерянной.

«Разберись в себе». Хороший совет, пожалуй. Может быть, ей стоило с этого начать, а потом уже кидаться то в один омут, то в другой.

В ответ на ее стук Марта распахнула дверь так быстро, словно ждала под ней. Лана почувствовала, как защипало глаза от осознания простого факта: сестра ее ждала. Несмотря на то, что они едва знают друг друга, и то, что они такие разные. С того самого дня, как мир Ланы рухнул, Марта была рядом, помогала, как могла, тянулась к ней, когда все остальные отвернулись. А Лана только и делала, что огрызалась в ответ. И устроила драму на пустом месте, когда сестра позволила себе поделиться чувствами с ней.

– Лана! – с облегчением выдохнула Марта. – Ты в порядке?

Вместо ответа Лана шагнула ей навстречу и обняла, с трудом преодолевая страх того, что сестра оттолкнет.

Не оттолкнула. Марта обняла ее в ответ, крепко прижимая к себе и глядя по волосам, как маленькую девочку.

Сама не зная почему, Лана горько разревелась, уткнувшись ей в плечо.

Хильда торопилась. На приказе о задержании Братта с целью принудительного снятия иллюзии еще не успели высохнуть чернила, а она уже стояла на пороге кабинета последнего в сопровождении двух боевиков. Это был тот случай, когда с опекой Дилана, от которой тот никак не мог отказаться, она не видела причин спорить.

На свое задержание Братт отреагировал с необычным спокойствием. Даже понимающе кивнул с едва заметным вздохом, как будто ждал этого. Возможно, с ним не будет проблем, и он сам обо всем расскажет.

В Легион она вернулась спустя всего полчаса после расставания с Диланом. Разум твердил, что если в Аннегейне действительно случилось что-то серьезное, то так быстро группа оттуда вернуться не могла. Но Хильда все равно торопилась, готовая прыгнуть в портал, чтобы присоединиться к старшему легионеру столицы и двум дежурным отрядам на месте происшествия. Как будто без нее там не разберутся! Но сердце ныло в тягостном предчувствии, и Хильде хотелось быть рядом с Диланом в такой момент. Просто чтобы немного успокоить разыгравшееся воображение.

Едва сдав Братта под охрану, она метнулась в дежурную часть, чтобы выяснить у администратора, как там продвигается в Аннегейне. Формально ей нужен был старший легионер столицы для снятия иллюзии с подозреваемого, потому право задавать вопросы у нее было.

Но все вопросы умерли у нее на губах, стоило только увидеть молодого парня, отправившего Мора по вызову. Тот был уже даже не бледным, а почти серым, дрожь уступила место ступору.

– Что случилось?

Вопрос прозвучал так низко и так хрипло, что Хильда сама не узнала свой голос.

– Там все мертвы, – слепо глядя в пространство перед собой, почти шепотом ответил парень. – Все мертвы. Целая деревня...

Хильде показалось, что она проглотила огромный снежок: холод прокатился по груди и упал в живот твердой льдинкой.

– Что с группой? Что с Мором?

Парень только покачал головой, все еще пребывая в прострации. Видимо, к такому Академия Легиона его не подготовила.

– На них напали. Трое погибли на месте. Остальные вернулись, но...

– Что с Мором? – нервно повторила Хильда.

Парень растерянно посмотрел на нее.

– Он в лазарете, но...

– Объявляй тревогу, – велела Хильда. – Не сиди тут парализиком! Надо вызывать боевые отряды, оцепить район, поставить щиты. И сообщить обо всем королю. Если старший легионер столицы выбыл из строя, ты должен уведомить об этом его заместителя. Он становится главным.

– Но...

– Выполняй!

Парень моргнул – и его взгляд наконец стал осмысленным. Паника отступила, и он зашевелился, но Хильду, бросившуюся бегом в сторону лазарета Легиона, это напугало только больше. Похоже, молодому дежурному просто не хватало приказа. Но почему его не отдал Дилан, раз все-таки вернулся? Ответ мог быть только один: он совсем плох. И потому она бежала по коридорам быстрее, чем на всех зачетах по физической подготовке, едва не сбивая с ног попадающихся по пути коллег.

На нужном этаже она налетела на первую попавшуюся медсестру, и та волшебным образом сразу поняла, о ком ее спрашивают, и даже смогла показать дорогу. Впрочем, глава Легиона не каждый

день попадал сюда. Скорее всего, Дилан не был в лазарете с тех пор, как Сорроу, тогда еще носивший фамилию Норман, вылечил его ногу: последнюю травму, полученную им во время службы в боевом отряде.

У дверей палаты с потерянным видом сидел Галлоуз, командир одного из дежурных отрядов, с которыми Дилан отправился в Аннегейн. Хильда хорошо его знала, они были знакомы еще со времен Академии, хотя Галлоуз был на пару лет старше. Услышав ее шаги, он вскочил с тянущейся вдоль стены скамьи. Лицо его выглядело виноватым.

– Что там случилось? – без предисловий, не тратя время на приветствия, спросила Хильда, задыхаясь от быстрого бега.

– Если бы мы знали, – мрачно отозвался Галлоуз. – Все произошло очень быстро. Мы вышли из портала, но нас никто не встретил. Весь Аннегейн был уже не то в тумане, не то в дыму.

– Ты туман от дыма не отличаешь?

– Я-то отличаю, но там было что-то среднее. Больше похоже на дым, но гарью не пахло. Мор велел рассредоточиться и осмотреться, сказал, что тут должен быть местный отряд, который нас и вызвал. Мы нашли их быстро. Все были мертвы.

– Как они умерли?

– Известно как: глаза темные, других видимых повреждений нет. Мор сказал, что в переданном ему сообщении то же самое было сказано про местных жителей, но мы не успели подтвердить. На нас напали.

– Кто?

– Если бы я знал! Никогда не видел подобных тварей! Что-то темное, бесформенное... Оно пряталось в проклятом дыму, нападало внезапно. Мы ничего не могли им сделать. Все боевые заклятия лишь развеивали их ненадолго, а потом они снова появлялись, как ни в чем не бывало. Мор даже темное попробовал – не помогло. А если эта тварь в глаза посмотрит – то все, конец. Трое из нас даже понять не успели, как погибли.

Хильда прикрыла глаза, а потом покосилась на дверь палаты. Часть нее рвалась туда, но тело словно застыло.

– Что случилось с ним?

– Мор велел отступать, возвращаться в Легион. Пока открывали портал, его как-то оттеснили от нас, одна из этих тварей добралась до него. Он приказал уходить, но мы успели ударить по той штуке, что начала «пить» его. Втащили его в портал, но...

Он тоже посмотрел на дверь палаты и покачал головой.

– Прости, Хильда.

– Но он ведь жив? – с трудом выдавила она, пытаясь проглотить вставший в горле ком и при этом не дать волю жгущим глаза слезам. – Если вы его вытащили...

– Пока да, – прозвучал глухой ответ. – Ты зайди к нему. Он спрашивал про тебя.

Галлоуз снова опустился на скамейку, а Хильда моргнула, проясняя зрение, и только потом шагнула за дверь.

Глаза не сразу привыкли к полумраку. Здесь горели только несколько маленьких шаров по углам, отчего и без того бледный Дилан Мор, лежащий на узкой койке и прикрытый тонким одеялом только до пояса, казался совсем бескровным. Хильда и не знала, что он может выглядеть настолько... хрупко. Это слово никогда не вязалось с его внешностью высокого, сильного мужчины, бывшего боевика, а сейчас первым пришло в голову.

Она осторожно закрыла дверь, но тихого стука оказалось достаточно, чтобы его ресницы дрогнули, а глаза приоткрылись. Уголки губ приподнялись в улыбке.

– Хил...

Хильда всю жизнь ненавидела это сокращение, но сейчас даже не обратила на него внимания. Подошла к койке, села рядом и сжала непослушными пальцами холодную руку.

– Я здесь, Дилан, я с тобой. Все будет хорошо.

Он тихо хмыкнул, снова прикрывая глаза. Пальцы лишь бессильно дрогнули в попытке сжать ее руку в ответ.

– Кажется, отвоевался...

– Не говори так, – она упрямо покачала головой, чувствуя, что ком в горле вернулся. – Ты поправишься. Ты здесь, значит, ты поправишься.

– Мы никогда не имели дело с подобным, – прошелестел он. – Хил, нам не сдержать их. Мы даже сражаться не сможем. Это как ловить руками воздух. Надо сообщить Сорроу...

– Ему сообщат, территорию оцепят, будут выставлены щиты. Все уже делается, Дилан, ты просто отдыхай, пожалуйста. Тебе нужно набраться сил.

Он резко выдохнул, отпуская остальную часть тирады. С трудом сглотнул и снова приоткрыл глаза, поймал ее туманящийся взгляд.

– Почему ты ушла? – вопрос прозвучал едва слышно. – Что я сделал не так, Хил?

За последние четыре года он задавал этот вопрос столько раз, а она все бегала от него, потому что знала: как только озвучит причину их расставания, сама поймет, насколько все было глупо. И скорее всего, сгорит от стыда на месте. Но сейчас Хильда не могла отказать ему в правде. Он должен знать, что это не было его виной.

– Ты ничего не сделал, Дилан. Просто я феерическая дура, – призналась она тоже почти шепотом, сжимая его руку крепче, как будто это могло помочь его удержать. Голос уже не желал слушаться, а не заплакать становилось все труднее. – Три года, что мы служили и жили вместе, я слышала шепотки за спиной. Каждый мой успех, каждое маленькое продвижение по службе – каждый раз я слышала одно и то же. «Конечно, она ведь спит с Мором!» Что бы я ни делала, как бы ни старалась, сколько бы усилий ни прикладывала... Все списывалось на то, что я твоя любовница. Это началось еще в Академии, но в конце концов я... сломалась. Прости.

– Почему ты просто не сказала об этом мне? – после паузы удивленно спросил он. – Я ушел бы из Легиона, вернулся бы к преподаванию. Мне никогда не была нужна эта должность.

– Именно поэтому и не сказала, – призналась Хильда, чувствуя, как одна слеза все-таки скатилась по щеке. – Ты был нужен Легиону. Ты был нужен королю. Ты всем был нужен, потому что ты хороший глава Легиона. Я не хотела, чтобы ты уходил из-за меня. Такое не должно было произойти.

В палате какое-то время висела тишина, но наконец Дилан тихо резюмировал:

– Как глупо.

– Я знаю. Прости. Я очень-очень сильно тебя люблю. Никогда не переставала любить, правда. Если бы я только могла что-то изменить...

Резко распахнувшаяся дверь заставила ее осечься. Она торопливо вытерла мокрую дорожку на щеке и обернулась к вошедшему доктору.

– А что это у вас так темно? – бодро поинтересовался тот, и легким движением руки увеличил мощность световых шаров. – Кого хороним?

Хильде захотелось его ударить. Он что, издевается? Нет, конечно, она знала по собственному опыту, что доктора Легиона порой демонстрировали чересчур легкомысленное отношение к смерти. Боевики тоже порой над ней насмехались. Такова была защитная реакция организма, но сейчас Хильда не могла этого оценить.

От резкого ответа ее удержало одно: Дилан неожиданно зашевелился, подтянулся и как ни в чем не бывало почти сел на кровати, опираясь на спинку. Нет, он выглядел все таким же бледным, но теперь уже ресницы не трепетали, глаза спокойно смотрели на доктора.

– Что здесь происходит? Я думала, все серьезно...

– Ну, не шутки, конечно, – хмыкнул доктор, – но до похорон далеко. Я принес вам отказ от стационара на подпись, раз уж вы не хотите недельку отлежаться.

И он протянул Мору документ на подложке, который тот быстро подписал врученной ему ручкой.

– Хочу еще раз настойчиво повторить: у вас сильно истощен магический поток, практически до полного расходования. Никакой магии как минимум следующие три дня, слышите меня? Даже артефакт в душе пусть кто-то другой активирует.

- Я все понял, - заверил Дилан, чей голос звучал теперь намного тверже. - Спасибо. Я буду осторожен, но я должен вернуться к работе.

- Кто бы сомневался, - фыркнул доктор и, скользнув взглядом по ошарашенной Хильде, вышел.

- Ты меня обманул, - выдохнула та, едва дверь закрылась. - Прикинулся умирающим...

Дилан только виновато пожал плечами.

- Справедливости ради: я действительно мог не вернуться из Аннегейна. Так бы и не узнал причины, по которой ты меня бросила.

Хильда попыталась вскочить и выбежать из палаты, но Дилан оказался быстрее: перехватил ее за запястье, дернул на себя - и вот она уже тоже сидит на кровати, прижата к его груди сильными руками, которым невозможно сопротивляться. И совершенно не хочется.

Их лица были почти на одном уровне, дыхания смешивались, но Хильде не хватало смелости посмотреть ему в глаза. Ей было стыдно.

- Отпусти? - без особого энтузиазма попросила она.

- Ни за что. Больше - ни за что. Я не знаю, что мы будем с этим делать, но что-нибудь придумаем. Должен заметить, я тоже несколько раз слышал забавную версию своего назначения на пост главы Легиона. Якобы твоя подруга королева, с которой ты делила комнату в Орте, замолвила за меня словечко мужу по твоей просьбе. Люди всегда будут болтать, Хильда. Всегда будут искать более приятные для себя причины, почему кто-то другой чего-то добился, а они пока нет. Это проще, чем прикладывать усилия самим. Если мы будем позволять им ломать нам жизнь этим, мы ничего не докажем, сделаем хуже только себе.

Хильда и без него это знала, но почему-то именно его слова вернули все на свое место в ее картине мира. Да, ушла она потому, что в определенный момент сломалась, а не вернулась потому, что боялась: он не поймет и разозлится, если узнает правду. Но этого не произошло.

Поэтому она внезапно обмякла в объятиях Дилана, положила голову ему на плечо и высвободила руки только для того, чтобы обнять его в ответ. Холодная льдинка в животе окончательно растаяла, и на ее место пришло такое знакомое, но почти забытое за последние четыре года тепло.

Глава 23

Хильде не удалось уговорить Дилана остаться в постели. Каких-то полчаса спустя он уже вернулся в свой кабинет, где они обнаружили напряженного заместителя. Тот облегченно выдохнул, когда понял, что снова не главный. Это была явна не та ситуация, во время которой он желал бы продвинуться по службе.

– Король извещен, оцепление выставлено, – отчитался он. – Эм... *дым* распространился на довольно большую территорию, но она практически вся необитаема. Аннегейн – единственный населенный пункт в зоне поражения, но если облако будет расширяться... Там хватает деревень, а дальше идут города. Столица, конечно, далеко, но рано или поздно *оно* может прийти и сюда.

– Начинайте эвакуацию ближайших поселений, – велел Дилан. – За облаком только наблюдать, не пытаться сдерживать, ограничиться контролем периметра. И не пускайте туда людей.

Заместитель явно хотел что-то возразить, но передумал. Коротко кивнув, он покинул кабинет, а Хильда вопросительно посмотрела на Дилана.

– Так мы проблему не решим.

– Знаю, – отозвался он, доставая из ящика стола обезьянку. – Но выиграем время. Чтобы решить проблему, нужно понять ее суть. Так что давай поговорим с Браттом. Может быть, он прольет свет на происходящее.

– Я распоряжусь, чтобы его привели в комнату для допросов, – кивнула Хильда. – Приказ о снятии иллюзии у меня есть.

Когда они вошли в допросную комнату, Братт уже ждал их там. Лицо его выдавало волнение, и иллюзия все еще скрывала настоящие черты. Иначе быть и не могло: браслеты, запирающие магию внутри, не мешали поддерживать иллюзию, но не позволяли ее снять.

– Я полагаю, вам известно, по какой причине вы здесь?

Дилан сам начал допрос, сев напротив Братта. Хильда предпочла пройти к дальней стене, оказавшись у того за спиной. Отчасти это было стандартным методом психологического давления, но больше ей сейчас хотелось видеть лицо Дилана, который по пути сюда дважды пошатнулся и один раз даже был вынужден схватиться рукой за стену. Он не сможет снять с Братта иллюзию, ему не хватит сил, но Хильда опасалась, что все равно попробует. Она собиралась этому помешать.

– Да, госпожа Сатин мне все подробно объяснила.

– Вы знаете, что выписан приказ о принудительном снятии с вас иллюзии, – продолжил Дилан. – Но вы можете снять ее самостоятельно. Это будет расценено как сотрудничество и впоследствии будет вам зачтено.

– Я вижу, что вы, господин старший легионер столицы, сейчас не в лучшем состоянии, – заметил Братт. – Поэтому я готов снять иллюзию сам.

Дилан с пару секунд сверлил его взглядом, а потом перевел его на Хильду и кивнул ей, давая молчаливое указание снять браслеты. Она незамедлительно выполнила.

Братт прикрыл глаза, сосредотачиваясь, по его лицу пробежала рябь, меняющая черты. Наложенная на него иллюзия оказалась минимальной, но, когда она слетела, Хильда не сдержала удивленного вздоха.

– Марек?

Он открыл глаза и посмотрел на нее, криво усмехаясь. Это сделало его лицо еще более узнаваемым, потому что двенадцать лет, прошедшие с их последней встречи, наложили на него некоторый отпечаток.

Но все же ухмылка была другой. Ничего заносчивого, высокомерного или гаденького Хильда в ней не увидела, хотя именно таким ей запомнился Марек Кролл, сын последнего канцлера, с которым ей не посчастливилось учиться почти целый год в одном университете.

– Ты так удивляешься, словно ожидала увидеть кого-то конкретного, – хмыкнул он.

– Просто не ожидала увидеть тебя, – призналась Хильда, продолжая изучать его лицо.

– Что до меня, – вмешался Дилан, – то ваша настоящая личность многое объясняет.

И он выставил на стол перед Марекком обезьянку.

– Что это? – вполне искренне удивился тот.

Рука Дилана рефлекторно дернулась: он собирался сам включить воспроизведение, но вовремя удержал себя. Тут требовалось совсем небольшое магическое усилие, но доктор в своих рекомендациях был конкретен, а Дилан не мог рисковать снова угодить на больничную койку. Поэтому он снова обратился с молчаливой просьбой к Хильде. К счастью, та уже давно понимала его без слов.

В допросной зазвучал голос канцлера Кролла: «Я искал ее. У молодого мужчины вроде Ротта должны быть любовницы. И могли быть дети. Сын, которого монархисты считали бы своим королем...»

Марек болезненно поморщился и поднял взгляд на Дилана.

– При чем здесь эта запись?

– Она определенно имеет какое-то отношение к гибели Анны Вест. И если задуматься, то все укладывается в стройную версию. Узнав о казни отца, вы решили отомстить королю. Тайно вернулись в наш мир через какой-нибудь нелегальный портал, изменили внешность и имя. Нашли способ призвать каких-то темных тварей, но Анна Вест узнала, кто вы на самом деле. Она потребовала денег за свое молчание, вы сделали вид, что собираетесь заплатить, поэтому сняли деньги со счета. Но вместо этого отвезли ее в Эспикур и отдали тем тварям. И теперь их становится все больше, они убивают по всему континенту, а мы ничего не можем сделать. Хороший способ дискредитировать главу государства и Легион.

– Нет, все было не так, – торопливо возразил Марек. – Да, я вернулся из-за Занавеси с мыслью отомстить за отца. Я его ненавидел, но он все-таки был моим отцом. Я связался с Темным Ковеном, прошел инициацию ради силы и искал способ, но...

Он вздохнул, всплеснув руками, и снова слегка скривился: голос канцлера Кролла все еще звучал из обезьянки.

– Я передумал, понимаете? Арант убедил меня отказаться от мести. Наглядно показал, что мой отец сам виноват во всем, что с ним случилось. *Тогда* я сменил имя и надел иллюзию. Я не хотел возвращаться в мир людей, но я все еще был изгнан. Само мое нахождение здесь уже незаконно. Поэтому, когда Анна заявила, что знает мою тайну, я согласился заплатить ей.

– Так ты убил ее, просто чтобы сохранить тайну? – уточнила Хильда.

– Я не убивал ее! – с нажимом повторил Марек. – Я *согласился заплатить*. Один раз. Предупредил, что она пожалеет, если появится в моей жизни снова.

– Когда это останавливало шантажистов? – хмыкнул Дилан.

– Я заплатил ей очень много денег. Гораздо больше, чем было на моем счету. В разы. Остальную сумму дала моя невеста. В тот вечер в «Сиянии» мы встретились для передачи денег. Анна обещала, что исчезнет, поэтому я не удивился ее отсутствию. Только не ожидал, что она исчезнет, никому ничего не сказав, поэтому был вынужден подать заявление в Легион, но был уверен, что она не вернется. Решил, что она испугалась последствий, поэтому залегла на дно. Я не знал, что она мертва.

– Кто-то мог знать о цели вашей встречи в тот вечер? – поинтересовался Дилан. – Потому что иначе очень странно, что она погибла именно тогда.

– Я почти уверен, что у нее был сообщник. Точнее, что она была чьей-то пешкой. Анна была милой девушкой, но звезд с неба не хватало и преступных наклонностей не имела. Не представляю, как она могла узнать обо мне. И еще меньше верится, что она сама решилась на шантаж. Кто-то надоумил ее. Возможно, этот же человек ее и убил.

В допросной повисла тишина: Марек замолчал, Дилан и Хильда переглянулись, а запись обезьянки как раз закончилась.

– Странно все это, – наконец резюмировал Дилан. – Кто-то шантажирует вас, используя вашу студентку, потом убивает ее с помощью демонической сущности, после чего эти сущности начинают убивать всех подряд и создают угрозу для нашего мира. А мертвая Анна отдает Лане Лерой обезьянку с записью доп...

Дилан осекся, потому что из артефакта раздался громкий вздох. Только сейчас они поняли, что за записью допроса началась другая, но на ней очень долго звучала тишина.

- Так-так-так, – насмешливо произнес мужской голос, очень похожий на голос Марека. – Неужели вы добрались послушать меня? Думаю, это произошло очень не сразу, Легион никогда не отличался расторопностью. Надеюсь, вы, как и я, прониклись предыдущим разговором. Сколько раз его слышал, столько раз аж мурашки по коже. Каков герой, а? Ваш новый король. Ворвался в чужой дом, используя силу, которую никто не может контролировать, и под угрозой смерти заставил человека признаться в преступлениях. А потом забрал себе власть и все-таки убил его. Достоин, ничего не скажешь. Дангест Кролл не был святым, но едва ли заслужил подобное.

Дилан оторвал взгляд от обезьянки и удивленно посмотрел на Марека. Тот вновь выглядел искренне удивленным и даже напуганным. Заметив взгляд главы Легиона, он выразительно покачал головой, давая понять, что не имеет отношения к записи.

А голос между тем продолжал звучать:

- Сорроу – жалкий лицемер и самозванец. Ему досталась огромная сила, которой нет равных, а потенциальная безнаказанность портит. Или скажете, что она нужна ему для защиты своих людей? Не знаю, когда именно вы слушаете эту запись, но наверняка уже можно спросить: вы все еще в этом уверены? Но раз уж вы добрались до моего сообщения, я дам вам подсказку и шанс на спасение. Хотите знать, откуда взялись эти существа? Из недр Хаоса. А как вы хотели? Второй серый маг мертв, баланс сил нарушен... Равновесие нарушено. Рано или поздно это все равно случилось бы. Где тонко – там и рвется, господа. Я лишь немножечко помог. Эти твари – воплощение Небытия, если, конечно, можно так назвать что-то бесплотное. Они паразиты, питаются нашим магическим потоком. И чем больше его пьют, тем сильнее становятся. А чем сильнее они становятся, тем больше становится дыра между нашим миром и Хаосом. Вам не остановить их.

Послышался смехок и на несколько секунд воцарилась шуршащая тишина, но потом голос появился снова:

- Впрочем, о чем это я? Я же обещал дать вам подсказку и шанс на спасение. Вот он. Только Сорроу силой своего серого потока сможет запечатать дыру. Потеряв связь с Хаосом, паразиты развеются сами... Если, конечно, не выпьют вашего короля первыми. Ему нужно пойти к точке прорыва одному, потому что все, кто пойдет с ним, погибнут. Это битва, в которой или он победит, или все проиграют. Как думаете, в Сорроу достаточно героизма, чтобы попробовать? Он сможет рискнуть собой ради вас всех? Достаточно ли велик ваш король? Вот и посмотрим. Это тебе не с безоружным человеком воевать. Сложнее, чем убивать того, кто уже повержен и молит о пощаде.

Голос смолк, но присутствующие в допросной еще долго сверлили взглядами обезьянку, словно ждали, что она скажет что-то еще, даст еще подсказку. Артефакт упрямо молчал.

- Будешь продолжать утверждать, что это не твой план мести? – дрогнувшим от злости голосом спросила Хильда.

- Я не имею к этому никакого отношения...

- Это твой голос! – прикрикнула Хильда.

Дилан жестом остановил ее и не без труда поднялся на ноги.

- С ним потом разберемся. Нужно немедленно дать прослушать это королю.

- Нет, – твердо отрезала Таня, едва только обезьянка закончила вещать. Почувствовав на себе взгляды Дилана и Хильды, она повторила с нажимом: – Нет, нет и нет, ни в коем случае! Мы даже не знаем, что за псих записал это сообщение! Нельзя просто так сложить лапки и пойти у него на поводу!

На мужа, застывшего у окна с заведенными за спину руками, она старалась не смотреть, зная, что ей не понравится то, что она прочтет на его лице.

- Я не предлагаю идти у него на поводу, сложив лапки, – заметил Дилан. – Но за час с небольшим, что существует заграждение, граница облака сдвинулась на триста метров по всему периметру. Это значит, что при условии сохранения скорости распространения, оно достигнет границы следующего населенного пункта через шесть часов. Мы уже эвакуируем их жителей, но дальше идут более крупные города. Порталы темных, конечно, помогут нам справиться с задачей, но всех этих людей нужно будет где-то разместить. А если облако начнет расти быстрее? И не надо забывать о том, что эти существа появляются то здесь, то там регулярно, нападая на людей, которые не могут защититься от них. Каждый час промедления стоит кому-то жизни. У нас нет времени выбивать ответы из Кролла, даже если все это устроил он. Нужно решать проблему на месте. И если это действительно прорыв ткани реальности и к нам лезет Хаос...

- То кроме меня никто ничего не сможет с этим сделать, – закончил за него Сорроу мрачно. – Ты все

правильно говоришь, Дилан. Я должен туда пойти.

Таня прикрыла глаза и покачала головой. Ничего другого она от мужа и не ждала.

– И что, пойдешь один, как велит этот ненормальный, надеясь, что доберешься до разрыва раньше, чем эти твари выкачают из тебя магический поток? – негодуя спросила она, наконец поворачиваясь к нему и недовольно скрепя руки на груди.

– Конечно, нет, – Сорроу выразительно закатил глаза. – Я разве похож на человека с суицидальными наклонностями? Я пойду, но не один. Да, возможно, те, кто пойдут со мной, погибнут, но они дадут мне время сделать то, что необходимо сделать. Если я пойду один, шансов у меня будет слишком мало, а моя неудача станет приговором для всех.

– Звучит прям очень обнадеживающе, – проворчала Таня, насупившись. – Это же явная ловушка, Ян. Мы даже не знаем, правду ли сказал этот человек, кем бы он ни был. Особенно если это Марек Кролл!

– Я все это понимаю, Таня. Но это похоже на правду, ни один известный нам факт не противоречит сказанному на записи. И лучший способ во всем убедиться – это посмотреть на месте.

– Я хотел бы пойти с вами, – искренне сказал Дилан, – но от меня сейчас больше проблем, чем толку. Я выберу вам в сопровождение лучших боевиков.

– Не стоит, – качнул головой Сорроу. – Легионеры – ребята смелые и преданные, но светлый поток слишком ненадежен в подобной ситуации. Лучше свяжись с Арантом, пусть найдет мне среди своих наемников понадежнее и поотважнее. У темных шансов больше. Они хотя бы смогут легко открыть портал и уйти, если станет слишком опасно. Даже если мне удастся закрыть дыру, мы не знаем, как быстро развеется облако и его обитатели. А поскольку мы будем в самом центре, нужно иметь возможность побыстрее оттуда убраться.

– Мне не нравится этот план, – призналась Хильда.

– О, ну, по крайней мере, нас двое, – язвительно добавила Таня.

– Вы не могли бы оставить нас наедине, – попросил Сорроу, посмотрев при этом только на Дилана, что было по-своему разумно: являясь действующим легионером, Хильда была вынуждена подчиняться его приказам. Даже в такой ситуации.

Впрочем, Танина подруга и так не стала сопротивляться его просьбе. Когда король и королева остались в кабинете одни, Сорроу подошел к жене, пытаясь поймать ее взгляд, но она упрямо смотрела в пол.

– Таня, ты ведь понимаешь, что это та ситуация, когда действительно никто не сможет меня заменить? Я должен пойти.

Она не ответила и не подняла голову. Сорроу сделал еще шаг, обнял Таню за плечи и прижал к себе. Только тогда напряжение частично ушло из ее тела, а руки расплелись, чтобы скользнуть вокруг его талии.

– Я знаю, тебе страшно, – прошептал он ей на ухо. – Мне тоже страшно. Но если я не пойду, пострадает весь наш мир. И не факт, что Занавесь защитит другой. Хаос может уничтожить все наше измерение.

– Я понимаю, – глухо призналась она. – Меня просто бесит, что это всегда должен быть ты.

– Такова цена силы. Должен признаться, я все десять лет ждал, что случится нечто подобное. Или появится еще один серый, или произойдет что-то еще.

– Обещай, что сделаешь все возможное и невозможное, чтобы вернуться.

– Конечно, сделаю. У меня есть ты и дети, я очень хочу жить. И ты должна понимать, что я иду туда в первую очередь ради вас. Чтобы защитить вас.

Ее руки напряглись, сжимая его в объятиях крепче, как будто она все равно не хотела отпускать его.

– У меня дурное предчувствие, Ян.

Он отстранил ее ровно настолько, чтобы иметь возможность поцеловать, но потом ей пришлось отпустить его.

– Верь в меня, Таня. Верь, как верила всегда. Это много лет мне помогало, поможет и теперь. Зайду

к детям перед уходом.

И он исчез за второй дверью, которая вела к их личным комнатам. Оставшись одна, Таня бессильно опустилась в ближайшее кресло. Сердце колотилось в груди с такой скоростью, словно она бежала, а не сидела на месте. Оно тревожно ныло и заранее плакало, то в ужасе сжимаясь, то порываясь остановиться.

«Он сильный, он справится, – твердила себе Таня. – Всегда справлялся, справится и в этот раз». Но сердце не желало слушать и продолжало паниковать.

Таня переплела пальцы рук, сжимая их с такой силой, что они побелели. В горле стоял ком, глаза жгли слезы, и приходилось контролировать дыхание, чтобы не расплакаться. Самоконтроль едва не дал трещину, когда ее взгляд зацепился за кольцо с изумрудом на пальце. Ее первый фокусирующий артефакт, подаренный будущим мужем в самом начале их знакомства, когда она даже не была его студенткой.

Она помнила тот день так отчетливо, словно это было вчера. Как он велел зажать перстень в кулаке и как потом взял ее руку в свои. Тринадцать лет пролетели так быстро! Они все время сражались – с чем-то или кем-то. С самого начала. И до самого конца. Таня понимала, что, связывая судьбу с мужчиной почти на двадцать лет старше, не стоит надеяться на «умерли в один день», но Ян Норман, он же Норд Сорроу, был крепким мужчиной с отличным здоровьем, сильным магом, который мог прожить хоть сотню лет. У нее были все шансы состариться рядом с ним.

И вот теперь это будущее было под угрозой. Если бы не дети, она бы ни за что не отпустила его – и пусть весь мир рушится.

Как открылась дверь кабинета и в него вернулась Хильда, Таня не услышала. Осознала присутствие подруги только тогда, когда та присела на корточки рядом и взяла ее за руки, пытаясь выразить свою поддержку.

– Я бы закатила в аналогичной ситуации истерику со слезами, – попыталась пошутить она. – Мужчины этого терпеть не могут и готовы на все, чтобы остановить тебя.

Таня криво улыбнулась. Она сомневалась, что Хильда хотя бы раз за всю свою жизнь закатывала подобную истерику.

– Тань, ничего непоправимого пока не случилось. Его не первый раз пытаются загнать в ловушку и убить, но он всегда всех обыгрывал.

– Я знаю. Но никак не могу отделаться от мысли, что больше не увижу его.

Глава 24

В других обстоятельствах Лана решила бы, что их совместный вечер с Мартой стал одним из лучших в ее жизни. Они долго сидели на диване, обнявшись, и Лана сумбурно вываливала на сестру все мысли и события, которыми до того ни с кем не делилась. Рассказала все без утайки о своих намерениях в отношении короля, о предпринятых шагах и о том, как все изменилось после погружения в его сон. Рассказала о своих чувствах и переживаниях в адрес Братта и даже о разговоре с Арантом. После погрузилась в воспоминания о детстве, перечисляя все обиды на родителей, оставившие след на сердце.

Марта слушала, задавала вопросы, утешала, гладила Лану по спутанным волосам и призывала чистые носовые платки по мере того, как предыдущие приходили в негодность.

После этой долгой исповеди Лана почувствовала невероятную усталость и непривычное облегчение. Словно до того она тащила на плечах огромный камень, и теперь он упал, даже дышать стало проще.

Потом они долго пили травяной чай, Марта попыталась накормить сестру ужином, но та лишь немного поковыряла еду и, извинившись, отправилась спать.

В постель она упала совершенно обессиленная, не имея никаких намерений погружаться в чей-либо сон. Ей хорошо запомнились слова Аранта о том, что во время снохождения ее мозг не отдыхает, а сейчас Лана чувствовала, что отдых ей просто необходим.

Но стоило уснуть, как она оказалась в уже знакомом месте на окраине городка, в котором никогда не была, у Дома Риддик на скамейке в саду. В этот раз на ней не было подвенечного платья, только ставшие уже привычными синие штаны из плотной ткани и майка.

Лана оглянулась, ища глазами Братта, но так и не заметила его, пока он сам не подошел и не сел на скамейку рядом.

– Это твой сон или мой? – спросила она тихо, скользя взглядом по его фигуре.

Даже во сне он выглядел уставшим и разбитым, плечи непривычно сутулились, а брови хмурились.

– Я же уже говорил: наши сны переплелись, и теперь они у нас общие. Ты можешь приходить в мои, как в свои, а я так же в твои.

– Почему так? Арант о таком не рассказывал...

– Не знаю. Возможно, так случается, когда приходишь в сон другого сноходца. Мой темный поток перекрыт, но это не значит, что я совсем не имею к нему доступа, а навыки хождения никуда не деваются, даже если ими не пользуешься.

Лана кивнула, хотя ничего не поняла. Она просто была рада, что он здесь.

– У тебя, наверное, много вопросов, – заметил Братт, не поворачивая к ней головы.

Лана кивнула еще раз, но тут же возразила самой себе:

– Я хотела расспросить тебя во сне, но потом решила, что это не совсем честно.

– Что ж, тогда не надо спрашивать, просто слушай. Меня зовут не Рейн Братт, хотя за три года я очень даже привык к этому имени. Мое настоящее имя Марек Кролл, я сын последнего канцлера Второй Республики. Двенадцать лет назад отец изгнал меня за Занавесь, поскольку я участвовал в заговоре против него.

– О... – только и смогла выдохнуть Лана.

По губам Братта скользнула слабая улыбка, но тут же погасла.

– Ты не хуже меня знаешь, каково расти в семье политика, стремящегося на самый верх. Расти в семье, где все друг другу безразличны, но все обязаны играть какие-то роли. Своего отца я ненавидел столько, сколько себя помню, но в то же время перенимал все его черты. Он был высокомерным и подлым, не умел испытывать уважение или сострадание. Он не стеснялся держать вокруг себя любовниц на глазах моей матери, презирал всех, кто стоял ниже него, но постоянно притворялся зайкой перед избирателями, толкая проникновенные речи и делая широкие жесты, призванные показать его близость к народу. Например, отправил меня в Орту, а не в Лекс. Я презирал его за лицемерие и злился за то, что он и мою жизнь пытался подчинить своей игре. Я намеренно бесил его вызывающим поведением, и в то же время сам все больше верил в собственную исключительность и безнаказанность. Я относился к окружающим, как и он: как к

грязи.

Лана передернула плечами и выдохнула:

– Знакомая картина.

– Я знал, что ты поймешь. С самого первого дня, как Марта рассказала о тебе, я видел, что мы похожи. Поэтому и согласился взять тебя на курс. Поэтому и... – он осекся, прикрывая глаза и стискивая зубы. – Мне показалось, что я смогу помочь тебе изменить себя и свою жизнь, как в свое время помогли мне.

– Кто?

– Арант. Когда меня изгнали, я не знал, что делать. Представь себе пацана, считавшего себя лучше всех, который вдруг оказывается в чужом мире, правил и законов которого не знает, без денег, связей и перспектив. Демон меня заберу, я даже ни одним языком из тех, что в ходу за Занавесью, не владел! Артефакт-переводчик полноценно работает только в том случае, если его носят оба участника разговора. А так он дал мне возможность понимать, что говорят мне, читать надписи, но сам я ничего никому сказать не мог, меня не понимали. Я неделю бродяжничал, воруя еду с помощью магии. Недурно сбивает спесь, должен сказать.

Лана вспомнила, как чувствовала себя в первую неделю после ареста отца. Когда вдруг поняла, что ее имя больше ничего не значит, а мелочи, завалявшейся в сумке, едва хватает на один обед и несколько газет. Представила себе, что делала бы, не будь у нее предложения Марты. Куда бы она пошла? На что жила? Да, это заставило ее немного изменить свое отношение к происходящему.

– Потом я случайно встретил магов, увязался за ними просто потому, что они меня понимали. Они оказались членами Темного Ковена, но тогда это уже не имело значения. Они привели меня к Аранту. Уж не знаю, что за дела у него были за Занавесью, но он неожиданно предложил присоединиться к нему за ужином. Арант, конечно, знал, кто я, а я не стал скрывать от него разъедающие меня изнутри злость и ненависть. Мне пришло в голову, что это мой шанс. Можно стать темным, присоединиться к Ковену и рано или поздно отомстить всем, из-за кого я стал никем: отцу, Норману, этой выскочке Лариной – ревоплощению Роны Риддик. Всем!

В его голосе прорвался отголосок той злости, отчего у Ланы по спине побежали испуганные мурашки. Показалось даже, что в безмятежном цветущем саду стало немного холоднее.

– Арант выслушал мою пламенную речь спокойно, даже равнодушно. Спросил, что будет с этого иметь, что я готов предложить взамен на обучение темной магии. У меня ничего не было, и я знал, что месть теперь уже не сделает меня богатым наследником. Я предложил то единственное, что мог: служить ему. Он согласился.

Лане снова стало немного не по себе от того, что это отчасти походило на ее собственную сделку с Арантом. С поправкой на то, что она была не в таком отчаянии, а потому предложила лишь несколько услуг, а не служение в целом.

– Арант стал моим наставником, помог устроиться за Занавесью. У него был какой-то должник из Покинувших, который работал в университете. В уплату своего долга он на какое-то время взял меня жить к себе и на работу ассистентом, помогал учить язык и все такое. А Арант учил работать с темным потоком.

– И все за Занавесью? – удивилась Лана. – Легион бы это заметил.

– Теорию мы учили за Занавесью, а для практики он проводил меня сюда нелегальным порталом, к границе Пустоши. Там до сих пор фонит так, что Легион не в состоянии заметить использование темного потока. Главное – не попадаться. Я обожал эти занятия, потому что они позволяли возвращаться в родной мир, – с новой улыбкой признался Братт. Лана пока не могла думать о нем, как о Мареке Кролле. – И даже не заметил, как стал обожать и самого Аранта.

Лана только удивленно приподняла брови, а Братт неловко пожал плечами.

– Я восхищался им. Он был непохож на моего отца во всем. В том, как держал себя, как вел себя с подчиненными и даже со своими должниками. Он разговаривал со мной, но что еще более важно – слушал меня. Кажется, впервые в жизни меня по-настоящему слушали. Он часто не соглашался с моими заявлениями, легко и изящно доказывал, что я сам виноват во всех своих несчастьях, но не оспаривал мое право на месть. К тому, что это странный и не лучший выбор, я пришел сам. Уже после того, как прошел инициацию. А прошел я ее, едва узнав, что мой отец казнен. Странно, правда? Всю жизнь его ненавидел, даже участвовал в заговоре, предполагавшем его убийство, а когда кто-то другой его убил, с новой силой захотел отомстить.

И это чувство было Лане знакомо, пусть и не в таком масштабе. Братт прав: у них много общего.

– Инициацию Арант разрешил, но заявил, что к мести я не готов и вообще обязан сначала отработать все вложенные в меня силы. Мол, мстить Норману, который оказался древним королем Сорроу, – дело довольно безнадежное, шансов остаться живым мало, поэтому отработать нужно до. Я тогда не знал, что они стали союзниками и успели сдружиться. Знал бы, заподозрил подвох.

– Ох, как я тебя понимаю, – на этот раз не удержалась от комментария Лана.

Братт снова улыбнулся и даже бросил на нее мимолетный взгляд, но потом продолжил:

– К Темному Ковену обращались с разными просьбами. И не всегда это было что-то плохое. Теперь я понимаю, что Арант специально заставлял меня заниматься теми «заказами», которые предполагали помощь кому-то. И лишь потом показал менее приглядную сторону работы Ковена. Тогда я и понял, что во мне что-то успело измениться. Не знаю, как Арант это сделал, но темная сторона вдруг начала вызывать у меня отвращение. Я даже высказал ему все, что думаю по этому поводу. В такой резкой форме, что ему впору было убить меня. А он только сказал: «Так иди другой дорогой. У тебя все еще есть выбор».

– Тогда ты решил стать другим человеком?

– Да. Арант организовал мне иллюзию и новое имя и... отпустил. Странно, правда?

– Необычно, – согласилась Лана, задумавшись. – Может быть, ты ему кого-то напомнил? Или просто заменил?

Братт пожал плечами, и она вдруг поняла, что историю о сыне Аранта он не знает.

– Так или иначе, я стал Рейном Браттом, пошел работать преподавателем...

– Почему ты выбрал именно Королевскую Академию? – перебила Лана.

Это выглядело очень уж странно.

– Сам не знаю. Она как раз недавно открылась, там шел набор преподавателей, а мне это показалось забавной иронией судьбы. Ну и... Хочешь спрятаться – спрячься на самом видном месте. Даже если бы узнали, что Марек Кролл вернулся из-за Занавеси, никто не стал бы искать меня там. Наверное, по той же причине меня привлекла Марта: она ведь встречалась с легионером. А потом я познакомился с Мег. Не могу сказать, что влюбился, но мне было хорошо с ней. Мне было очень хорошо, пока я жил этой новой жизнью... Но потом Анна Вест заявила, что знает, кто я на самом деле. Все могло рухнуть, и я не увидел другого выхода, кроме как заплатить. Она потребовала много, пришлось обратиться к Мег. Та сказала, что ее семья может дать денег, но только в том случае, если я буду не просто парнем, с которым она встречается. Так мы и объявили о помолвке. Я не видел в этом ничего ужасного: она мне нравится, и она меня любит. Даже не спросила, чем именно меня шантажируют. Я не думал, что могу рассчитывать в этой жизни на что-то большее, пока не появилась ты.

Последние слова оказались такой неожиданностью, что Лана непроизвольно вздрогнула. Она повернулась к Братту и увидела, что он уже смотрит только на нее.

– Я говорю это потому, что мне, скорее всего, не выпутаться из этой передрыги. В лучшем случае меня снова вышлют. В худшем... Повесят всю эту историю с Анной и другими, с прорывом Хаоса и его паразитами...

– Погоди-погоди, ты о чем? – испуганно перебила Лана. – Какой прорыв, какие паразиты?

Он не успел ответить: что-то гроыхнуло, Лана обернулась на звук и вновь увидела перед собой поле, поднимающийся вверх холм и венчающий его монумент. Только на этот раз видна была лишь его верхушка, торчащая из серо-черного облака, похожего на грозовую тучу, остальное тонуло в ней. Были видны вспышки заклятий, но кто и с кем сражается – нет.

Лана испуганно отпрянула, оказавшись в поддерживающих объятиях Братта. В облаке тем временем снова что-то полыхнуло, ярче, чем все до этого, и тут же уши наполнил оглушающий вой, переходящий в крик.

Лана зажала уши руками и только тогда поняла, что уже проснулась и кричит она сама.

Глава 25

Когда облако окончательно развеялось, а произошло это уже к утру, легионеры не знали, что и думать. Несколько темных, отправившихся в зону поражения вместе с королем, вернулись порталами еще пару часов назад, сказав, что у них не было другого выхода. Последний вернувшийся клялся, что Сорроу удалось закрыть разрыв, но он не мог внятно объяснить, что с ним стало. Из зоны король так и не вышел.

Рядом с монументом, ставшим эпицентром разрыва, было найдено лишь пять тел наемников Аранта. Тех, кто не сумел спастись или не захотел, оставаясь с королем до последнего. Тела самого Сорроу нигде не было видно.

– Я не понимаю, – пробормотала Хильда, увязавшаяся с Мором и отрядом боевиков осматривать место происшествия. – Он не вышел, но и здесь его нет. Где же он тогда?

У Мора не было ответа. Стандартный ритуал ничего не дал: он вовсе не почувствовал магический поток короля.

Во дворец, рассказать королеве о случившемся, Хильда отправилась сама. Она еще только вошла в комнату, где ее ждала Таня, и встретилась с подругой взглядами, как та все поняла. Это было видно по тому, как погасли ее глаза, словно внутри выключили какую-то лампочку. Таня побледнела и пошатнулась, но прежде, чем Хильда успела подхватить ее, выровнялась без посторонней помощи. Короткий рассказ о положении дел выслушала молча, не проронив ни одной слезинки. Даже когда Хильда, положив руку ей на плечо, сказала, что никто не осудит, если сейчас она даст волю слезам, лишь едва заметно качнула головой.

– Я теперь королева, Хильда, – тихо напомнила Таня. – Мы не плачем. Извини, мне надо встретиться с советниками, чтобы решить, как сообщить обо всем. Репортеры уже осаждают дворец.

Новости в магическом мире распространялись медленнее, чем в мире людей, где правил Интернет, поэтому газеты с сообщением о разрыве ткани реальности и угрозе Хаоса вышли тогда, когда сам прорыв был уже ликвидирован. Сообщение о том, что Сорроу удалось предотвратить катастрофу, вероятно, ценой собственной жизни, разлетелось лишь к вечеру того же дня. Формально его пока считали пропавшим без вести, но каждый, кто открывал раздел новостей и читал официальное заявление королевского дворца, понимал: никто не надеется, что его удастся найти.

Марта, узнав об этом, расплакалась, и теперь уже Лана обнимала ее и гладила по волосам, сама с трудом проглатывая ком в горле и думая о том, как все несвоевременно. Она ведь только прониклась к Сорроу симпатией...

Весь магический мир на пару дней погрузился в траур, хотя его никто не объявлял. В СКА на эти два дня занятия были отменены. Но потом жизнь начала потихоньку возвращаться в привычное русло.

Только Лана к учебе так и не вернулась. На третий день она уверенно заявила Марте, что доучиваться не станет:

– Я больше не хочу быть журналистом. Хватит. Это был глупый план мести, теперь все не имеет значения.

– А что тогда ты будешь делать? – осторожно уточнила Марта, как раз готовившая завтрак.

– Пока не знаю. Арант дал мне хороший совет: разберись сначала в себе. Но на это нужно время. Ты ведь не против, если я немного поживу у тебя? У меня ведь все еще есть мой счет в банке, я могу позволить себе потратить несколько месяцев на поиск верного пути.

Марта улыбнулась и кивнула. Ей эта идея определенно понравилась.

К тому же, ища себя, Лана не валялась в постели, бездумно глядя в потолок. Она вставала по утрам вместе с сестрой, провожала ее на работу и даже начала заново изучать бытовые заклятия, чтобы помогать по хозяйству и чем-то наполнять свой день. Правда, приготовленный ею ужин есть оказалось невозможно, но обе сестры лишь посмеялись над этим.

– Я научу тебя готовить, – пообещала Марта.

Лана пообещала научиться. И только постоянная печаль в глазах младшей сестры омрачали дни Марты. Они обе тревожились за Братта, но о нем по-прежнему не было никаких вестей. Попытка узнать что-нибудь через Хильду Сатин успехом не увенчалась.

К субботе страсти окончательно улеглись. В честь выходного дня Марта и Лана проснулись поздно и к одиннадцати утра все еще сидели на кухне с чаем, завернувшись каждая в свой халат. Гостей

никто не ждал, но в дверь тем не менее постучались.

– Ралм? – удивленно выдохнула Лана, когда Мартапустила в квартиру неожиданного визитера.

Молодой человек, широко улыбаясь, вручил хозяйке небольшой букет, и повернулся к Лане.

– Привет. Давно не виделись. Я все караулил тебя в «Сиянии», но ты не появлялась. Пришлось подкатить к твоей подруге, чтобы узнать, где тебя найти.

– А... зачем?

Ралм Ле Крок бросил быстрый взгляд на Марту, как будто ища ее поддержки, но та не прореагировала, наблюдая за их разговором с легким недоумением. Только тогда Лана сообразила представить их друг другу.

– Хотел пригласить тебя, – бодро сообщил Ралм, когда с формальностями было покончено. – На прогулку. Можем куда-нибудь сходить. Что скажешь?

Он лучился энтузиазмом, и Лана непроизвольно заулыбалась сама. Всю неделю она просидела дома, поэтому идея немного проветриться в хорошей компании ей понравилась. Она собиралась чуть позже предложить аналогичную прогулку Марте, но сестра никуда не денется. Вполне возможно, ей и самой есть, чем заняться, не может же она все время с ней нянчиться.

– Я только переоденусь. Подождешь?

– Тебя я готов ждать всю жизнь, – неожиданно серьезно заявил Ралм.

Это Лану смутило, но отступить было уже поздно.

– Хватит вешать мне лапшу на уши. Это твой голос, Марек.

– Это не мой голос, он только похож на мой. Подделать голос еще проще, чем внешность. За Занавесью с этим справляются даже без магии.

– Значит, ты утверждаешь, что кто-то специально изобразил твой голос и записал им послание? На обезьянке, ставшей решающим свидетельством на процессе против твоего отца. Которую непостижимым образом нам передала девушка, убитая на монументе, воздвигнутом твоим отцом. Все это больше похоже на месть королю за его казнь.

– Возможно, кто-то хочет, чтобы все так выглядело. Сама подумай, зачем мне так явно подставляться?

– Затем, что ты не думал попасться? Кто мог связать Рейна Братта с Марексом Кроллом?

Марек устало выдохнул, потер лицо руками да так и оставил его в ладонях. Этот разговор повторялся снова и снова уже несколько дней – он потерял им счет – с незначительными изменениями. Хильда не демонстрировала усталости, только нервозность. Она хотела его «расколоть», но все ее усилия были напрасны.

– Хильда, ты можешь повесить на меня все, что хочешь, но это не поможет вам найти короля. Не знаю, кто и зачем меня подставляет, но клянусь: я не имею к разрыву никакого отношения! Да, когда-то я ненавидел Сорроу, но у меня давно нет к нему претензий за судьбу моего отца. И уж тем более я не стал бы мстить, рискуя уничтожить весь мир и себя заодно!

Хильда уперлась руками в стол и наклонилась так близко, что Марек почувствовал это даже с закрытыми глазами.

– Но кому нужно подставлять тебя?

Он отнял руки от лица и откинулся на спинку стула, чтобы восстановить расстояние между ними. В тесной допросной стены и так давили.

– Я не знаю.

Она хотела сказать что-то еще, но стук в дверь отвлек ее. Поскольку никто не попытался войти, Хильда вышла сама.

За дверью ждал Дилан. За прошедшие несколько дней он почти восстановился, по крайней мере, мог теперь позволить себе пользоваться магией, хотя доктор по-прежнему предостерегал его от сильного расходования потока.

Но удивил не визит главы Легиона, а Марк Арант, стоящий рядом с ним.

– Никакого прогресса? – поинтересовался Дилан.

– Стоит на своем: ничего не знаю, отношения не имею.

– Может быть, это действительно так? – немного насмешливо предположил Арант.

Хильда одарила его тяжелым взглядом и снова повернулась к старшему легионеру столицы.

– Он здесь что делает?

– Господин Арант просит разрешения поговорить с Браттом... То есть, с Кроллом, – нарочито небрежно сообщил Дилан.

Как будто это было самым обычным делом: глава лишь условно легализованного Темного Ковена является в Легион без вызова и о чем-то там просит.

– Послушайте, я знаю этого мальчика много лет. Он мне по-своему дорог. А король – мой друг. Я хочу поговорить с Марек ради них обоих. Если он виновен, я пойму и вытрясу вам из него правду.

Хильда недоверчиво сощурилась, сверля Аранта взглядом, но на того это не произвело впечатления.

– У вас все равно *никакого прогресса*. Так дайте попробовать мне.

Это заставило Хильду все-таки шагнуть в сторону, освобождая ему путь.

Когда Арант вошел в допросную, Марек заметно оживился, но Хильда, шедшая следом, не смогла определить, что именно тот испытал: радость, страх или просто волнение.

Она еще не успела толком войти и закрыть за собой дверь, как в конце коридора раздался отчаянный оклик:

– Хильда!

Дилан, оставшийся у порога допросной, первым увидел Марту, торопливо шагающую к ним, и нахмурился.

– Какого демона? Кто вас сюда пустил?

Вернувшаяся в коридор Хильда успокаивающе положила руку ему на плечо, а Арант почему-то обернулся, как будто внезапно потерял интерес к Мареку.

– Я же говорила: она была невестой Виктора. У нее тут много знакомых, способных провести внутрь. Что случилось?

Ее вопрос был обращен уже к запыхавшейся подруге, которая как раз добралась до них.

– Лана, – выдохнула та, пытаясь перевести дыхание. – Мне кажется, она в беде.

В допросной грохнул резко отодвинувшийся стул: Марек вскочил на ноги.

– А что случилось? – уточнил Дилан, все еще хмурясь.

– К ней пришел приятель, пригласил на прогулку. Она ушла с ним, а полчаса спустя меня буквально начало трясти. Я не могу тебе объяснить, как, но я чувствую, что ей грозит опасность!

Хильда бессильно посмотрела на Дилана, а тот только задал следующий вопрос:

– Как давно она уехала?

– Часа два назад.

– Рановато для тревоги и розысков, вы не находите?

– Я понимаю, как это выглядит со стороны, но поверьте: я всегда чувствую такие вещи!

– А с кем она уехала? – неожиданно поинтересовался Арант.

Марта бросила на него быстрый взгляд, нутром чувствуя, что он не легионер, но в лицо она главу Темного Ковена не знала, только по рассказам Ланы.

– С Ралмом Ле Кроком, журналистом.

– Это невозможно! – подал голос Кролл.

Все удивленно повернулись к нему, но общий вопрос вслух задала только Хильда:

– Это еще почему?

– Потому что Ралм Ле Крок – это я. Это мой псевдоним. Марек Кролл – Ралм Ле Крок. Анаграмма.

Этому заявлению удивился даже Арант, ничего не знавший о журналистской подработке Марека. Марта и вовсе лишь догадывалась по голосу, кто сейчас перед ней, но предпочитала не тратить время на лишние разговоры.

– Если я отказался от мести, это еще не значит, что Сорроу в роли короля начал мне резко нравиться, – пояснил Марек. – Я считал, что мнение со стороны, отличное от мнения большинства, будет ему на пользу. Но это сейчас не имеет значения. Важно то, что с кем бы ни уехала Лана, она с самозванцем, притворяющимся мной. А значит, она действительно в опасности.

Глава 26

Ралм честно старался ее развеселить. Погода стояла по-настоящему чудесная, пик летней жары миновал, поэтому сначала они больше часа просто бродили по городу, болтая о всякой ни к чему не обязывающей ерунде. Даже то, что кавалер явно пытается заигрывать, быстро перестало тревожить Лану: легкий флирт не может повредить.

Только когда они забрели в кафе, где подавали два десятка видов мороженого, и устроились за столиком в углу с двумя вазочками разноцветных шариков, Лана решила затронуть болезненную тему:

– У тебя давно не было статей. Такое происходит, и Сорроу в центре сюжета, а ты молчишь. Почему?

Ралм пожал плечами.

– Мой конек – критика власти, а не восхваление героических поступков. Согласись, как-то глупо критиковать того, кто, вероятно, погиб, спасая наш мир.

Лана недовольно поджала губы. Ей хотелось верить в объективность Ле Крока, в то, что он критиковал короля не ради самого факта критики, а потому что верил в свои слова. Но тогда он должен был признавать и заслуги. Особенно в такой ситуации.

– Разве он не заслужил несколько добрых слов от тебя? Кажется, «Ястреб», невзирая на всю свою оппозиционность, все равно расщедрился на целый разворот в честь короля.

– Если ты читала, то видела, что они не удержались от того, чтобы куснуть Легион за нерасторопность. И заодно прошлись по королеве, выразив сомнение в том, что она сможет заменить мужа. По-моему, это все равно, что бить лежащего, я в такие игры не играю.

На губах Ланы снова расцвела улыбка. Нет, все-таки Ралм Ле Крок ей нравился, кем бы он ни был.

– Тебя ведь не Марком зовут, правда? – спросила она, глядя на него исподлобья. – Кто ты, Ралм?

Его лицо стало серьезным и даже немножечко торжественным.

– Ты правда хочешь знать?

– А как иначе ты предполагаешь развивать наши отношения? – она выразительно посмотрела на него, хотя не думала, что интересующее его развитие совпадает с ее желаниями. Но любопытство сейчас было сильнее.

Он долго сверлил ее взглядом, словно размышляя, взвешивая, а потом игриво склонил голову набок.

– Я ведь могу опять просто назвать любое имя и наврать тебе с три короба. Как ты проверишь?

Лана приуныла. Похоже, он не собирался раскрывать свои карты.

– Пожалуй, что никак.

Она вернулась к поеданию мороженого, но Ралм неожиданно предложил:

– Хочешь, покажу тебе место, где родился, и познакомлю с семьей? Они уж точно расскажут всю правду обо мне.

Она едва не поперхнулась. Это было немного слишком и ее согласие могло быть неверно истолковано, но любопытство все еще терзало Лану, а Ралм улыбался так обворожительно. Солнце светило ярко, жизнь продолжалась, и ей очень нравился день, в который она была слишком занята, чтобы бесконечно пилить в голове опилки, переживая о случившемся и о том, что еще только могло случиться, но на что она все равно никак не могла повлиять. Поэтому она лаконично призналась:

– Хочу.

– Тогда доедай скорее. Путь не близкий.

Из кафе они направились к portalу, и Лана успела мысленно удивиться: чего торопиться, если любое путешествие через порталную сеть, каким бы длинным ни было расстояние, занимает секунды?

Ответ ждал ее на другой стороне, в незнакомом городе, в котором они оказались.

– Дальше придется ехать на магоцикле, – сообщил Ралм, ведя ее к оставленному на площади

маленькому монстру. – Это самый близкий к нам портал. Пить хочешь?

Съевшая целую вазочку сладкого мороженого Лана пить хотела. Ралм достал из корзины, прикрепленной к магоциклу, флягу с водой и бросил ей. Несколько больших глотков примирили ее с действительностью и необходимостью снова куда-то ехать на этом орудии пыток. Оставалось только надеяться, что поездка не окажется такой же бесконечной, как в прошлый раз с Братом.

Мысли о кураторе мгновенно завладели всем ее сознанием. Лана почти не слышала, что говорил Ралм, пока выкатывал магоцикл на дорогу, только рассеянно кивала.

Дорога ей тоже не запомнилась: встречный ветер, клубы пыли и песка заставляли зажмуриваться, но в этот раз пытка действительно закончилась быстрее. Ралм спрыгнул с магоцикла и помог спуститься ей, за что Лана была благодарна: у нее почему-то закружилась голова, и она едва не потеряла равновесие, едва коснувшись ногами земли.

– Что это с тобой? – встревоженно спросил он.

– Не знаю, – Лана через силу улыбнулась, с трудом фокусируя на нем взгляд. – Кажется, меня укачало.

– Ничего, бывает, это с непривычки. Надо просто немного пройтись. Идем, покажу тебе мой дом.

Лана кивнула, выравниваясь, и повернулась, подчиняясь его руке, но тут же испуганно застыла, увидев городские ворота.

– Я знаю это место, – выдохнула она почти шепотом. – Это же Эспикур!

– Все верно, – улыбнулся Ралм. – Тут я и родился.

Он обнял ее за плечи и подтолкнул вперед, а Лана вдруг поняла, что собственные ноги кажутся ей чужими и сил сопротивляться направляющей руке нет. Перед глазами все плыло, что пугало еще больше.

Как в дурном сне, она прошла вместе с ним в арку городских ворот. Страх накатывал на нее волнами, сердце билось все быстрее и становилось тяжело дышать. Ралм провел ее между полуразрушенными домами и наконец остановился у одного из них.

– Вот мой дом, – сообщил он все тем же бодрым голосом с милой улыбкой на губах, но в стенах мертвого городка его доброжелательность выглядела неестественно и нездорово. – Но, прости, я солгал: моя семья не сможет рассказать тебе обо мне, потому что они все мертвы. Они погибли уже очень давно, мне тогда еще и семи не исполнилось. Я не понимал, что происходит. Просто в одно прекрасное утро проснулся от шума и криков на улице. Мама спрятала меня в погребе, велела сидеть тихо, а сама с отцом и старшими братьями ушла. Больше не вернулась. Никто из них не вернулся. Вместо них пришли люди в форме и увезли меня в приют.

Колени Ланы подогнулись, но Ралм успел удержать ее от падения, прижав к себе.

– В чем дело? Кажется, ты совсем плохо себя чувствуешь, да? – участливо поинтересовался он, но теперь его заботливые вопросы тоже прозвучали фальшиво.

– Голова кружится, – прошелестела Лана, с трудом ворочая языком. – Мне нехорошо. Верни меня в Аларию, пожалуйста.

– Ничего-ничего, не обращай внимания, просто место здесь такое. Дурное, – он хохотнул, но смех быстро оборвался. – Много смертей в один день, много боевых заклятий. Много магических потоков вернулось в Общий. Такое всегда истончает ткань бытия, Лана. А где тонко – там и рвется. Но я забегаю вперед, а следует рассказывать все по порядку. Идем, ты совсем не стоишь на ногах.

Он подвел ее к крыльцу дома, который когда-то принадлежал его семье, и усадил на ступеньки. Лана чувствовала себя тряпичной куклой: собственное тело отказывалось ей подчиняться, руки и ноги стали такими тяжелыми, что она едва могла ими шевелить. Мир кружился, а глаза слипались, но она изо всех сил цеплялась за сознание: еще никогда надвигающийся сон не был так похож на смерть.

– Я рос в приюте, – между тем продолжил Ралм, устроившийся на ступеньке рядом с ней.

Лана чувствовала на себе его взгляд, но упрямо смотрела в другую сторону, не то не желая видеть его лицо, не то просто боясь того, что она может на нем прочесть.

– Никого из нас не усыновили, от детей Эспикура шарахались, как от чумных. Но был один человек, который приходил и регулярно навещал нас, привозил подарки, играл с нами. Со всеми нами. Потом с ним стала приезжать женщина. Они были такими... приходящими родителями для всех нас.

Того мужчину звали Геллерт Ротт, а женщину – Ада Вилар. Ты слышала когда-нибудь про них?

Лана покачала головой: имена ей ничего не говорили, если она и слышала их когда-то вскользь, то сейчас затуманенное сознание не могло припомнить.

– Мы долгое время не знали этого, но он был легионером. Потом даже возглавил Легион. А она была его невестой. Но они оба были монархистами, как наши настоящие родители. Больше того: Геллерт был наследником истинного короля. Представляешь? Настоящий король навещал нас! Он должен был бы править сейчас, но Ян Норман, он же Норд Сорроу, убил его. Я к тому времени уже покинул приют и поступил в Академию Легиона. Не без помощи Геллерта, конечно. Я очень хотел быть похожим на него и быть поближе к Аде, а она работала там в лазарете. Когда Геллерт погиб, это стало ударом для нас обоих и очень нас сблизило. Я плохо помню свою мать, но мне кажется, что Ада была на нее похожа. И Тима, их сына, я любил... Но он отнял их у меня. Отнял у меня мою вторую семью.

– Кто? Король? – не поняла Лана.

Ей все труднее было держать глаза открытыми и сидеть, тело наливалось тяжестью и умоляло о том, чтобы растянуться прямо на ступеньках и уснуть.

– Нет, канцлер Кролл в основном. Он заставил Аду участвовать в своих интригах, угрожая Тиму, а потом убил ее. Не без помощи Сорроу, но в ее смерти виноват именно Кролл. К сожалению, ему самому я отомстить не смог: Сорроу казнил его первым. Поэтому его сын ответит передо мной за все.

Тело окончательно отказалось слушаться, и Лана сама не заметила, как повернулась, легла и уронила голову на крыльцо. Верхняя ступенька больно врезалась в бок, но Лана ничего не могла с этим поделать: все силы уходили на то, чтобы держать глаза открытыми, хотя взгляд уже не фокусировался. Лицо Ралма, склонившегося над ней, так и осталось для нее размытым пятном.

– Подожди, Лана, не засыпай, я еще не все тебе рассказал. Я долго не знал, как отомстить, пока не обнаружил в себе дар сноходца. Как и ты, я пришел к Аранту и попросил научить меня управлять этим даром, но он отказался помочь.

– Ты был тем парнем... – заплетающимся языком пробормотала Лана. – Тем, кто был готов уничтожить весь мир...

– Да, пожалуй. Но мне во всем пришлось разбираться самому, а потому потребовалось так много времени. К тому же мой дар не включал возможность опускаться на нижний уровень. Сначала. Пока однажды я не уснул здесь, в Эспикуре, и они сами не нашли меня.

– Они?

– У них наверняка есть какое-то название, но я прозвал их просто паразитами. Безумно голодные, жаждущие поглотить столько магии, сколько им дадут, они показали мне, что я могу сделать для них, и я сделал. Я отдал им Анну, и это открыло проход первому. Они все связаны между собой, питают друг друга, поэтому, когда один из них обрел свободу, за ним вышел второй, а тот дал дорогу третьему... И чем больше магии они поглощали, тем легче было проникать сюда следующим, пока ткань мироздания не порвалась, и Хаос не хлынул к нам!

– Ты сумасшедший... – с трудом выдавила Лана.

– Возможно, – не стал спорить он. – Но я играл по правилам: оставил Легиону подсказку и возможность все исправить. Одного не уточнил: закрыть прорыв можно было только со стороны Хаоса, так что сделать это и выжить – нереально. Ты едва не испортила все, найдя тело Анны слишком рано, но все оказалось не так страшно, потому что подсказка моя Легиону почему-то не досталась. До сих пор не понимаю, что случилось. И если они не нашли рядом с телом Анны мою обезьянку, то откуда узнали, что закрывать прорыв должен именно король? Лана?

Собственное имя прозвучало для нее уже в темноте: веки стали слишком тяжелыми, чтобы держать их. Ралм вздохнул.

– Видимо, ты выпила слишком много воды, снотворное подействовало быстро. Тогда перехожу сразу к финалу. Все сошлось: Сорроу теперь мертв, а на сына Кролла повесят его смерть. Но оказалось, что мне этого недостаточно. Из короля сделали героя, а мне это не нравится. Поэтому я помог паразитам снова открыть проход. Они попросили отдать им тебя, что я с удовольствием и сделаю. Теперь уже никто не сможет помешать Хаосу.

– Ты же... погибнешь... – с трудом выдавила Лана в отчаянной попытке воззвать к его рассудку, но Ралм только рассмеялся.

– Я давно мертв, детка. Я умер в тот день, когда Легион напал на Эспикур.

Лана почувствовала, как ее поднимает в воздух заклятие левитации, услышала шуршание подошв Ралма, а спустя какое-то время ощутила холодный камень постамента. Сознание гасло, но ей все же удалось последний раз открыть глаза, чтобы посмотреть на сумасшедшего сына Эспикура с мольбой, голос уже не слушался.

Лицо того, кто представился ей Ралмом Ле Кроком, не оставляло надежд на сострадание. Зато прежде, чем окончательно отключиться, она успела увидеть, как за его спиной открылся темный портал.

Учитывая присутствие Марты, Легион вполне мог найти Лану с помощью ритуала, в котором использовалась кровь близкого родственника, но тот потребовал бы время на подготовку. Учитывая, как давно Лана уехала, такой роскоши, как лишнее время, у них не имелось.

Проверить для начала Эспикур первым предложил Арант.

– Почему именно Эспикур? – удивился Дилан.

– Там же наверняка еще полно легионеров, – с сомнением добавила Марта.

– Нет, как раз легионеров там больше нет. Накануне вечером мы сняли оцепление, – призналась Хильда. – Ведь ничего не менялось уже несколько дней...

– Так почему Эспикур? – снова спросил Дилан у Аранта, но вместо него ответил Кролл:

– Потому что там все началось. Место явно выбрано не случайно. Оно или что-то значит для того, кто все это затеял, или просто лучше всего подходит для прорыва.

– Или и то, и другое вместе, – добавил Арант.

– Вы оба уверены, что самозванец как-то связан с прорывом? – нахмурилась Хильда. – Мало ли, почему этот парень назвался Ле Кроком...

– Если исходить из предположения, что кто-то все это время не просто совершал преступления, но и подставлял Марека, – перебил Дилан, – то логично именно этому человеку представиться Лане Ле Кроком... Не знаю только, зачем он вообще с ней познакомился.

– Может быть, она привлекла его внимание, когда мы нашли тело Анны? – нетерпеливо предположил Марек, заметно нервничая. – Или он каким-то образом узнал про ее дар. Какая разница? Пока мы здесь стоим и рассуждаем, теряем время, а его и так мало!

– Демон вас всех задери, мне проще сходить туда порталом и посмотреть, чем препираться, – проворчал Арант, выходя из допросной и устремляясь по коридору к лестнице. В здании Легиона темные не могли открыть портал.

– Я с вами! – тут же воскликнула Марта, торопясь вслед за ним. Уже тише она добавила: – Кем бы вы ни были.

Марек тоже рванул к открытой двери допросной, но Хильда его остановила:

– Эй, ты куда? Ты вообще-то под арестом!

– Да ладно тебе! Куда я денусь? – он поднял руки, демонстрируя браслеты, которые сегодня вновь обхватывали запястья. – Я безопасен для вас, но я должен быть там, должен быть с ней.

– Пусть идет, – неожиданно разрешил Дилан.

И заглянув в его глаза Хильда поняла, что в невиновность Марека он уже поверил. Ей было этого достаточно: логике и чутью Дилана она доверяла.

– Тогда нам тоже надо поторопиться.

Марту и Аранта они догнали уже на улице, когда последний открывал портал. В голове Хильды некстати ожило воспоминание о том, как всего двенадцать лет назад тогда еще профессор Норман был арестован Легионом за такое простое действие, которое совершил ради спасения Тани. И вот теперь глава Ковена спокойно открывает темный портал буквально у дверей Легиона, не боясь последствий. Мир изменился.

Мгновения спустя рассуждать об этом стало некогда. Хильда нырнула в портал вместе с остальными, а стоило оказаться на другой стороне, как все сразу закрутилось.

Лана лежала на основании монумента точно так же, как до нее Анна Вест, только пока явно была жива, хоть и без сознания. Над ней стоял молодой мужчина, который не обернулся даже тогда, когда они его окликнули.

Он не сопротивлялся аресту. Даже наоборот: поднял руки по первому требованию, показывая, что сдается добровольно, встал на колени. И все время смеялся. От этого смеха у Хильды леденело сердце и немели пальцы, но она все-таки сняла ограничивающие магию браслеты с Кролла и надела их на запястья неизвестного.

– Вы слишком поздно, уже слишком поздно, господа! – сквозь сумасшедший смех твердил мужчина, стоя на коленях и держа руки на затылке. – Вы ничего не сделаете! Ничего не исправите! Она уже спит – и ее ждут. Они сами затащат ее на нижний уровень и выпьют, а потом поднимутся сюда. Портал снова откроется, и жертва вашего любимого короля окажется напрасной. Потому что теперь уже никто не сможет закрыть прорыв и остановить Хаос!

Смех внезапно оборвался вместе с сумасшедшими речами, а мужчина застыл с нелепо искривленным ртом. Хильда удивленно посмотрела на Дилана, опускавшего руки после сотворения заклятия.

– Что? Пусть побудет немного в стазисе, помолчит. Достал уже хихикать, было бы над чем.

Они оба обернулись к монументу, где Марта и Марек отчаянно пытались разбудить Лану, а Арант стоял рядом и хмурился.

– Она не проснется, – подал голос Дилан, подходя ближе. – Думаю, он усыпил ее каким-то снадобьем.

– Тогда надо дать ей антидот, – тут же сориентировался Марек, вскакивая на ноги. – Иначе сама она тоже не сможет выйти, пока действие снадобья не пройдет.

– Проблема в том, что мы не знаем, чем именно ее отравили, – заметил Арант.

– Нам нужен Фарлаг, – уверенно заявила Хильда. – У него наверняка найдется в запасах что-нибудь универсальное. Только нужно доставить его сюда скорее.

Она выразительно посмотрела на Аранта, и тот кивнул.

– Не проблема, только кому-то из вас лучше пойти со мной, а то мы с господином Фарлагом не представлены друг другу. Если я вломлюсь в его дом, он может не так меня понять.

– Я пойду с вами, – решил Дилан. – Только бы она продержалась.

– Я ей помогу, – тихо, но уверенно заявил Марек, снова делая шаг к основанию монумента.

Арант первым понял, что он задумал, и схватил за руку, пытаясь остановить.

– Марек, не дури! – резко одернул он. – Это нижний уровень, тебе туда хода нет, ты не стихийный сноходец.

– Самому мне туда не попасть, да, но я спущусь за ней, – спокойно объяснил Марек, не вырываясь, но и не демонстрируя намерения передумать. – Наши сны переплетены, я могу пройти ее дорогой.

– Туда – может быть, но обратно... – Арант покачал головой, глядя на него с плохо скрываемым отчаянием. – Ты не сможешь подняться без нее. Твой темный поток перекрыт, тебе не хватит сил выбраться самостоятельно! Если снадобья Фарлага не справятся, ты застрянешь там.

Марек только улыбнулся.

– Я или выйду оттуда вместе с ней, или с ней там останусь. Меня устраивают оба варианта. Отпусти и лучше поторопись.

Арант еще пару секунд сверлил Марека гневным взглядом, но потом его пальцы разжались. Не говоря ни слова, он повернулся и взмахнул рукой, направляя темный поток в создание нового портала, в который тут же и шагнул. Дилан едва успел последовать за ним.

Марек же легко вскочил на постамент и лег на твердый холодный камень рядом с Ланой, обняв ее одной рукой и коснувшись лбом головы.

Марта, застыв, безмолвно наблюдала за его действиями. Несмотря на то, что теперь у него было другое лицо, она еще в Легионе поняла, что перед ней Рейн. Он поймал ее напряженный взгляд и подмигнул.

- Все будет хорошо. Я позабочусь о ней, обещаю.

- Будь осторожен.

Он кивнул и закрыл глаза. Уснуть без снотворного среди бела дня на каменном ложе в состоянии крайнего волнения было непростой задачей, но почти неделя, проведенная в камере предварительного заключения в Легионе, сейчас оказалась кстати. Он почти не спал между допросами, поэтому теперь сумел провалиться в сон достаточно быстро.

Глава 27

«Это просто сон, это просто сон, это просто сон, – твердила себе Лана, пока ее сознание погружалось в мир сновидений. – Я могу контролировать ситуацию, я же сноходец. Мне совсем не обязательно погружаться на нижний уровень, а если что, я всегда могу выйти с помощью броши».

Глаза неожиданно легко распахнулись, как будто тяжеленные гири больше не висели на веках, и тело вновь стало послушным, поэтому Лана поторопилась сесть и оглядеться по сторонам.

Она все еще была рядом с Эпикуром, под ней – холодный камень монумента, а вокруг – то ли ставший вдруг пасмурным день, то ли необычные сумерки. Лежавшее внизу, в долине, мертвое поселение теперь пряталось от нее в тумане, небо затягивала серая пелена, не пропускавшая солнце, а вокруг не было не души.

Куда делся Ралм? Кто вышел из того темного портала? Сколько прошло времени с тех пор?

Лана встала и сделала несколько осторожных шагов к склону холма, но начать спуск не решилась: туман окутал не только поселение, он заполнил собой всю долину. Видимость отвратительная, склон можно рассмотреть только до середины, а ниже в тумане что-то шевелилось. Что-то темное и бесформенное, от чего у Ланы мурашки побежали по спине.

– Проклятье, – пробормотала она, не в силах оторвать взгляд от смутного движения. – Я сплю.

Она потянулась к броши, которая обычно появлялась приколотой к одежде на груди, с правой стороны, но пальцы нащупали только ткань блузки. Броши не было.

– Проклятье! – повторила Лана громче и тоньше.

Страх заставлял сердце болезненно сжиматься, стоящая вокруг тишина давила на уши, Лана решительно не знала, что делать, как выбраться.

Шевелящаяся в тумане тень стала заметнее и отчетливее, из чего напрашивался вывод: она приближается. Лана попятилась назад и на какое-то время изгиб холма скрыл от нее угрозу, но это было сомнительным и очень временным облегчением. Лана покрутила головой, прикидывая, в какую сторону лучше броситься бежать, но густое серое облако было повсюду и могло скрывать куда большие ужасы.

Нога зацепилась за основание монумента, и Лана, не ожидавшая, что тот окажется так близко, с размаху шлепнулась на попу, а когда снова поднялась, взобравшись на монумент, как будто он каким-то образом мог ее защитить, бесформенное нечто уже поднялось над холмом и плыло к ней, расправляя в стороны бесконечные щупальца.

В отчаянии Лана попыталась вспомнить, как направляют сон, но мысли путались, мешая друг другу, а отчетливее других звучала та, что твердила: она на нижнем уровне, здесь сноходцы не могут управлять происходящим. Оставалось только пятиться назад, пытаясь сохранять дистанцию с неумолимо надвигающимся врагом, пока за спиной не оказался монумент, отрезавший путь к дальнейшему отступлению.

Лана прижалась к витку спирали, не в силах больше ни пошевелиться, ни даже закрыть глаза, а осьминогоподобная черная тень уже подплыла так близко, что могла в любой момент коснуться ее уродливым отростком. Но вместо этого паразит замер, колыхаясь на несуществующем ветру.

У него не было лица – ни глаз, ни носа, ни рта, но в мутной черноте появилось что-то похожее на воронку маленького смерча, и Лана почувствовала, как привычное тепло магического потока в ее теле вдруг превратилось в жжение. Оно прокатилось по всему телу и хлынуло к глазам, от резкой боли захотелось закричать, но изо рта вырвался лишь сдвленный стон.

А потом все внезапно прекратилось, Лана моргнула и вместо чудовища увидела перед собой лицо Братта. Остатки паразита темными клочками развеивались в воздухе, но ее мозг едва отметил этот факт. Не до конца отдавая себе отчет в своих действиях, Лана порывисто обняла так вовремя появившегося куратора, но потом ей показалось этого мало, и она быстро поцеловала его в губы. Братта это не смутило: он ответил с такой готовностью, словно другого приветствия и не ждал.

– Забавно: во сне мы все время целуемся, а наяву не делали этого еще ни разу, – насмешливо заметил он, когда поцелуй прервался.

– Надо будет исправить это упущение, – решила Лана.

– Как только проснемся, первым делом поцелую тебя, обещаю.

Он притянул ее к себе для еще одного быстрого поцелуя, но тут же отпустил и настороженно

оглянулся. Его рука нашла ее ладонь и сжала. Этот простой жест заставил Лану почувствовать себя в большей безопасности, несмотря на то, что серое облако, окружавшее со всех сторон, теперь все шевелилось бесплотными тенями.

– Я не могу проснуться, – с нотками паники в голосе сообщила Лана. – Броши нет.

– Знаю. Тебя напоили снотворным, поэтому и не можешь. Но Арант уже ушел за Фарлагом, тот должен что-нибудь придумать. Нам надо лишь продержаться до того момента.

Едва он произнес эти слова, тени двинулись на них, формируя плотное кольцо.

– Всего-то? Конечно, какие у нас могут возникнуть с этим проблемы? – нотки паники в ее голосе стали куда заметнее.

Вместо ответа Братт послал ударный импульс в ту из теней, что приблизилась быстрее остальных. Тень развеялась, а остальные качнулись назад, но это стало лишь секундным замешательством.

Лана повторила его действие, хотя раньше ей никогда не доводилось посылать ударный импульс левой рукой. Она просто не могла себя заставить выпустить ладонь Братта. Ей казалось, что стоит хотя бы на секунду потерять контакт – и он исчезнет, а она снова останется одна.

Считал Братт так же или нет, а он ее руку тоже не выпускал до тех пор, пока паразитов не стало слишком много и не пришлось повысить скорость ударов, посылая импульсы обеими руками, чтобы сдерживать сужение кольца. Это все равно не помогло: колышущиеся тени подступали все ближе, их становилось все больше, как будто на смену каждой поверженной приходили две новые.

– Нам их не сдержать! – в отчаянии крикнула Лана, разбив очередного паразита буквально на расстоянии чуть дальше вытянутой руки.

Теперь они с Браттом стояли спиной к спине, развеивая неуязвимых монстров, готовых в любую минуту накрыть их с головой, как морская волна или лавина.

– Брошь не появилась?

– Нет!

– Проклятье, – буквально прорычал Братт.

Их силы были на исходе, а отчаяние почти поглотило обоих, когда мощный огненный вихрь прорезал серое облако, смел на своем пути несколько паразитов, окутал Лану и Братта плотным кольцом, а потом разлетелся в разные стороны, сметая все на своем пути.

Дикий вой, который Лана однажды уже слышала, снова наполнил уши, заставляя непроизвольно зажать их ладонями. Большинство теней исчезло, а те несколько штук, что остались, мгновение спустя были поражены еще несколькими боевыми проклятиями, куда более сильными, чем простой ударный импульс.

Лишь одна тень осталась в тумане, но приблизившись, оказалась не паразитом, а довольно взъерошенным и очень уставшим на вид Нордом Сорроу.

– А вы здесь как оказались? – недовольно спросил он, хмурясь.

– Меня сюда засунул маньяк, который едва не устроил конец света, – быстро ответила Лана, переводя дыхание. – Ему захотелось продолжения. Так что я стала новой Анной Вест.

– А я ее вроде как спасаю, – осторожно добавил Братт.

Сорроу лишь скользнул по нему быстрым взглядом, никак не выразив эмоции по поводу их новой встречи, хотя не мог не знать, кто перед ним на самом деле.

– Ясно. Каков план?

– Продержаться до тех пор, пока Найт Фарлаг не даст ей какой-нибудь антидот для снотворного, которым ее накачали. Тогда она сможет проснуться, и мы выйдем отсюда.

– Отличный план, – кивнул Норман, становясь рядом с ними и принимая боевую позу. – Я немного помогу, раз уж я здесь, а то эти твари бесконечны и скоро вернуться.

В подтверждение его слов серое облако вокруг уже снова кишело тенями, которые двинулись на них, как только их стало достаточно много. Однако с поддержкой мага, хорошо владеющего боевыми заклятиями, отражать их наступление оказалось гораздо легче.

Паразитам все равно ничего не делалось: одни развеивались, на их место приходили другие, и так могло продолжаться до бесконечности, пока застрявшие на нижнем уровне окончательно не выдохнутся.

Лана была близка к тому, чтобы без сил свалиться на постамент, который стал их полем боя, и перестать шевелиться, когда почувствовала изменения. Она опустила голову и обнаружила приколотую к груди брошь в виде изящной розы.

– У него получилось! – почти взвизгнула она, переполненная радостью и облегчением. – Брошь! Я могу выйти!

– Тогда хватай своего приятеля и идите скорее, – велел Сорроу, запуская еще один огненный вихрь, чтобы дать им больше пространства.

– А как же вы? Мы не можем вас здесь бросить!

Сорроу полуобернулся к ней, криво улыбаясь.

– Это очень мило, Лана, но я не могу проснуться. Я здесь во плоти, ты не можешь забрать меня с собой.

Лану захлестнуло отчаяние. Она вспомнила и плачущую над новостями сестру, и сон самого Сорроу, в котором он гладил по голове сидящего у него на коленях мальчика. Не может все так закончиться! Не может он тут остаться...

– Лана, надо торопиться, – окликнул ее Братт.

– Постойте, – пробормотала она, пытаясь поймать за хвост верткую мысль, едва коснувшуюся сознания.

Ей вспомнилось, как она проснулась после кошмара с русалкой с мокрыми волосами, отплевываясь вполне реальной водой. А обезьянка? Ралм говорил, что оставил ее в качестве подсказки, которую должны были найти вместе с Анной, но на монументе ничего такого не было.

Могла ли обезьянка провалиться в появляющийся разрыв, когда из него выползали паразиты, и погрузиться на нижний уровень, в тонкую прослойку между реальностью и Хаосом? И если Лана смогла через сон вытащить ее обратно в реальность, то чем король хуже? Ну, немного больше, конечно, но...

– А что, если я могу? – она тоже возбужденно повернулась к нему. – Что, если я могу вытащить вас отсюда? Как артефакт, который мне во сне отдала Анна?

Сорроу снова скользнул по ней взглядом, в котором промелькнула слабая надежда на спасение, а Братт рядом велел:

– Это абсолютное безумие, но сейчас самое время попробовать. Вдруг получится? Бери его за руку и выходи.

Еще один мощный огненный вихрь смел новых паразитов за считанные секунды, давая им еще немного времени и пространства. Лана схватила короля за руку и уже потянулась к броши, как вдруг вспомнила.

– А как же ты? – теперь она повернулась к Братту, но тот только легкомысленно отмахнулся, улыбаясь.

– Я прямо за вами.

– А ты сможешь?

– Я же спустился сюда.

Его уверенного тона Лане хватило. Не отводя взгляда от Братта, она коснулась броши, а потому не увидела, как по лицу Сорроу прокатилось сомнение, и он открыл рот, чтобы что-то ей сказать.

Мир опрокинулся, серое облако исчезло, по глазам ударило яркое солнце, а спина ощутила жесткую поверхность основания монумента.

Первым, что Лана увидела, проморгавшись, было встревоженное и слегка шокированное лицо сестры. Мгновение спустя тревога на нем сменилась облегчением, а вот шок никуда не делся. Лана повернула голову и едва не расплакалась от облегчения: рядом с ней уже пытался сесть сильно дезориентированный, но абсолютно реальный король.

Его тут же подхватили под руки, помогая слезть с монумента и встать на ноги, Сатин и Мор. За спиной Марты маячил не менее взволнованный и не менее обалдевший Арант, а рядом на черном гладком камне основания сидел довольный Найт Фарлаг.

– Получилось, – выдохнула Лана, улыбаясь. – Рейн, у меня получилось!

Она повернулась к Братту, лежащему рядом, радостно тормоша его, но он не прореагировал. Его лицо выглядело иначе, но Лана все равно ни на секунду не сомневалась, что это он. Кто еще мог лежать рядом с ней?

– Рейн? – позвала она, снова толкая его в плечо. – Почему он не просыпается?

Она обратила свой вопрос к Аранту, который как раз подошел ближе, не сводя тяжелого взгляда с Братта.

– Он не вышел с тобой? – Вопрос прозвучал тихо и напряженно.

– Я выводила короля, а Рейн сказал, что выйдет сам. Он так сказал!

Арант прикрыл глаза и покачал головой. Лицо его внезапно побледнело так сильно, словно он собирался упасть в обморок, но этого, конечно, не произошло.

– Он не стихийный сноходец, Лана. Ему и погрузиться на нижний уровень практически невозможно, а уж выйти самостоятельно...

Сердце Ланы пропустило удар, когда она осознала собственную ошибку. Чудовищную ошибку.

– Я сейчас вернусь за ним, – быстро пообещала она, снова ложась рядом с Браттом и крепко сжимая его руку. – Я заберу его.

Она смежила веки, но как до этого не могла противиться сонливости, так теперь не могла остановить колотящееся в груди сердце.

– Проклятье! Дайте мне снотворное! Там во фляге этого психа еще оставалась вода!

– Эй, не дури! – прикрикнул на нее Фарлаг. – Я только что ввел тебе антидот со стимулятором. Снотворное все равно не подействует, а вот последствия для здоровья могут оказаться непредсказуемыми!

– Но как же мне тогда? – всхлипнула Лана в отчаянии, приподнимаясь на локте и глядя в такое спокойное, расслабленное лицо куратора.

Совсем как тем утром, когда она первый и последний раз проснулась в его постели. Кажется, коснись щеки, позови тихоньки – и веки поднимутся, а губы улыбнутся.

– Никак, – слышался тихий приговор Аранта.

Лана закрыла глаза, чувствуя, как по щекам побежали слезы. В голове звучало эхо голоса Рейна: *«Как только проснемся, первым делом поцелую тебя, обещаю...»*

На этот раз король ждал ее для встречи не в своем рабочем кабинете, а в зимнем саду. Почему летом Норд Сорроу предпочел зимний сад, оставалось только догадываться.

Сегодня на нем не было строгого костюма, только темные брюки и водолазка, длинные черные волосы с проседью стягивала в небрежный «хвост» незаметная резинка. Сам король выглядел уставшим и как будто резко постаревшим. Или просто в прошлый раз Лана была слишком напугана, чтобы замечать трещинки морщин в уголках его глаз и на лбу?

Король не заметил ее появления. Он сидел на бортике маленького бассейна, имитирующего пруд, и слишком погрузился в странную игру с рыбами, живущими в нем.

– Здравствуйте, Ваше Величество, – поздоровалась она, привлекая к себе внимание.

– Здравствуй, Лана, – откликнулся Сорроу, не оборачиваясь. – Присаживайся.

Она бросила быстрый взгляд по сторонам, убедилась, что, кроме бортика, других посадочных мест нет, и осторожно села напротив короля. Только тогда тот поднял на нее пронизывающий взгляд темно-карих глаз.

– Как ты?

Лана пожала плечами.

- Жить буду. А вы? Не обижайтесь, но выглядите плохо.

Сорроу криво усмехнулся.

- Издержки возраста. К тому же у меня сильное физическое утомление и истощение потока.

- Еще бы, - хмыкнула Лана, неловко зажимая ладони слегка дрожащих рук между коленями, - болтаться в этом жутком месте несколько дней. Как у вас вообще хватило сил там выжить?

- Думаю, исключительно благодаря доступу к потоку энергии Хаоса. Да и время там шло иначе.

- Но вы же не знали, что есть шанс вас спасти. Вы не ждали этого от меня, когда увидели. Что заставляло вас держаться?

Он склонил голову набок, его улыбка стала одновременно лукавой и нежной.

- Я обещал жене.

Лана отвела взгляд и вздохнула, едва заметно кивнув в знак понимания.

- Ладно, достаточно обо мне. Я пригласил тебя, потому что ты спасла мне жизнь, и я хотел бы тебя отблагодарить. Скажи, я могу для тебя что-нибудь сделать?

Вопрос прозвучал неожиданно, Лана растерялась. Еще пару недель назад она, не задумываясь, попросила бы освободить отца, но теперь... Как король и обещал, Мор передал ей все собранные документы и свидетельства, все аналитические отчеты, на базе которых они делали вывод о его виновности, и не нашла, за что зацепиться. Теперь даже для нее отец выглядел куда большим подлецом, чем можно было предположить ранее, а потому язык не поворачивался попросить для него свободы.

- Не знаю, - честно ответила Лана. - Еще недавно я хотела от вас так много, а теперь...

Она снова вяло пожала плечами, чувствуя, как к горлу подступает ком.

- То, чего мне сейчас хотелось бы, вы дать не в силах. Так что ничего не нужно. Да и не заслужила я награды. Я не бросалась на границу с Хаосом, чтобы спасти вас. По иронии судьбы меня туда закинул тот, кто хотел вам отомстить, а вместо этого помог. Но если бы не Рейн... То есть, Марек, я бы даже не дожидаясь встречи с вами. Это он вас спас, нас обоих. Сначала без раздумий погрузился вслед за мной, чтобы защитить, а потом так же легко отдал вам свой... обратный билет, так сказать.

Король задумчиво кивнул, снова опуская кончики пальцев в воду, чем сначала распугал местных обитателей, а потом привлек их внимание. Видимо, они решили, что он - еда, потому что несколько совсем мелких рыбешек подплыли ближе и попытались укусь.

- Да, как странно все сложилось, - вздохнул Сорроу. - Знаешь, Марек был моим студентом, когда я преподавал в Орте. Есть вещи, которые я никогда не смог бы ему простить, а теперь... Теперь я ему вроде как жизнью обязан, и это долг, который мне уже не вернуть. Очень странное ощущение, должен признаться. А ведь в прежние времена он был тем еще засранцем.

Лана непроизвольно улыбнулась, услышав это, но улыбка быстро погасла, уступив место блеснувшим в глазах слезам.

- Прежде, чем погрузиться на нижний уровень вслед за мной, он сказал Аранту, что либо вернется со мной, либо останется там, мол, ему подходят оба варианта. А я бросила его...

- Лана...

- Нет, бросила! - она чуть повысила голос, нервно всплеснув руками. - Я просто не подумала, понимаете? Он так уверенно сказал: поднимай короля, я сразу за вами, что мне даже в голову не пришло, что он не сможет. Я так хотела вернуться, оказаться в безопасности, что совсем забыла о том, что и он, и Арант мне говорили.

- Это не твоя вина, Лана, - с нажимом заявил король, ловя ее руки своими и крепко сжимая их.

Кончики его пальцев все еще были влажными, и холодные капельники Лана почувствовала особенно остро. Это немного отрезвило, напомнив о необходимости вести себя сдержанно.

- Это был его выбор, - уже тише добавил король.

- Знаю. Но мне почти каждую ночь снится, что мы снова там. Я, вы, он. Мне снится, что на этот раз я вспоминаю вовремя и нахожу способ вытащить вас обоих. А потом я просыпаюсь и...

Она замолчала, не зная, как передать словами то острое чувство отчаяния и потери, которое накрывало ее каждое утро, стоило ей осознать, что это был всего лишь сон.

- Теперь уже не вернуться назад и ничего не исправить.

- Мне знакомо это чувство, поверь.

- А я так много важного не успела сказать. Даже не попрощалась с ним...

- И это чувство мне знакомо. Время лечит, Лана. Оно делает это мучительно медленно, но рано или поздно утихнет и горечь потери, и чувство вины. Просто позволь себе отпустить.

Она отняла руки, на этот раз с силой сцепив их в замок на коленях.

- Пока не могу, - тихо призналась она. - Я знаю, что это противозаконно, но так или иначе буду развивать свой дар и продолжать искать... Марека на нижнем уровне. Может быть, ему удалось спастись от чудовищ, и он по-прежнему где-то там.

Сорроу понимающе кивнул.

- Не собираюсь запрещать или как-то препятствовать. И хочу предложить тебе способ сделать так, чтобы развитие твоего дара не было вне закона.

Лана удивленно вздернула брови.

- Разве это возможно?

- Есть универсальная формулировка: государственная необходимость, - улыбнулся король. - Ты можешь стать гражданским консультантом Легиона для сложных случаев, когда стандартные процедуры и ритуалы дают сбой. Как это произошло с Анной Вест. Тогда развитие твоего дара станет этой самой государственной необходимостью.

Лана задумалась не дольше, чем на секунду, и кивнула.

- Да, мне нравится эта идея.

- Что ж, отлично. - С этими словами Сорроу поднялся на ноги, и она последовала его примеру. - Тогда удачи тебе, Лана.

- Спасибо.

Она понимала, что теперь самое время удалиться, но почему-то ей не хотелось уходить. Сорроу не торопил, стоя перед ней со сцепленными за спиной руками и как всегда очень прямой спиной. Он выжидающе смотрел на нее, и Лана наконец решилась:

- Вашей жене очень повезло. И вашим детям тоже. Если бы мой отец был похож на вас, я бы, наверное, наделала в этой жизни чуть меньше глупостей. Если бы он хотя бы раз в год разговаривал со мной так, как вы.

- Если тебе нужно будет поговорить, я всегда к твоим услугам. Ты знаешь, где меня найти.

- Ну да, - фыркнула Лана, - так меня и пустили в королевский дворец поболтать.

- Вообще-то я имел в виду - во сне.

- Это же страшное преступление против государства, - прищурилась Лана.

- Не в том случае, если я разрешил.

Лана недоверчиво смотрела на него, не зная, как реагировать. Это звучало как чересчур щедрое предложение, и король не мог говорить серьезно, но... Ничто в выражении его лица не выдавало, что он шутит.

- Спасибо, Ваше Величество. Не буду отказываться.

Эпилог

Остаток лета пролетел быстро и незаметно. Никто и оглянуться не успел, как листва на деревьях начала желтеть и опадать, зачастили дожди, ветра стали холоднее, а дни – короче.

Лане пришлось ждать середины осени и своего официального совершеннолетия, чтобы воспользоваться предложением короля и стать гражданским консультантом Легиона. На учебу в СКА она так и не вернулась, но потратила прошедшие месяцы с пользой, продолжая тренироваться с Арантом в снохождении и изучая правила и процедуры Легиона.

Благодарность короля не ограничилась разрешением практиковать ментальную магию и приходить в его сны, если ей понадобится поговорить. Он ускорил разбирательства, связанные с имуществом Лероев, в результате чего Лане еще в конце лета вернули почти треть того, чем владела ее семья. В том числе столичный дом, в который они с Мартой и переехали. Большой загородный особняк, в котором Лана выросла, теперь тоже снова принадлежал ей, но пока она не знала, что с ним делать. С одной стороны, дом был ее «родовым гнездом», с другой – никаких теплых чувств и воспоминаний, с ним связанных, у нее не осталось, а содержание столь большой недвижимости требовало серьезных денег. Лана склонялась к тому, чтобы его продать.

Ее двадцатый день рождения прошел куда скромнее, чем она планировала еще в начале года, хотя Арант неожиданно предложил ей свой клуб для организации вечеринки. Почему-то бесплатно. Лане это показалось странным, и она на всякий случай отказалась, но из вежливости пригласила его на домашнюю вечеринку, на которую он пришел. Это показалось Лане еще более странным, но пока она была не готова строить версии о причинах.

Она, конечно, продолжала пытаться вернуть Марека, снова и снова погружаясь на нижний уровень, но никак не могла его там найти. Паразитов почему-то тоже, но этот факт ее как раз совершенно не огорчал. Однако с каждым таким погружением, с каждой неудачей шансов на счастливый исход становилось все меньше. В него и так верили только она и сам Арант, остальные лишь великодушно позволяли им верить.

В Легион Лана явилась ранним утром первого рабочего дня последнего месяца осени, как ей было назначено. Она сменила удобные синие штаны из плотной ткани на строгий брючный костюм, затянула волосы в тугий пучок на затылке, изо всех сил стараясь выглядеть взрослой, серьезной и надежной. Дежурный на входе скептически дернул бровью, увидев фамилию в ее документах, но ничего не сказал. Убедившись, что ей действительно назначено, он пропустил Лану и подсказал, где найти нужный кабинет.

У двери она немного замешкалась, собираясь с мыслями, но потом все же постучалась. Вместо обычного крика «Войдите!» приглашением ей послужило тихое клацанье замка и едва заметное движение створки.

Толкнув дверь, Лана оказалась в небольшом помещении, обставленном весьма лаконично. Хозяйка кабинета поднялась из-за стола, приветствуя ее сдержанной улыбкой.

– Здравствуй, Лана.

– Добрый день, госпожа Сатин.

Хильда улыбнулась шире и поправила:

– Теперь уже Мор.

– О, поздравляю, я не знала, что вы со старшим легионером столицы поженились.

– Это произошло недавно и очень тихо, – призналась Хильда, не предлагая ей сесть.

Вместо этого она поманила Лану за собой, и они обе снова оказались в коридоре.

– У тебя сегодня первый день, но совсем не обязательно так нервничать, – заметила Хильда. – Никто не собирается сходу бросать тебя в воду. Тебе назначили наставника, который будет постепенно вводить в курс дел и подсказывать, какие еще процедуры стоит изучить. Придется сдать несколько зачетов, прежде чем тебя допустят до реальных расследований.

– А мне нужно будет носить форму? – поинтересовалась Лана, косясь на мундир Хильды.

– Нет, если только ты не решишь отправиться учиться в Академию, чтобы стать полноценным легионером. Пока ты гражданский консультант, у тебя соответствующие ограничения в полномочиях и послабления в обязанностях. Собственно, я бы рекомендовала тебе оставаться с Легионом на такой почтительной дистанции.

Лана насупилась, посчитав, что это камень в огород ее ненадежности в связи с происхождением, но Хильда тут же добавила более мягким тоном:

– Служба в Легионе – занятие весьма выматывающее и несколько разрушающее. Так будет лучше прежде всего для тебя самой.

Лана выдохнула и попыталась изобразить улыбку. Несмотря на ободряющие тон и слова Хильды, она все равно нервничала.

Пройдя до конца коридора и поднявшись на этаж выше, они наконец остановились у двери, в которую Хильда быстро постучала и, не дожидаясь ответа, вошла. Лана шагнула вслед за ней и оказалась в другом небольшом кабинете, с той только разницей, что здесь умещались два стола, один из которых оставался пока девственно чистым, словно только еще ждал хозяина.

Хозяином второго стола оказался мужчина чуть старше Хильды с очень серьезными серыми глазами и копной почти черных волос, резко контрастирующих с ними. Он поднялся им навстречу, слегка одергивая китель, и коротко кивнул, когда Хильда поздоровалась.

– Это господин Варт, твой наставник, – представила она его Лане. – Следователь с большим опытом работы и практически бесконечным терпением.

На этих словах губы Варта дрогнули в улыбке, а взгляд едва заметно смягчился.

– Варт, это Лана Лерой, о которой я тебе говорила. Принимай и наставляй. Удачи вам обоим.

Новый наставник только снова кивнул, а Лана пробормотала: «Спасибо», прежде чем за Хильдой успела закрыться дверь.

После чего они остались вдвоем, глядя друг на друга. Лана смотрела немного испуганно, Варт – излучающе.

– Что ж, – наконец изрек он, – добро пожаловать в Легион, Лана.

И только после этих слов происходящее наконец стало для нее реальным.

Марта до сих пор чувствовала себя странно, приходя сюда, хотя ее давно пускали без всяких вопросов, даже едва заметно кланялись в знак приветствия и не провожали, давая возможность самой найти дорогу. Она уже десятки раз пересекала этот холл, каждый шаг в котором эхом отражался от стен и потолка, поднималась по лестнице на второй этаж, проходила по коридору до самого конца и открывала дверь.

К новому – то есть, настоящему – лицу друга она почти привыкла, хотя в первое мгновение все равно ловила себя на мысли, что ожидала увидеть другое. Но дело тут было не столько в изменившихся чертах, сколько в прогрессирующей болезненности. Сегодня оно и вовсе казалось восковой маской.

В человеке, который никак не просыпается, жизнь можно поддерживать долго, но не бесконечно.

Сегодня Марек был в комнате не один: хозяин дома сидел в кресле у его постели. Марта могла бы поклясться, что прежде, чем открылась дверь, Арант с ним разговаривал. От этой мысли она испытала смешанные чувства: от острой жалости и тоски до непривычного тепла и нежности.

– Добрый день, господин Арант, – вежливо поздоровалась она, хотя он даже голову не повернул на звук открывшейся двери.

– Здравствуйте, госпожа Бренон.

Его голос звучал отстраненно, но Марта все равно знала, что ее визиты Арант одобряет. Вот невесту Рейна Братта отвалил быстро, дав понять, что ей не стоит ждать его пробуждения. Та и не сопротивлялась сильно, узнав, что все это время Братт ее обманывал, скрывая настоящую личность.

Марта подошла к постели Марека, присела на краешек и коснулась его руки. Она знала, что это бессмысленно: здесь только тело, самого Марека нет и, вероятно, он никогда уже не вернется. Они все это знали, но в каждом жила крошечная надежда на ошибку. И ради этой надежды они продолжали относиться к нему как к живому.

Больше других, конечно, делал Арант: он взял Марека в свой дом, нанял докторов и персонал для ухода и, насколько знала Марта, приходил сюда по несколько раз в день. Поначалу ее это удивляло, но когда Лана рассказала ей личную историю главы Темного Ковена, все встало на свои места, хотя сама Лана и упускала в этой истории главное.

– Вас оставить наедине? – вежливо предложил Арант, поскольку Марта молчала, но та лишь

качнула головой.

– Нет, я сегодня ненадолго. Просто заскочила поздороваться и сказать ему, что все еще жду его возвращения. Глупо, наверное, да?

Она повернулась к Аранту, сидящему в кресле с другой стороны кровати, и вопросительно посмотрела на него, но он только равнодушно пожал плечами.

– Вы меня спрашиваете? Я захожу к нему, даже чтобы поприветствовать утром и пожелать спокойной ночи. Только не говорите об этом никому: мне надо блюсти репутацию. На всех слуг я наложил ограничивающее заклятие, они не смогут меня выдать, даже если захотят, но с вами я не связан рабочим контрактом, поэтому подобное заклятие противозаконно.

– Можно подумать, это может вас остановить, – улыбнулась Марта.

Арант только согласно вздохнул, но объяснять, почему именно не хочет накладывать заклятие против ее воли, не стал.

– Он много для вас значит, да? – решила спросить Марта после небольшой паузы.

– Мы давно знакомы, – уклончиво ответил Арант, не давая снова поймать его взгляд.

– Лана рассказала о вашем сыне, с которым вы оказались разлучены.

– Это слишком романтичная трактовка произошедшего, – поморщился Арант. – Вероятно, правильнее будет сказать, что в свое время я просто бросил его, решив не отстаивать свои родительские права.

Марта не стала спорить. Снова немного помолчав, поинтересовалась:

– А с той девушкой вы больше никогда не пытались... восстановить отношения?

– Нет, мы больше не встречались.

– Даже когда она овдовела?

Только теперь он бросил на нее прямой взгляд, в котором читалось удивление: этой детали он Лане не упоминал.

– А зачем? Много лет назад она сама сказала, что больше не хочет меня видеть. Нет так нет. Кто я такой, чтобы навязываться?

– И даже тот факт, что она назвала сына в вашу честь, лишь немного изменив форму, не смягчил вашей обиды на нее?

Удивление в его взгляде сменилось сначала пониманием, потом смирением, а после и чем-то похожим на удовлетворение.

– Да при чем здесь обида? – вздохнул Арант. – Никакая любовь не живет вечно. За двадцать лет чувства угасают, даже если их стараться разжигать. А если не стараться, так и подавно.

Марта кивнула, принимая его ответ. Снова перевела взгляд на Марека и только тогда задала последний вопрос:

– Не жалеете теперь о том, что так и не сказали ему правду? Не сказали, кто он вам и почему вы так стараетесь ради него?

– А зачем? Кому от этого стало бы легче? Мне? Но разве я это заслужил?

В его голосе слышались нотки, которые Марта никогда раньше не замечала. И они заставили ее встать, обойти широкую кровать и приблизиться к креслу Аранта, положить руку ему на плечо в ободряющем жесте.

– Вы сделали для него все, что могли.

Он упрямо качнул головой.

– Я не должен был от него отказываться. Все могло бы сложиться иначе.

– Еще не все потеряно, Марк. Лана продолжит пытаться.

– Знаю, – кивнул Арант. – Хотя свой долг она мне уже отдала.

- Она продолжит не поэтому.

- Знаю, - повторил он. - Чего я не знаю, так это получится ли у нее когда-нибудь.